

РОМАНОВЫ

ДИНАСТИЯ В РОМАНАХ

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Алексей Михайлович //Армада, Москва, 1994

ISBN: 5-87994-044-6

FB2: Faiber <faiber@yandex.ru >, 28 October 2012, version 1.0

UUID: 087B1DC6-1B02-4936-9F0A-8C5D49582198

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Андрей Ефимович Зарин

На изломе

(Романовы. Династия в романах #4)

Роман повествует о бурных событиях середины XVII века. Раскол церкви, народные восстания, воссоединение Украины с Россией, война с Польшей — вот основные вехи правления царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим.

Содержание

#1	0007
Часть первая. Походы	0024
I. У заплечных дел мастера	0024
II. При царе	0041
III. Воры	0051
IV. Выступление войска	0060
V. Два брата	0068
VI. Продолжение пятой главы	0077
VII. Скарредное дело	0086
VIII. Отъезд	0095
IX. Сила солому ломит	0108
X. Грешники	0117
XI. Око за око	0128
XII. В походе	0138
XIII. Под смоленском	0148
XIV. В непрестанном бою	0157
XV. Победы	0167
XVI. Любовь	0176
XVII. Юродивый	0185
XVIII. Божья кара	0195
XIX. Мор	0203
XX. Любовь и дружба	0211
XXI. Царский отъезд	0220
XXII. Удар	0229
XXIII. Немного истории	0238

Часть вторая. Тяжелые времена	0247
I. Воры	0247
II. Два брата	0257
III. Соколиная охота	0264
IV. Колдовство	0273
V. Спасенные	0281
VI. Присуха	0290
VII. Смута	0297
VIII. У Морозовой	0304
IX. Ночь свиданий	0313
X. Побег	0324
XI. Опозоренные	0334
XII. В Коломне и городе	0343
XIII. Перед грозой	0351
XIV. Гроза	0360
XV. Продолжение	0369
XVI. Крутая расправа	0380
XVII. Безумие	0389
XVIII. Сила и правда	0398
XIX. Суд и расправа	0408
XX. Скорбные духом	0418
Часть третья. Концы и начала	0427
I. Через семь лет	0427
II. Царская невеста	0434
III. Царские смотрины	0442
IV. Поворот на новое	0451
V. Свадьба	0460
VI. Свыше сил	0467

VII. Гроза0474
VIII. Во славу господи!0481
IX. Небесная кара0489
X. Тяжкие времена0496
XI. Исступленные0506
XII. Последнее прощание0515
XIII. В поход0524
XIV. Нежданная встреча0531
XV. Одна из историй XVII века0540
XVI. Не судил Бог0547
XVII. Два брата0555
XVIII. Новое ломит старое0563
Комментарии0570
Об авторе0570
Хронологическая таблица0572

Андрей Ефимович Зарин
На изломе
Картины из времени
царствования царя Алексея
Михайловича (1653–1673)

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ — второй царь из дома Романовых; родился 19 марта 1629 г., царствовал с 14 июля 1645 по 28 января 1676 года. До пятилетнего возраста молодой царевич Алексей оставался на попечении у царских «мам». С пяти лет под надзором Б. И. Морозова он стал учиться грамоте по букварю, затем приступил к чтению часовника, псалтыря и деяний Св. Апостолов, в семь лет начал обучаться письму, а в девять — церковному пению. С течением времени у ребенка одиннадцати — двенадцати лет составила маленькая библиотека; из книг, ему принадлежавших, упоминаются, между прочим «Лексикон» и «Грамматика», изданные в Литве, а также «Космография». В числе предметов «детской потехи» будущего царя встречаются конь и детские латы «немецкого дела», музыкальные инструменты, немецкие карты и «печатные листы» (картинки). Таким образом, наряду с прежними образовательными средствами заметны и нововведения, которые сделаны были не без прямого влияния Б. И. Морозова.

Последний, как известно, одел в первый раз молодого царя с братом и другими детьми в немецкое платье. На четырнадцатом году царевича торжественно «объявили» народу, а шестнадцати лет он, лишившись отца и матери, вступил на престол московский. Со вступлением на престол царь Алексей стал лицом к лицу с целым рядом тревожных вопросов, волновавших древнерусскую жизнь XVII века. Слишком мало подготовленный к разрешению такого рода вопросов, он первоначально подчинился влиянию бывшего своего дядьки Б. И. Морозова, но вскоре и сам стал принимать личное участие в делах. В этой деятельности окончательно сложились основные черты его характера. Самодержавный русский царь, судя по его собственным письмам, отзывам иностранцев (Мейерберга, Коллинза, Рейтенфельса, Лизека) и отношениям его к окружающим, обладал замечательно мягким, добродушным характером, был, по словам г. Котошихина, «гораздо тихим». Духовная атмосфера, среди которой жил царь Алексей, его воспитание, харак-

тер и чтение церковных книг развили в нем религиозность. По понедельникам, средам и пятницам царь во все посты ничего не пил и не ел и вообще был ревностным исполнителем церковных обрядов. К почитанию внешнего обряда присоединялось и внутреннее религиозное чувство, которое развивало у царя Алексея христианское смирение. «А мне, грешному, — пишет он, здешняя честь, аки прах». Царское добродушие и смирение иногда, однако, сменялись кратковременными вспышками гнева. Однажды царь, которому пускал кровь немецкий «дохтур», велел боярам испробовать то же средство. Р. Стрешнев не согласился. Царь Алексей собственноручно «смирил» старика, но затем не знал, какими подарками его задобрить. Вообще царь умел отзываться на чужое горе и радость; замечательны в этом отношении его письма к А. Ордын-Нащокину и князю Н. Одоевскому. Мало темных сторон можно отметить в характере царя Алексея. Он обладал скорее созерцательной, пассивной, а не практической, активной натурой. Он стоял на

перекрестке между двумя направлениями, старорусским и западным, примирял их в своем мировоззрении, но не предавался ни тому, ни другому со страстной энергией Петра. Царь был не только умным, но и образованным человеком своего века. Он много читал, писал письма, составил «Уложение сокольничья пути», пробовал писать свои воспоминания о польской войне, упражнялся в версификации. Он был человеком порядка по преимуществу; «делу время и потехе час» (то есть всему свое время), — писал он; или «без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепитя».

Этот чин, однако, нужно было утвердить при вступлении шестнадцатилетнего царя на престол. Молодой царь подчинился влиянию Б. Морозова. Задумав жениться, он в 1647 г. выбрал себе в жены дочь Рафа Всеволодского, но отказался от своего выбора благодаря интригам, в которые, вероятно, замешан был сам Морозов. В 1648 г. 16 января, царь заключил брак с Марьей Ильинишной Милославской; вскоре затем Морозов женился на сестре ее Ан-

не. Таким образом Б. И. Морозов и
тесть его И. Д. Милославский приобре-
ли первенствующее значение при дворе.
К этому времени, однако, уже ясно об-
наружились результаты плохого
внутреннего управления Б. И. Морозо-
ва. Царским указом и боярским приго-
вором 7 февраля 1646 г. установлена
была новая пошлина на соль. Эта по-
шлина заменила не только прежнюю
соляную пошлину, но и ямские и стре-
лецкие деньги; она превосходила ры-
ночную цену соли — главного пред-
мета потребления — приблизительно
в полтора раза и вызвала сильное недо-
вольство со стороны населения. К это-
му присоединились злоупотребления
Д. И. Милославского и молва о при-
страстии царя и правителя к ино-
странным обычаям. Все эти причины
вызвали бунт народный в Москве и бес-
порядки в других городах; 25 мая
1648 г. народ стал требовать у царя
выдачи Б. Морозова, затем разграбил
его дом и убил окольничего Плещеева и
думного дьяка Чистого. Царь поспе-
шил тайно отправить любимого им
Б. И. Морозова в Кириллов монастырь,

а народу выдал окольникового Траханиотова. Новая пошлина на соль отменена была в том же году. После того как народное волнение стихло, Морозов возвратился ко двору, пользовался царским расположением, но не имел первенствующего значения в управлении. Царь Алексей возмужал и уже более не нуждался в опеке; сам он писал Никону в 1651 г., что «слово его стало во дворце добре страшно». Слова эти, однако, на деле не вполне оправдались. Мягкая, общительная натура царя нуждалась в советчике и друге. Таким «собинным», особенно любимым, другом стал Никон. Будучи в то время митрополитом в Новгороде, где со свойственной ему энергией он в марте 1650 г. усмирал мятежников, Никон овладел доверием царским, посвящен был в патриархи 25 июля 1652 г. и стал оказывать прямое влияние на дела государственные. Из числа последних особенное внимание правительства привлекали внешние сношения. Еще в конце 1647 г. казацкий сотник Зиновий Богдан Хмельницкий бежал из Украины в Запорожье, а оттуда в

Крым. Возвратившись с татарским войском и избранный в гетманы казацкою радой, он поднял всю Украину, порази польские войска при Желтых Водах, Корсуне, Пилаве, осаждал Замостье и под Зборовом заключил выгодный мир; потерпев неудачу под Берестечком, он согласился под Белою Церковью на мир гораздо менее выгодный, чем Зборовский. Мир этот возбудил народное неудовольствие; гетман принужден был нарушить все условия и в стесненных обстоятельствах обратился с просьбою о помощи к «царю восточному». На соборе, созванном по этому поводу в Москве 1 октября 1653 г., решено было принять казаков в подданство и объявлена война Польше. 18 мая 1654 г. сам царь выступил в поход, съездив помолиться к Троице и в Саввин монастырь. Войско направилось к Смоленску. После сдачи Смоленска 23 сентября царь возвратился в Вязьму. Весной 1655 г. предпринят был новый поход. 30 июля царь совершил торжественный въезд в Вильну, затем взяты были Ковно и Гродно. В ноябре царь возвратился в Москву. В это вре-

мя успехи Карла X, короля шведского, завладевшего Познанью, Варшавою и Краковом, изменили ход военных действий. В Москве стали опасаться усиления Швеции на счет Польши. 15 июля 1656 года царь двинулся в поход к Ливонии и, по взятии Динабурга и Кокенгаузена, осадил Ригу. Осада снята была из-за слуха, что Карл X идет в Ливонию. Дерпт занят был московскими войсками. Царь отступил в Полоцк и здесь дождался перемирия, заключенного 24 октября 1656 г. Окончательный мир заключен в Кардисе в 1661 г.; по этому миру царь уступил все завоеванные им места. Невыгодные условия Кардисского мира вызваны были смутами в Малороссии и новой войной с Польшей. По смерти Богдана Хмельницкого, в июле 1657 г., Иван Выговский провозгласил себя гетманом, изменил Москве, но вскоре изгнан был самими казаками, которые избрали на его место Юрия, сына Богдана Хмельницкого. Юрий присягнул Москве, но вскоре постригся в монахи и заменен, на правой стороне Днепра, Тетерей. Пользуясь смутами в Малороссии,

Польша отказалась признавать Алексея Михайловича наследником польского престола и не уступала Москве ее завоеваний. Отсюда возникла вторая польская война. В июне 1660 г. князь Хованский потерпел поражение у Полонки, в сентябре — Шереметев под Чудновом. Дела приняли еще более опасный оборот благодаря продолжавшимся в Малороссии смутам. Тетеря присягнул королю, который явился на левой стороне Днепра, но после неудачной осады Глухова, в начале 1664 г., и успешных действий его противников — Брюховецкого, избранного гетманом на левой стороне Днепра, и князя Ромодановского, ушел за Десну. А. Ордын-Нащокин советовал царю отказаться от Малороссии и обратиться на Швецию. Алексей Михайлович отклонил это предложение; он не терял надежды. Благоприятному исходу борьбы способствовали внутренние беспорядки в Польше и переход гетмана Дорошенко, преемника Тетери, в подданство турецкому султану. 13 января 1667 г. заключен был мир в деревне Андрусове. Царь Алексей, по этому

миру, приобрел Смоленск, Северскую землю, левую сторону Днепра и, кроме того, Киев на два года.

Во время войн 1654–1658 гг. царь часто отсутствовал в Москве, находился, следовательно, вдали от Никона и присутствием своим не сдерживал властолюбия патриарха. Возвратившись из походов, он стал тяготиться его влиянием. Враги Никона воспользовались охлаждением к нему царя и непочтительно стали относиться к патриарху. Горделивая душа архипастыря не могла снести обиды; 10 июля 1658 г. он отказался от своего сана и уехал в Воскресенский монастырь. Государь, однако, не скоро решился покончить с этим делом. Лишь в 1666 г. на духовном соборе, под председательством Александрийского и Антиохийского патриархов, Никон был лишен архиерейского сана и заточен в Белозерский Ферапонтов монастырь. В тот же период войн (1654–1667 гг.) царь Алексей лично побывал в Витебске, Полоцке, Могилеве, Ковно, Гродно, особенно в Вильне и здесь ознакомился с новым образом жизни; по возвращении в

Москву он сделал перемены в придворной обстановке. Внутри дворца появились обои (золотые кожи) и мебель на немецкий и польский образец. Снаружи резьба не производилась лишь на поверхности дерева по русскому обычаю, а стала фигурной, во вкусе рококо.

Едва успела стихнуть война с Польшей, как правительство должно было обратить внимание на новые внутренние беспорядки, на Соловецкое возмущение и бунт Разина. С падением Никола не уничтожено было главное его нововведение: исправление церковных книг. Многие священники и монастыри не согласились принять эти новшества. Особенно упорное сопротивление оказал Соловецкий монастырь; осажденный с 1668 г., он взят был воеводой Мещериновым 22 января 1676 г.; мятежники были перевешаны. В то же время на юге поднял бунт донской казак Степан Разин. Ограбив караван гостя Шорина в 1667 г., Разин двинулся на Яик, взял Яицкий городок, грабил персидские суда, но в Астрахани принес повинную. В мае 1670 г. он снова от-

правился на Волгу, взял Царицын, Черный Яр, Астрахань, Саратов, Самару и поднял черемис, чува, мордву, татар, но под Симбирском разбит был князем Ю. Барятинским, бежал на Дон и, выданный атаманом Корнилом Яковлевым, казнен в Москве 6 июня 1671 г. Вскоре после казни Разина началась война с Турцией из-за Малороссии. Брюховецкий изменил Москве, но и сам был убит приверженцами Дорошенко. Последний стал гетманом обеих сторон Днепра, хотя управление левой стороной поручил наказному гетману Многогрешному. Многогрешный избран был в гетманы на раде в Глухове (в марте 1668 г.), снова перешел на сторону Москвы, но был свергнут старшинами и сослан в Сибирь. На его место в июне 1672 г. избран Иван Самойлович. Между тем турецкий султан Магомет IV, которому поддался Дорошенко, не хотел отказаться и от левобережной Украины. Началась война, в которой прославился польский король Ян Собесский, бывший коронным гетманом. Война окончилась двадцатилетним миром лишь в 1681 г.

Из внутренних распоряжений при царе Алексее замечательны: запрещение (в 1648 г.) беломестцам (монастырям и лицам, находившимся на государственной, военной или гражданской службе) владеть черными, тяглыми землями и промышленными, торговыми заведениями (лавками и проч.) на посаде; окончательное прикрепление тяглых классов, крестьян и посадских людей к месту жительства; переход воспрещен был в 1648 г. не только крестьянам-хозяевам, но и детям их, братьям и племянникам. Основаны новые центральные учреждения, каковы приказы: Тайных дел (не позже 1658 г.), Хлебный (не позже 1663 г.), Рейтарский (с 1651 г.), Счетных дел (упоминается с 1657 г.), занятый проверкой прихода, расхода и остатков денежных сумм, Малороссийский (упоминается с 1649 г.), Литовский (1656–1667), Монастырский (1648–1677). В финансовом отношении сделано также несколько преобразований: в 1646 и последующих годах совершена перепись тяглых дворов с их совершеннолетним и несовершеннолетним населением мужского

пола, сделана неудачная вышеуказанная попытка введения новой соляной пошрины; указом от 30 апреля 1654 г. запрещено было взимать мелкие таможенные пошрины (мыт, проезжие пошрины и годовщину) или отдавать их на откуп, и велено было зачислить в рублевые пошрины, взимаемые в таможенных; в начале 1656 г. (не позже 3 марта) ввиду недостатка денежных средств выпущены медные деньги. Вскоре (с 1658 г.) медный рубль стал цениться в 10, 12, а в шестидесятых годах даже в 20 и 25 раз дешевле серебряного; наступившая вследствие этого страшная дороговизна вызвала народный мятеж 25 июля 1662 г. Мятеж усмирен обещанием царя наказать виновных и высылкою стрелецкого войска против мятежников. Указом от 19 июня 1667 г. велено было приступить к постройке кораблей в селе Деминове на Оке; впрочем, выстроенный тогда же корабль сгорел в Астрахани. В области законодательства: составлено и издано Уложение (печаталось в первый раз 7—20 мая 1649 г.) и пополняющие его в некоторых отношениях:

Новоторговый устав 1667 г, Новоуказные статьи о разбойных и убийственных делах 1669 г., Новоуказные статьи о поместьях 1676 г. При царе Алексее продолжалось колонизационное движение в Сибирь. Прославились в этом отношении А. Булыгин, О. Степанов, Е. Хабаров и другие. Основаны Нерчинск (1658 г.), Иркутск (1659 г.), Селенгинск (1666 г.).

В последние годы правления царя Алексея при дворе особенно возвысился А. С. Матвеев. Через два года по смерти М. И. Милославской (4 марта 1669 г.) царь женился на его родственнице, Наталье Кирилловне Нарышкиной. 22 янв. 1671 г. Матвеев, поклонник западноевропейских обычаев, давал театральные представления, на которые ходил не только сам царь, но и царица, царевичи и царевны (например 2 ноября 1672 г. в селе Преображенском). 1 сентября 1674 г. царь «объявил» сына своего Федора народу как наследника престола, а под 30 января 1676 г. умер, 47 лет от роду.

Царь Алексей от М. И. Милославской имел детей: Дмитрия (1648 окт. —

1651 окт.), Евдокию (1650 фев. — 1712 март), Марфу (1652 авг. — 1707 июль), Алексея (1654 фев. — 1670 янв.), Анну (1655 янв. — 1659 май), Софью (1657 сент. — 1704 июль), Екатерину (1658 нояб. — 1718 май), Марию (1660 янв. — 1723 март), Федора (1661 май — 1682 апр.), Феодосию (1662 май — 1713 дек.), Симеона (1665 апр. — 1669 июнь), Ивана (1666 авг. — 1696 янв.), Евдокию (1669 фев. — 1669 фев.). От Н. К. Нарышкиной царь имел детей: Петра (30 мая 1672 — 28 янв. 1725), Наталью (1673 авг. — 1716 июнь), Федора (1674 сент. — 1678 нояб.).

Важнейшие сочинения по истории царствования царя Алексея: С. Соловьев, «История России», т. X, XI и XII; В. Берх, «Царствование царя Алексея Михайловича» (СПб., 1831 г.); И. Забелин, «Царь Алексей Михайлович» (в «Опытах изучения русских древ. и истор.», т. I, стр. 203–281; то же в «Отечественных Записках», т. 110, стр. 325–378); М. Хмыров, «Царь Алексей Михайлович и его время» (в «Древней и Новой России», т. III, 1875 г.); С. Платонов, «Царь Алексей Михайлович» (в «Историческом Вест-

нике», 1886 г., май, стр. 265–275).
Энциклопедический словарь. Изд. Брок-
гауза и Ефрона, т. I А, СПб, 1890.

Часть первая. Походы

I. У заплечных дел мастера

В грязном углу Китай города на Варшавском Кряже под горою находилось страшное место, обнесенное высоким тыном. Московские люди и днем-то старались обойти его подалее, а на темную вечернюю пору или, упаси Боже, ночью не было такого сорвиголовы, который решился бы идти мимо этого проклятущего места. Называлось оно разбойным приказом или, между москвичами в страшную насмешку, Зачатьевским монастырем. Ведались в нем дела татебные да разбойные, по сыску и наговору, и горе было тому, кто попал туда хотя бы и занапрасно. Радея о правде, пытая истину, ломали ему кости, рвали и жгли тело и выпускали потом калекою навеки, с наказом в другой раз не попадаться.

С утра и до ночи шла там страшная работа, и вопли подчас вырывались даже из-за высокого тына и неслись по глухой улице, заставляя креститься и вздрагивать прохожего. Пря-

мили там государю боярин со стольником да двумя дьяками и заплечный мастер с молодцами.

За высоким тыном вокруг широкого двора были разбросаны постройки. Прямо перед воротами тянулось низкое строение с маленькими отдушинами на уровне с землею, закрытыми железными решетками, — так называемые ямы, куда бросали преступников, закованных в железо; немного дальше стояло здание повыше, тюрьма и клетки, где тоже томились преступники, но в условиях более сносных. Рядом с этими зданиями, во дворе налево, стояла приказная изба, а напротив, справа, высилась тяжелая каменная, низкая башня, где помещался страшный застенок.

Во дворе стояли тюремные стражники, взад и вперед пробегали заплечные мастера, то и дело тащили из ям и клеток преступников на допросы с дыбы или выносили из застенка изломанных, окровавленных.

У ворот этого страшного приказа ходили с бердышами два стрельца по наряду, и тут же, на месте, огороженном невысоким частоколом, мучились жены, муже — и детоубийцы,

по пояс закопанные в землю.

Недалеко от этого страшного места, саженьях в двухстах от него, стоял чистенький веселый домик, обнесенный забором, но хоть и весел он был на вид, мимо него также берегся идти скромный обыватель. Никогда никто в нем не видел веселых гостей, никогда никто не слышал, чтобы в нем раздались смех или пение, и теперь вот, хотя стоит на дворе ясный весенний день и теплому солнцу радуется не только человек, а всякая тварь Божья, каждый листок на дереве, каждая травка, в домике словно вымерла вся жизнь, а между тем там живут люди: муж, жена и тринадцатилетний сын.

Только если бы вышли они на шумную улицу или площадь, все гуляющие шарахнулись бы от них, как от зачумленных, потому что всякий бы узнал в высоком широкоплечем богатыре с русою бородою от плеча до плеча, с добродушною усмешкой под густыми усами и с веселыми серыми глазами страшного мастера разбойного приказа Тимошку-кожедера.

Кто его не знал! Недели не проходило, что-

бы на лобном месте у тяжелой плахи или высокой виселицы не являлся бы он перед москвичами в своей кумачовой рубаше с яхонтовыми запонами, с засученными рукавами и, добродушно посмеиваясь, не потешал бы народ прибаутками, от которых между плеч начинало знобить.

В этот весенний день, в воскресенье 24 апреля 1653 года, царствования царя Алексея Михайловича 9-го, Тимошка отдыхал от работы у себя дома, потому что день воскресный считался даже и в разбойном приказе.

Встав на заре, он по обычаю отстоял заутреню у себя на дому, для чего слуга его взял с базара попа за два алтына; потом сытно поел пирога с кашею, выпил взварного меда и вышел в сад погулять, пока хозяйка его обед варила.

Хорошо было в густом саду в эту пору!

Птицы, перепархивая с ветки на ветку, весело чирикали, раза два где-то зачинал петь соловей и обрывался, жужжала пчела и, как хлопья снега, мелькали в воздухе капустницы. Черемуха и сирень напоили воздух таким дурманом, что даже Тимошка вздохнул и, ка-

чая головою, подумал: «Хорош мир Божий. И все-то его славит, окромя нас, грешных. Живем словно волки...»

Он прошел к себе на пчельник, где стояло у него пол-сорока колод, за которыми ходил старик с переломанными ногами. Тимошка взял его из приказа на поруки, поддавшись жалости, и пристроил к своей пасеке. Старика пытали, обвиняя в колдовстве, и сломали ему ноги. Потом срослись они, но срослись криво, изогнувшись под коленями, что придавало фигуре старика ужасный вид.

— Ну, как пчелки, Антоша.? — ласково спросил его Тимошка.

— А, слава Господу Богу, — прошамкал старик, усмехаясь бледными губами, — четвертый денечек уже летают. Ишь Господь благодать какую посылает! Теплынь!

И он заковылял на своих искалеченных ногах от колоды к колоде.

Тимошка посмотрел ему вслед и ласково усмехнулся. Он любил этого старика за свое доброе дело, и сам старик любил его и тешил своими речами.

Прошелся Тимошка и по огороду, и по

фруктовому саду где зацвели уже груша и яблоня, пока наконец Васютка здоровый тринадцатилетний парнишка, позвал его обедать.

Ловкая, красивая Авдотья, по рождению дочь палача из земского приказа, собрала уже обед, и Тимошка, перекрестясь, с жадностью принялся хлебать жирную лапшу, запивая ее водкою, потом оладьи и наконец кисель, после чего еще выпил ендову пива. А Авдотья, служа ему весело говорила:

— Кушай, светик, на здоровьице! В недельку раз только и видишь тебя, сокола!

— Пожди, — отвечал Тимошка, — скоро поменьше работы будет. Отдохнем! К вечеру уже шабашить будем.

— С чего так? Али татей да разбойников поменьше?

— Не то! Скоро заведется еще приказ. Тайных дел. Противу царя воров искать будут.

— А воеводою кого?

— Слышь, князя Ромодановского, а другие бают — Шереметева, да нам-то все едино, кабы работишки поубавили, а то беда!

— Ну пожди, скоро Васютка пойдет. Он тебе на помощь, — успокоила его жена и, приго-

говляясь сама обедать, сказала: — Я тебе в саду постелю настлала. На воздухе легче!

— Ну-ну!

И, покрестившись с набожностью, Тимошка пошел под развесистую березу, где хозяйка ему постлала ковер и положила изголовье.

Солнце уже золотило закат, когда Тимошка проснулся и зычным голосом закричал:

— Квасу!

Васька сторожил его сон и теперь стремглав бросился угодить ему.

Тимошка вспотел и тяжело дышал.

Васька принес квасу целый жбан, и едва Тимошка потянул холодный квас богатырским глотком, как живительная сила вернулась к нему разом.

— Хорошо! — сказал он, утирая усы и бороду, и потом, весело усмехаясь, обратился к сыну: — А что, Васютка, может, поучимся?

— А то нет? — радостно ухмыляясь во весь рот, ответил Васютка.

Невысокого роста, но широкий и плотный, с большой головою, на которой вихрами торчали огненно-рыжие волосы, с широким скуластым лицом, он, в противоположность отцу

своему, являлся олицетворением жестокости. При словах отца глаза его засветились радостью.

— Ну-ну, — кивая лохматой головою, сказал Тимошка, — тащи снасть!

И когда сын стрелою умчался из сада, он встал, перекрестился и начал потягиваться с такою могучей силой, что расправляемые кости трещали, словно на дыбе.

Минуты через две Васютка вернулся. На спине он нес кожаный, туго набитый паклею мешок, под мышкою — кучу ремней, которые оказались плетью и кнутом.

— Ладно, начнем! — засучивая рукава рубахи, сказал Тимошка.

Васютка быстро положил наземь мешок и обнажил, как отец, руки. Глаза его горели. Он жадно схватился за плеть.

Это был длинный толстый ремень, аршина в четыре, состоящий из пяти колен: четыре — ровные и короткие — были из толстого негнущегося ремня, пятое же представляло собою длинный, вершков в двенадцать, ремешок из сыромятной кожи, согнутый в виде желобка с заостренным загнутым кончиком; твердый,

как лубок, этот конец был ужасен при ударе.

Отец усмехнулся.

— Плеть так плеть, — сказал он, — зачинай!

Васютка выпрямился и стал вровень с мешком, который казался оголенной спиной. Потом, согнувшись, как бросающаяся на добычу кошка, Васька медленно стал пятиться, собирая в руку коленья распущенной плети, и, собрав всю плеть, на мгновенье остановился. Грудь его прерывисто дышала. И вдруг он визгливо закричал:

— Берегись, ожгу! — и быстро сделал шаг вперед.

В то же время выпущенная из руки плеть вытянулась словно змея, оконечник ее звонко ударил по мешку и свистя взвился в воздух.

Васька остановился и взглянул на отца, ожидая одобрения, но тот покачал головою.

— Неважно! — сказал он. — Ты ему что сделал, а? Ты ему клочочек выдрал, во какой, — он показал на кончик мизинца, — а ты ему должен всю полосочку вон! Гляди!

Он взял плеть из рук сына и с места, как

артист, собрал ее в руку. Потом без возгласа вытянул руку, и плеть выпрямилась, глухо ударив по мешку. Прошло мгновение, и словно подсекая лесою рыбу, Тимошка дернул плеть назад.

— Понял? — сказал он восхищенному сыну. — Ты наложи ее да поддержи, чтобы она въелась, а потом сразу на себя, не кверху, вот она по длине и рванет! Ну-кась!

Васька кивнул головою и взял плеть снова.

— Ожгу! — завизжал он, подскакивая. Плеть хлопнула, он выждал и дернул ее назад. Отец одобрительно кивнул головою.

— Ну, давай таких десятков, — сказал он, — авось не скоро очухается! Да не части.

Васька с увлечением стал наносить удары. Он изгибался, прыгал и звонко вскрикивал.

— Берегись, ожгу! Поддержись! Только для тебя, друга милого!

А сам Тимошка медленно считал удары и делал замечания.

— Руку не сгибай, а назад тяни! Не подымай кверху! Не торопись! Десять! — сказал он наконец, и Васька остановился, тяжело переводя дух. Волосы его взмокли от пота, лицо

доснилось.

— Покажи теперь, как бить, чтобы больно не было! — сказал он.

— Хе! — усмехнулся отец. — Ты поначалу выучись, как кожу рвать. А то ишь!

— А когда в застенок поведешь?

— Ну, это еще погоди. Пожалуй, заорешь там со страху. Это не мешок. Ну, бери кнут теперь!

В это время мимо страшного приказа по пустынной улице шли два человека, направляясь к домику Тимошки. Одеты они были в тонкого сукна кафтаны поверх цветных рубашек, охваченных шелковыми опоясками, шерстяные желтые порты были заправлены в польские сапоги с зелеными отворотами, на головах их были поярковые шапки невысоким гречишником [1].

— В жисть бы не поверил, что к нему охоткою пойду, — говорил рослый блондин своему товарищу, невысокому, но крепкому парню с черной как смоль бородою. Тот сверкнул в ответ зубами, белыми как кипень, и сказал:

— Все к лучшему, Шаленый! Теперь, ежели попадешься ему в лапы, он тебя за друга при-

знает. Легше будет!

— Тьфу! — сплюнул Шаленый.

Они подошли к воротам, и товарищ Шаленого ухватился за кольцо.

Васька уже было взялся за кнут, когда слышался стук в калитку.

Тимошка с изумлением оглянулся через плетень на дверь.

— Ко мне? Кто бы это?

— А Ивашка стрелец, — напомнил ему Васютка, — он хотел веревку купить для счастья.

— А! — Тимошка усмехнулся. — Побеги, открой ему!

Васька бросил кнут и убежал. Через минуту он вернулся с встревоженным лицом.

— Не, какие-то люди. Тебя спрашают!

— Какие такие? — сказал Тимошка, собираясь идти на двор; но они уже вошли в сад.

Тимошка подошел к ним.

Они, видимо робея, поклонились и прямо приступили к делу.

— Покалякать с тобою малость, — сказал черный и, оглянувшись, прибавил: — Дело потаенное!

— Ништо, — ответил Тимошка, — у меня тут ушей нету. Сажаетесь! — Он подвел их к скамье под кустами сирени и опустился первый.

Шаленый увидел мешок, кнут с плетью и вздрогнул.

— Это что? — спросил он.

Тимошка усмехнулся.

— Снасть. Мальчонку учил. Васька, — крикнул он, — убери! — и обратился к гостям: — Какое дело-то?

— Потаенное, — повторил черный, и нагнувшись, сказал: — Бают, слышь, что у вас в клетях сидит Мирон.

— Мало ли их у нас! Мирон, Семен.

Шаленый вздрогнул.

— Нам невдомек. Какой он из себя? За что сидит?

— Рыжий... высокий такой... по оговору взяли... будто смутьянил он... а он ничим...

— Этого-то? Знаю! — кивнул Тимошка. — Ну?

— Ослобонить бы его, — прошептал черный и замер.

Тимошка откинулся, потом покачал голе-

вою и усмехнулся.

— Ишь! — сказал он. — Да нешто легко это. Шутка! Из клетки вынуть! Кабы ты сказал — бить не до смерти, а то на!

— Мы тебе во как поклонимся! — сказал Шаленый.

— А сколько?

— А ты скажи!

Тимошка задумался. Такие дела не каждый день и грех не попользоваться. Очевидно, они дадут все, что спросишь.

— С вымышлением делать-то надо, — сказал он, помолчав, — не простое дело! Ишь... Полтора десять дадите? — спросил он с недоверием.

— По рукам! — ответил внятно черный. Лицо Тимошки сразу осветилось радостью.

— Полюбились вы мне, — сказал он, — а то ни за что бы! Страшное дело! Теперь надо дьяку дать, писцу, опять сторожам, воротнику, всем!

— Безвинный! — сказал черный. — Когда же ослобонишь?

— Завтра ввечеру! Приходите к воротам. Его в рогоже понесут к оврагу. Вы идите поза-

ди, а там скажите: по приказу мастера! Вам его и дадут.

— Ладно!..

— А деньги — сейчас дадите пяток, а там остальные. Я Ваське, сыну, накажу; он вас устережет!

Черный торопливо полез в сапоги и вынул кошель. Запустив в него руку, он позвенел серебром и вынул оттуда пять ефимков.

— Получай!

Тимошка взял деньги и с сожалением сказал:

— В земском приказе сколько бы взяли!

— Шутя! — усмехнулся черный, вставая.

— А скажи, — спросил Шаленый, — с ним вместе девку Акульку взяли, ее можно будет?...

— Акулька? — сказал Тимошка. — Высокая такая, сдобная?

— Она! Али пытали?

Тимошка махнул рукою.

— Акулька — ау! Ее боярин к себе взял...

Черный протяжно свистнул.

— Плохо боярину, — пробормотал Шаленый, и они двинулись к воротам.

— Вережки не надоть ли, — спросил Тимошка, — от повешенного?

— Не!

— Руку, может? У меня есть от тезки мово. Усушенная!..

— От какого тезки?

— Тимошки Анкудинова. Я ему руку рубил, потом спрятал.

— Не надо, свои есть, — усмехнулся черный. — Так завтра?

— Об эту пору, — подтвердил Тимошка, выпуская гостей.

— Уф! — вздохнул с облегчением Шаленый. — Словно у нечистого в когтях побывал.

— Труслив, Сенька! — усмехнулся черный.

— А тебе будто и ништо?

— А ништо и есть!

Они прошли молча мимо приказа.

— Куда пойдём, Федька?

— А куда? К Сычу, на Козье болото. Куда ещё!

— А Мирон-то? Вот осерчает, как про Акульку узнает! Беда!

— А ты бы не осерчал? — спросил Федька, и черные глаза его сверкнули. — Я бы не по-

смотрел, что он боярин!

Солнце уже село, и над городом сгустились сумерки. Тимошка вошел в горницу и весело сказал:

— Получай, женка, да клади в утайку свою!

— Откуда? — радостно воскликнула Авдотья.

— Гости принесли, — засмеялся Тимошка, — завтра еще десяток.

— А я веревку продала. Приходил Ивашка. Я ему с поллоктя за полтину!

— Ну-ну! — И Тимошка так хлопнул по спине Авдотью, что по горнице пошел гул. Авдотья счастливо засмеялась.

II. При царе

Того же 24 апреля Тишайший царь Алексей Михайлович [2], откушав вечернюю трапезу в своем коломенском дворце и помолившись в крестовой с великим усердием и смирением, простился с ближними боярами и, отпустив их, направился в опочивальню.

— Князя Терентия со мною, — сказал он.

Терентий — князь Теряев-Распояхин — быстро выдвинулся вперед и прошел опра-вить царскую постель.

Царь, истово покрестивши возглавие, самое ложе и одеяло и осенив крестом все четыре стороны, лег на высокую постель.

В той же комнате, на скамье, покрытой четырьмя коврами, лег князь Терентий.

В смежной комнате легли шесть других постельничих, из боярских детей; дальше, в следующей комнате, поместились стряпчие, из дворянских детей, на которых лежало по первому слову царскому скакать с его приказом хоть на край света, и, наконец, за этими последними дверями стояли на страже царские истопники, охраняя царский покой.

Ночь во дворце началась, но не спалось в эту ночь князю Терентию. Может, от дум своих, которых не поведал бы он ни царю, ни бабушке, ни попу на духу, может, оттого, что весенняя ночь была душна и звонко через слюдяное окно лилась в комнату соловьиная песнь, — только не спал князь Терентий. С ног его сполз легкий кафтан и упал на пол у самой скамьи, а сам князь облокотился на руку и полулежал, устремив недвижный взор на царскую постель. В опочивальне было почти светло от яркого лунного света и лампы, что теплилась перед образом над дверями. В почти пустой огромной горнице, по стенам уставленной укладками и сундуками в чехлах, с поклонным крестом в углу, словно шатер стояла царская постель, покрытая пышным балдахином.

Алого бархата занавесы спускались до пола, золотом перевитые кисти подхватывали края серединных полотнищ, и высоко поднимался купол балдахина, оканчиваясь искусно выточенным золоченым орлом.

А если бы заглянуть вовнутрь, то наверху балдахина можно было бы увидеть красками

написанное небо, с солнцем, луною и планетами.

Князь Терентий лежал, отдаваясь своей тоске, когда вдруг из-за занавесей раздался протяжный вздох, и князь невольно ответил на него тоже вздохом.

— Не спишь? — послышался ласковый голос царя.

— Не спится, государь, — вздрогнув, ответил Терентий, — ночь-то такая духовитая... соловей звенит...

— О! — сказал царь, — али по жене затосковал? Небось, небось, завтра свидишься!

Князь помолчал. Скажи он слово, и он выдал бы охватившее его волнение. Лицо его сперва залилось краскою, потом побледнело, а царь продолжал говорить.

— Вот и мне тоже не спится, только по иному чему, нежели тебе, Тереша!.. Все думаю, чем война кончится; хорошо ли удумано; опять сам ехать решил, и оторопь берет. Слышь, что ведунья покаркала.

Князь покачал головою:

— Коли дозволишь мне, холопу твоему, слово молвить, — скажу: все пустое! Николи

человек знать будущего не может. Все от Бога! — сказал он с глубокою верою.

— А *он* не пакостит, думаешь? От Бога доброе, а от *него*, с нами крестная сила, погань идет.

— Без Господней воли — и он без силы!

— А все же она сказала, и берет меня раздумье. Забыть ее не могу. В лесной чаще, куда заскакал я, и зверь не бывает, — и вдруг она! Откуда? Сгорбленная, лохматая, глаза горят, и рот, словно щель черная. Конь ажно в сторону шарахнулся. А она кричит мне: слушай, царь! Я и остановился, а она: не дело замыслил, говорит, уедешь из Москвы, а вернешься — один пепел будет!.. — и сгинула... разом...

Царь замолчал.

— Да, — сказал князь, — я да Урусов с Голицыным, да Милославский, мы весь лес потом изъездили. Сгинула!

— Вот видишь! — подхватил царь. — Наваждение, не иначе. Я патриарху отписал, а он пишет: молиться будет... Святой! — сказал царь с умилением, и мысли его обратились тотчас в иную сторону.

— Великий старец! — заговорил он с восторгом. — Мед в устах! И мудрость велия, и сердцем кроток, и жизни праведной. Когда молил я его, он все говорил: недостойн! А ныне как пасет овцы своя? За всех нас молельщик!

— А он и на войну благословил, — сказал князь.

— Так! Почему же я иду, а все не могу изгнать из дум своих ее карканья! Положим, — заговорил он снова задумчиво, — Москву на верных слуг оставляю: Морозов Иван, Куракин Федор, Хилков. Мужи разума, а все же сердце щемит. Царица, детки малые, царевич. Вот что!

Царь вдруг откинул занавеску, князь увидел его сидящим на постели и тотчас встал на ноги.

— Я полюбил тебя, Терентий, — с чувством сказал царь, — и хотел при себе неотлучно держать, а теперь вот что удумал. Оставайся тут! Оставайся да мне тайно про все отписывай. Как тут, что... я про тебя шепну патриарху...

Лицо князя вспыхнуло от нескрываемой

радости, и он упал на колени, крепко ударив лбом об пол.

— Али рад? — спросил царь.

Князь быстро опомнился.

— Рад, что отличил меня, холопишку твоего! — сказал он глухо. — Я за тебя, государь, живота не пожалею.

— Знаю, знаю! — остановил его царь. — Вы все, Теряевы, нам верные слуги. Твоего отца еще мой родитель супротив всех отличал, и теперь он со мною вместе будет...

В это время, звонко перекликаясь, запели петухи.

— Ишь! — сказал царь. — Полночь, а утро близко. Будем спать! — И занавес плавно опустился и скрыл царя.

Князь поднялся с колен и лег на лавку, чтобы снова предаться своим думам, но на этот раз радостным думам. Царское слово как будто возродило его к жизни. Он не уедет, останется здесь, а тот, другой, уедет в поход!.. — и губы его невольно улыбались, глаза светились тихим счастьем, и в тишине весенней ночи, в бледных лучах сияющего месяца легким видением перед ним вставал образ той, о

которой были все его мысли.

Чуть поднялось с востока яркое весеннее солнце и ожила проснувшаяся природа, как на дворе коломенского дворца поднялась суматоха. Медленно и важно в прихожую, переходя дворцовый двор, сходились бояре, окольные стольники бить царю челом утром на здравие; суетливо бегали по двору конюхи, стремянные, вершники, обряжая царский поезд; гремя оружием, собирались стрельцы, и ржанье горячих коней сливалось с топотом, возгласами, бряцаньем оружия и колокольным звоном в такой шум, что птицы, оглашавшие воздух пением, смолкли и пугливо попрятались в траве и кустах.

В этот день царь с семейством выезжал в Москву, чтобы проводить свое войско в поход.

Царь проснулся в добром настроении. Глаза его ласково светились, когда он вышел к своим боярам и они все упали перед ним на колени.

— Ну, сегодня кто запозднил, того купать уж не будем за недосугом, — сказал он, подпуская иных к руке, после чего послал к цари-

це наверх узнать о здоровье и тихо двинулся в крестовую отстоять утреню и напутственный молебен.

Потом, потрапезовав, царь приказал собираться и тронулся в путь.

Иностранцы, посещавшие Россию, свидетельствуют, что великолепие двора царя Алексея Михайловича превосходило все ими виденное. И действительно, пышность его двора могла только сравниться с пышностью французского двора. Обладая поэтической душой, любя красоту во всех ее проявлениях, царь устремил свое внимание на обрядовую сторону придворной жизни, и при нем многообразный чин царских выходов, богомолий, посольств, царских лицезрени, обрядов получил особую торжественность и перестал на время быть мертвым обрядом, потому что царь вносил в него живую душу.

И теперь, когда он вышел на крыльцо, собираясь в дорогу, он прежде всего взглядом опытного церемониймейстера оглядел всех столпившихся на дворе и потом уже, приняв благословение от священника, сел на коня, которого подвели ему стремянные. Конь был

настоящий аргмак золотистой масти. Пышный чепрак покрывал его почти до земли, шелковая узда с драгоценными камнями сверкала на солнце, как полоса молнии, высокое седло, украшенное тоже драгоценными камнями, было широко и покойно, как кресло. Конь нетерпеливо рыл копытом землю и тряс красивою головою, на которой звенели серебряные бубенцы и колыхался султан из страусовых перьев, — но царь был искусный наездник и легко сдерживал пылкого коня.

Стрельцы, со знаменем в голове отряда, открыли шествие; потом длинной вереницей попарно тронулись сокольники и доезжачие, в зеленых и желтых кафтанах, легких серебряных налобниках, с ножами у кованых поясов; за ними попарно поехали стольники, спальные, стряпчие и, наконец, царь, окруженный ближними боярами. Далее потянулись всадники со знаменем и алебардами и за ними царицын поезд. Вершники вели коней под уздцы и шли подле дорогих колымаг, в которых ехали царица с детьми и боярынями и царские сестры.

Вокруг них и сзади верхом на лошадях еха-

ли теремные мастерицы и девушки. Здесь были и постельницы, и сенные, и золотницы, и белые мастерицы, и мовницы или портомой, — словом, все составлявшие обиход теремной царицыной жизни.

Поезд медленно двигался, вздымая по дороге пыль. Царь был весел и шутил со своими боярами, называя их разными прозвищами и смеясь над плохими ездоками, как вдруг лицо его побледнело, и он закричал:

— Возьмите ее!

Бояре испуганно оглянулись по направлению царской руки и увидели горбатую старуху. Она стояла у опушки леса, подняв обе руки кверху, и не то благословляла, не то слала проклятия.

— Я ее! — воскликнул Голицын и поскакал к лесу, но старуха вскрикнула и исчезла, словно виденье.

— Окружить лес! — приказал царь. Конная стража поскакала к лесу, но старуха словно сгинула. Царь сделался мрачен.

III. Воры

В назначенный Тимошкою вечер оба гостя его, едва закатилось солнце, уже стояли на страже перед воротами приказа, прячась за толстыми деревьями противоположной стороны улицы.

Мрачны и унылы стояли высокие заостренные бревна тына. Кругом было пусто и тихо. Два стрельца, обняв свои бердыши, мирно храпели, прислонясь к косякам ворот. Где-то протяжно выла собака и усиливала гнетущее впечатление. И вдруг в тишине ночи раздался пронзительный стон... еще и еще.

Шаленый рванулся в сторону. Товарищ едва успел ухватить его за полу кафтана.

— Куда, дурень? — прошептал он, чувствуя, как и его охватывает невольная дрожь.

— Ппусти! — стуча зубами, пробормотал Семен.

— Балда! — выругался его приятель. — Кабы это тебя драли...

— Жутко, Неустрой! — совладав с испугом, тихо ответил Шаленый. — Думается: а коли придет и наш черед, да мы вот так-то...

Голос его пресекся.

— Балда и есть! — презрительно ответил Неустрой. — Двум смертям не быть, одной не избыть. Любишь кататься, люби и санки возить. Не все коту масленицу править. Так-то! А ты гляди, почет-то какой! Тут тебе и боярин, и дьяки, и мастера эти самые... Опять: стерпи! Пусть их, черти, потешатся, а там опять твоя воля!

— Без рук, без ног!

— Еще того лучше. Сойдешь за убогого. Так ли Лазаря запоешь, либо два!

— Тсс... — вдруг остановил его Шаленый, и они замерли.

Ворота с громким визгом отворились, и из них медленно вышли два парня, босоногие, с ремешками на головах, неся за концы рогожу, на которой недвижно лежало тело. Стрельцы сразу встрепенулись.

— Куда? Кто? — окликнули они.

Вышедшие рассмеялись.

— Спице, — сказал один, — свое добро несем.

— Мастера! Не видите, что ли! — ответил второй, и они пошли вдоль тына, свернули за

угол и стали по скату спускаться к мрачному темному зданию.

Неустрой и Шаленый тихо двинулись за ними и невольно вздрогнули, увидав, куда они держат путь. Они шли прямо к «Божьему дому», из которого доносился невероятный смрад разлагающихся трупов. В этот дом — вернее, склеп — складывались трупы всех неизвестных, поднятых на улицах Москвы мертвецов. Были тут опившиеся водкою, замерзшие, вытащенные из воды, были тут и убитые, и раздавленные. Всех клали в одно место и держали до весны, когда хоронили сразу в общей могиле. Случалось, к весне скапливалось триста-четырееста трупов, и едва наступала оттепель, как тяжелый смрад от них разносился по всему городу.

Неустрой не выдержал, и как только носильщики завернули за угол, он подбежал к ним и сказал:

— По приказу мастера!

— Получай! — добродушно ответил шедший впереди и ловким движением сбросил наземь неподвижное тело.

— Мертвый? — испуганно спросил

Неустрой.

Носильщики засмеялись.

— Встряхни и очухается.

— Нешто можно было его живым выволочить? Дура! — укоризненно сказал другой.

Неустрой и Шаленый нагнулись над товарищем. Шаленый вдруг выпрямился.

— Кровь! — сказал он глухо.

— Где?

Шаленый указал на ноги носильщиков. Голые, они были испачканы кровью.

Носильщики грубо засмеялись.

— И уморушка! — сказал один. — Али, милый человек, нашего дела не знаешь?

— Заходи, покажем, — с усмешкой сказал другой.

— Тьфу! Пропади вы пропадом! — сплюнул Шаленый и торопливо зажал в кулак большие пальцы от сглазу или наговора.

Носильщики смеясь удалились и скоро скрылись за углом забора.

— Понесем, бери! — сказал Неустрой, хватая недвижимого приятеля за ноги.

— А деньги? — раздался подле них голос, и они увидели приземистого, большеголового

Ваську.

— Получай! — ответил ему Неустрой и торопливо отсчитал монеты. — Бери, что ли! — крикнул он товарищу.

Они ухватили тело за ноги и за голову. Мальчишка оскалил зубы.

— А хошь, крикну государево слово, а?

— Дурак! — задрожав, ответил Неустрой. — Оговорим твоего батьку, да и тебе влетит.

— Го-го-го! — загоготал Васька. — Так оно и было! Батьку-то не оговоришь, он тебе язык вырвет. Щипцы в рот!

— Уйди, окаянный!

— Хошь, закричу? — дразнил мальчишка и словно бес прыгал подле них на одной ноге.

— Дай полтину! дай! молчать буду!

Невыносимый смрад доносился из склепа, страшным призраком чернел приказ под серебристым светом луны, а мальчишка, сверкая огненной башкою, прыгал и вертелся подле них, говоря:

— Дай полтину, а то закричу!

— Дай ему, бесу! — прохрипел Семен.

— Лопай, пес! — кидая монету, сказал Федька.

Васька схватил ее и завертелся волчком.

— Го-го-го! — прокричал он. — Вот славно! Ужо приходите в приказ, я вас плетью бить буду. По-легкому, только клочья полетят.

— Ооо! — раздался протяжный вой из-за тына.

— Бежим! — закричал Семен, и они бегом пустились по пустынной дороге, волоча за собою товарища.

— Приходите! — кричал вслед Васька и хохотал визгливым хохотом.

Они пробежали саженой сто и без сил упали на траву.

— Уф! — простонал Семен. — Ну и ночь!

— Проклятуций мальчишка, — проворчал Федька.

— Тимошкино отродье, змеиный яд, волчья сыть, сатанинский выродок! — залпом выругался Семен.

— Одначе, что же это Мирон-то наш? Потрем? — предложил Федька, и они дружно стали встряхивать своего товарища, бить по спине, тереть ему уши и дуть в лицо.

От такой встряски очнулся бы и мертвый, и Мирон скоро пришел в себя, вырвался из их

рук, сел и бессмысленно огляделся.

— Мирошка! Атаман! Кистень! — восторженно воскликнул Семен. — Ожил, родитель!

— Чего зенки-то ворочаешь, — усмехнулся Федор, — вызволили небось!

Одним прыжком Мирон вскочил на ноги.

— На свободе? — воскликнул он, радостно озираясь. — Ой ли! Ты, Неустрой! и ты, Шаленый! родные мои! — Он крепко с ними поцеловался. Потом передохнул и заговорил:

— Я не чаял выбраться! ни-ни! Пока деньги были, от пытки откупался, послал вам весточку да думаю: где уж! А вскорости на кобылку лезть. Так и решил: прощай мое правое ухо! Ан и вы, мои золотые!

— Стой, атаман, прежде всего выпить да поснедать что-нибудь надо, — сказал Семен, — чай, отоцал с монастырской еды!

— Верно, что отоцал, — засмеялся Мирон, — во как! Там, милые, корочками кормят, да и то не всяк день.

— Ну, так идем!

— А куда?

— Да к тому же Сычу. Он, чай, ждет не дождется дружка.

— И то! — засмеялся Мирон. — Я ему во сколько добра таскал. С меня жить пошел.

Они дружно двинулись по дороге, спустились к самой Москве-реке и пошли ее берегом, пробираясь к Козьему болоту, супротив которого находилась рапата Сыча.

— А много дали, братцы, выкупа? — спросил по дороге Мирон.

— Пять Тимошке да его щенку полтину! — ответил Федька.

— Что брешешь, — перебил его Семен, — пятнадцать!

— Пес брешет, — серьезным тоном сказал Федька, — нешто я, как ты, умен? Я ему пять ефимков дал, а тому щенку десять оловяшек всунул! Я не ты! — с укором прибавил он по адресу Семена.

— Ой, ловко! ой, молодец! ну и ну! — весело расхохотавшись, проговорил Мирон. — Тот взбеленится Тимошка!

— Всыплет своему щенку! Попомнит нас!

— А коли ему попадемся... — задумчиво заметил Семен.

— Да, братцы, теперь берегись! — окончил Мирон, и они пошли в рапату. Это был тай-

ный притон разврата. Здесь пили вино, играли в зернь и в карты, и раскрашенные женщины, с зачерненными зубами, подходили к гостям, садились к ним на колени и уговаривали пить.

В эту ночь по всей Москве шел великий разгул. Наутро царское войско выступало походом на поляков, и стрельцы, солдаты, рейтары пили из последнего, прогуливая свою ночь.

Хозяин рапаты Сыч, с седыми клочками волос на голове, с черной дырой вместо глаза и перешибленной ногой, бегал, хромя, по всей хороmine, стараясь угодить каждому, и едва успевал черпать из бочки крепкую водку.

Мирон, войдя, толкнул его незаметно плечом, в ответ на что Сыч пробурчал что-то и тотчас незаметно скрылся. Следом за ним в особую клеть вошли Мирон и его товарищи.

IV. Выступление войска

Хоти и говорят, что худой мир лучше доброй драки, однако жизнь в мире с поляками становилась русским невмоготу. Со времени того позорного поражения несчастного Шеина под Смоленском, следствием которого явился тяжкий Поляновский мир [3]; о мире, собственно, не могло быть и речи. Хвастливые поляки, кичась взятым верхом, глумились над русскими, вступившими с ними в сношения; русские же таили в душе жажду мщения еще с приснопамятного 1612 года. Пограничных городов воеводы отписывали в Москву, что поляки не признают даже титула царя, по-всякому понося его. Вражда обострялась, а тут еще завязалось великое дело с Малороссией, в которой гетманствовал Богдан Хмельницкий. После страшного погрома в 1651 году Хмельницкий, поняв, что одним казакам не справиться с Польшею, вторично просил Алексея Михайловича принять Малороссию в свое подданство, но царь все еще медлил.

Он не решался прервать с Польшею мира,

приняв сторону казаков, и в то же время опасался, как бы Хмельницкий в отчаянии не соединился с крымским ханом и не двинулся бы на Россию.

В виду этого, а заодно и горя ревностью о своем царском достоинстве, царь отрядил богатое посольство — из князей Репина, Оболенского и Волконского — к Яну Казимиру.

Но посольство было встречено поляками высокомерно и во всех требованиях ему было отказано. Мало того, король немедленно выступил против Хмельницкого.

Это переполнило меру терпения Тишайшего.

Был тотчас созван собор, на котором решено было принять гетмана со всем его войском в подданство и в то же время двинуться на поляков войною.

Как в 1632 году, по Москве тотчас разнесся воинственный клич, и жажда мести за все обиды вспыхнула пожаром в сердцах русских.

Царь быстро начал готовиться к походу.

В октябре этот поход был решен, а уже 27 февраля двинулась из Москвы вся артиллерия под началом бояр Долматова, Карпова и

князя Щетинина.

Бутурлин уже принял присягу от казаков на подданство, и их полки уже начали действия.

Наконец, 26 апреля должен был выступить князь Алексей Никитич Трубецкой со всем войском из Москвы, и провожать его вышли царь с царицею и патриарх Никон.

Это было торжественное зрелище.

У патриаршего дворца наскоро была выстроена деревянная галерея на помосте, вся обитая алым сукном и перегороженная надвое. В левой половине ее на высоком кресле сидел царь в остроконечной шапке с крестом, украшенной драгоценными камнями, в золотом нагруднике, и его молодое, полное, красивое лицо горело отвагой и радостью. Рядом с ним в драгоценной митре, с сияющими камнями крестом на груди, с высоким посохом в руке стоял патриарх Никон, а вокруг в дорогих парчовых кафтанах и высоких парчовых шапках стояли ближние бояре, окольниковые, спальники и убеленные сединами архиереи в полном облачении.

В другой же половине государыня Мария

Ильинична со своей сестрою Анной Ильиничной, с царскими сестрами Ириною и Анною и ближними боярынями из-за парчовой занавески глядели на широкую площадь, что расстилалась перед ними.

И вот под лучами весеннего яркого солнца засверкали воинские уборы, и к галерее, сняв блестящий шолом, подошел князь Алексей Трубецкой и склонился перед царем. Позади него стали два полка, конный и пеший.

Царь поднялся и знаком подозвал к себе князя, а когда князь вошел на галерею, он горячо обнял его.

— Не посрами царя своего! — сказал он ему.

Князь хотел ответить, но волнение помешало ему, и он, упав на помост и гремя доспехами, до восьмидесяти раз ударил царю челом.

— Да будет благословение Божие над тобою, — строгим голосом произнес Никон, благословляя склоненного Трубецкого, — да бежит от тебя враг, как тьма от ясного солнца! Сим победиши! — и с этими словами он протянул ему хоругвь. На высоком древке с рус-

ским орлом развевался белый плат с черными полосами. В середине его сиял златотканый орел, под которым хитрою вязью была начертана надпись «Бойся Бога и чти царя».

Князь благоговейно принял знамя и, облобызав руку патриарха, сошел вниз. В это мгновение загудели колокола, заиграли трубы, загремели барабаны, и огромная рать, более десяти тысяч, двинулась в поход, проходя мимо царя и патриарха. Впереди шел князь с двумя полками, окруженный знаменами, золотые орлы которых сверкали на солнце, белые, красные, зеленые хоругви реяли в воздухе, как гигантские птицы; на них виднелись изображения икон Спаса и Богоматери, орлов, оленя, мечей и корон... Гремя копытами тысячи коней, звеня доспехами, медленно двигалась рейтарская конница в своих низких налобниках, с тяжелыми палашами до земли, с конями, закованными в броню. За ними тотчас шел пеший рейтарский полк с алебардами и в шлемах — а там тянуло и все войско. Вот гусары, вооруженные копьями, по образцу польских гусар, в ярких зеленых, красных и желтых камзолах, с легкими шлемами на

головах, в легких кольчужных сетках до пояса. За ними конница с огромными мушкетами, положенными поперек седел, и тысячи пеших стрельцов с ружьями в руках и козлами для них за плечами. Одни просто в кафтанах, другие в кожаных, лубяных латах, иные в шлемах, иные в треухах, но все равно готовые умереть в бою. Вот запестрело в глазах от забавных лохматых фигур на крошечных лошадаках. Замелькали остроконечные шапки, зеленые и белые халаты, длинные копья с пучками красных волос на концах, кривые луки и кожей обтянутые саадаки [4]. Это несчетная сила татар, башкир и калмыков. Потом пошли сибирские войска и за ними стройными рядами то конные, то пешие полки из боярских и дворянских детей, обученные западному строению.

Государь, встречая каждый отряд, ласково кивал ему головою и провожал до самого конца сияющим взглядом, а патриарх, благословляя проходивших правою рукою, левою кропил их святою водою и неустанно повторял слова благословения.

А за воротами Кремля войска встречал

толпившийся народ и провожал их радостными кликами.

Это торжественное прохождение войска заняло все время и зажгло сердца воинственным жаром.

— Что, други, — улыбаясь, обратился царь к стоявшим вблизи, — не возгорается ли и у вас охота идти на ляхов?

— Так бы и полетел, — ответил пылко боярин князь Теряев-Распояхин.

Царь улыбнулся.

— Про тебя знаю! Отец твой, вояка, и Москву от ляхов очистил, и с Лисовским, слышь, бился, и Сапегу знал, а ты с Шеиным под Смоленском был. Пожди, без тебя не уедем, Аника-воин! А сын твой как? Я ему здесь наказал оставаться. Терентий, тебе, может, не в охоту с бабами оставаться, ась?

Молодой князь Терентий, сын Теряева-Распояхина, смущенно выступил и стал на колени.

— Твоя воля, государь! — сказал он.

— Встань, встань, — приказал ему царь, — я ведь шутя говорю. Так как хочешь? ась?

— Остаться, — прошептал Терентий, вспы-

живая.

— Ну и оставайся, а мы воевать уйдем! так-тошь!

Князь Теряев нахмурился и грозно взглянул на сына.

— Не погневись, государь, на глупого, — сказал он, — и я, и сыны мои за тебя готовы костьюми лечь.

— Да ты что, — улыбнулся царь, — я его своею волей здесь оставляю.

— А на место его мой младший идет, государь, в поход с нами.

— У тебя и еще сыны есть?

— Петр, государь! — ответил князь.

— Ну, ты его покажи мне.

В это время последний отряд уже уходил в ворота и скоро площадь опустела.

Царь встал и набожно перекрестился.

— Да будет, Боже, воля Твоя! — произнес он и, обратясь ко всем, сказал:

— Через неделю и мы поедем!

Смотр окончился.

Государь сел в раззолоченную колымагу, чтобы переехать небольшое расстояние от патриаршего двора до своего дворца. Вершни-

ки побежали впереди. Шествие тронулось.

Следом за ними поехала и царица со своими боярынями.

Бояре проводили царя и медленно стали разъезжаться по своим дворцам, думая о скором походе; а царское войско шло тем временем на Можайск, вздымая пыль ногами и копытами.

В Москве шел дым коромыслом. Мещане и посадские да оставшиеся городовые стрельцы еще правили проводы, и царевы кабаки кипели шумною жизнью.

V. Два брата

Князь Теряев-Распояхин и его старший сын, Терентий, верхом на породистых конях шагом поехали домой. Толпы народа волновались перед ними, и они осторожно пробирались по узким улочкам к своему дому.

Князь говорил сыну:

— Зарезал ты меня нонче! Морозов, ишь, локтем пнул, как ты такое слово сказал!

— Какое, батюшка, невдомек...

— А что воевать не хочешь. Мы царевы холопы. Нам в радость за него, батюшку, ко-

стями лечь, а ты что? — сурово сказал князь.

Сын тихо покачал головою.

— Я тебе, батюшка, сказать досуга не имел. Государь мне в ночь сам назначил на Москве оставаться. Колдунья запугала его. Слышь — ты, баяла, уедешь, а Москва сгинет!

Князь даже осадил коня.

— Сам наказал? — переспросил он.

— Сам, — ответил Терентий, — потому я так и вымолвил...

Лицо князя просветлело.

— Ну-ну! А я думал сдуру! Так, Тереша; дело. послужи тут царю, а я с Петрухою на поле ратном. Глядишь, и упрочится род наш!

С этими словами они подъехали к княжескому дому, выстроенному Терентием Петровичем по приказу царя Михаила.

Высокий частокол окружал его со всех сторон, спускаясь до самой Москвы-реки. За ним у реки виднелись густые навесы вековых деревьев, а дальше хитрые крыши домовых пристроек. Крытые тесом, иные черепицею или дранкой, выкрашенные в зеленый, красный, желтый цвет, они были и острые, как у немецкой кирки, и куполами, и просто ската-

ми, что придавало зданию затейливый вид.

Высокие тесовые ворота с иконою, вделанной в верхнюю перекладину, были тоже выкрашены разными узорами, а наверху деревянная резьба изображала конские головы и высокого петуха.

Едва они подъехали к дому, как сторож, что стоял у ворот (воротник), ударил в доску, которая загудела на весь двор, и спешно отворились ворота.

Князь с сыном въехали во двор и остановились у высокого резного крыльца, выступающего вперед, с хитро выточенными пузатыми балясинами, с круглым низким куполом.

Стремянные подбежали и помогли князьям сойти с коней.

Князь взошел на крыльцо и, обратясь к толстому дворецкому, что стоял в богатом кафтане с высоким воротом (что твой боярин), сказал:

— Трапезовать, Никитка! А ввечеру во дворец, — прибавил он сыну, проходя в горницы.

Четверть часа спустя в большой трапезной горнице за столом сидела вся семья князя.

Держась немецкого обычая, который он

перенял, бывши в Швеции и иных землях еще при Михаиле царе, князь любил трапезовать всею семьею, когда не было гостей.

При госте иное дело. Женщины тогда уходили, а поднося здравицу, закрывали лицо свое, поднимая фату только для поцелуйного обряда, который, к слову сказать, уже стал выводиться.

И сидел князь со своею семьею. Сам он сидел в красном углу под образами, а напротив сидела княгиня, жена его, Ольга Петровна. Раздобрела она дюже за время замужней теремной жизни. Подбородок лежал жирными складками на высокой груди, щеки от тяжести повисли чуть не до самых плеч, и от красивого лица ее остались только живые, ясные глаза.

Справа от князя сидел его старший сын Терентий, слева младший, Петр, а подле княгини, рядом с Терентием, сидела жена его, Дарья Васильевна, из роду Голицыных, слева же — княжна Анна, круглолицая девушка, лет шестнадцати. Дарья Васильевна, два года как обвенчанная с князем Терентием, была и красавица, и модница того времени. Высокая,

стройная, еще не пополневшая от теремной жизни, с длинным овальным лицом, словно выточенным, с высокою грудью и покатыми плечами — она была совершенной красавицей, несколько татарского типа. Только по моде того времени щеки ее были так наруганы, что краска видна была лежащей толстым слоем, брови были намазаны прямыми чертами, а прекрасные, ровные зубы сплошь зачернены — отчего рот терял свою прелесть и никак не мог быть сравнен с розою.

В редких случаях, когда при больших выходах или на царской охоте можно было украдкой увидеть открытое лицо боярыни, — молодежь затаив дыхание следила за Дарьей Васильевной, и много дворянских да боярских детей сушили по ней свои сердца, а князь Терентий даже и не взглянул на нее и сидел все время молча, опустив глаза на тарелку.

Сидя напротив своего брата, он казался мрачной тучею перед легким перистым облаком.

Черные волосы его на голове и в бороде, черные сдвинутые брови и смуглый цвет су-

рового лица делали его старше на добрый десяток лет. Он сидел молча и словно томился какою-то думою.

А напротив него брат его Петр, в светло-синем шелковом кафтане с серебряными шнурами по груди, сиял, словно праздник. Белое и румяное круглое лицо его с прямым, красивым носом и алыми губами было весело, радостно и ко всем обращалось с улыбкою. Русые волосы его, несмотря на побритый затылок, непослушно вились и падали на лоб; чуть-чуть пробивающиеся волосы на верхней губе и подбородке придавали ему задорный вид.

И как по внешности, так и по характерам своим оба брата являлись полными противоположностями.

Может быть, в этом помогло немало и их разное воспитание.

С того времени, как князь Михаил Теряев, прокравшись через вражье войско, пришел в Москву из-под Смоленска и был награжден царем званием окольничего, князь без перерыва ходил в походы, то на мордву, то на шведов, посылался на окраины возводить

острожки, посылался ловить разбойников, и только при царе Алексее, пожалованный в ближние бояре, повесил свой меч и отдохнул.

А тем временем рос князь Терентий, любимец матери, рос в терему, окруженный сенными девками, мамками и няньками. Княгиня Ольга, трепеща за жизнь мужа, богатая любовью и не зная, куда расточать ее, ушла вся в дела благочестия и окружила себя странниками, странницами, юродивыми. В иные вечера сидел Терентий в ее светлице и слушал дивные рассказы о конце края земли, о трех китах, о чудной птице Феникс и о страшных циклопах. В другой раз странники говорили про великие дела Господни, про сподвижников, про знаменья небесные, и сердце мальчика наполнялось таинственной мечтою.

А тут померла бабка, и дед его, князь Терентий Петрович, ушел в Угрешский монастырь и принял монашеский чин под именем Ферапонта.

Со своей матерью стал он ездить к деду на поклон и беседу, и стороною дошли до него бабьи рассказы. Говорили, что сжег князь

неповинную девушку, сына полюбовницу, и того греха себе простить не мог.

Под таким впечатлением рос Терентий, когда вернулся отец и остался дома, окончив свои походы.

Князь тотчас принялся за Терентия, обучил его грамоте, обучил на коне ездить и из пищали стрелять, но не мог уже изменить впечатлительной души сына. Не по нраву он стал своему отцу, зато сразу полюбился Тишайшему царю, и тот сделал его постельничим и ни с кем так не любил спать, как с князем Терентием.

А скоро князю ударило 20 лет, и отец решил его поженить на княжне Голицыной. Ни жених, ни невеста не перечили родителям, и стали они мужем и женою.

Но тут вдруг случилось с Терентием такое, от чего потерял он сразу весь свой покой...

Зато полюбился князю его младший сын — весь радость, здоровье и сила. Не в терему, а в саду да на дворе провел он свое детство. Старик Иоганн Эхе делал для него луки, точил стрелы, учил владеть мечом; старик Эдуард Штрассе шутя выучил его грамоте и показал

великую премудрость Божью в устройстве земли и неба. Дети Эхе, шестнадцатилетняя Эльза и старший Эдди, не оставляли в забавах и играх, и рос он, как молодой лось, на воле.

Может, за это и полюбился он своему воинственному отцу. Как вернулся отец в Москву, ни соколиная охота, ни облава не обходились без Петра. В короткое время выучился он и на коне сидеть, и пищалью владеть, как добрый рейтар, а когда царь приказал по образцу западных войск формировать из дворянских детей пехотные и конные полки с европейским строем, он тотчас записался в полк Бутурлина.

Князь, любуясь на него, едва объявили войну, взял его из полка, чтобы вести на войну в царевом отряде, и Петр весь горел желанием побиться с ляхами.

Трапеза проходила молча. Слуги принесли сперва мисы с жирной лапшой и пироги, которые потом сменились рыбою, затем на стол явились жареные птицы, бараний бок с кашею, поросята вареные и жареные, потом в затейливых поставцах и на тарелах подали разные варенья, засахаренные плоды и яго-

ды, орехи с пряниками — и трапеза окончилась.

Помолясь на иконы и поцеловав руку у князя, женщины ушли в терем, а слуги подали на стол мед и пиво, и князь, налив три стопы, отпустил из горницы слуг.

VI. Продолжение пятой главы

Отпив крепкого меда, князь перевел дух и заговорил:

— Вечеру на верх звали, а там и ночь. Времени-то, поди, немного, и поговорить недосуг. А тут поход, дело ратное, одному Богу ведомо, кто жить останется, кому убитому быть. Так потому и поговорить хочу с вами...

Он разом осушил стопу и заговорил снова;

— Оба вы мне равно милы, как ты, Терентий, так и ты, Петр. Нравом вы разные, и разные пути у вас, но про одно памятуйте вовеки: берегите род ваш и всеми силами старайтесь возвеличить его. Не древен он...

Князь тяжело вздохнул.

— Зачался он всего от царя Ивана Васильевича. Допреж просто во дворянах значился, ну а он, государь, возвеличил. Прадед ваш,

первый князь Петр Теряев-Распояхин, немало за царя крови пролил; честно служил ему мечом и в опричнине не пачкался. Дале дед ваш, отец мой, ноне отец Ферапонт, помогал из Москвы ляхов гнать и царю Михаилу на престол сесть. За то и отличен был царем. Я же — дела мои все тут...

Сыновья молча кивнули, а князь продолжал:

— Не древен род наш. Столь не древен, что Морозовы и те кичатся предо мною, да я свое место знаю и милостью царской не обделен, а кои старшие, как Голицыны, Шереметевы, Мосальские или там Трубецкие, так те чтут меня. А я так мыслю, что заслугами, а не старинностью отличен быть должен и тем возвеличить род свой. Я сделал свое, а для вас сделал и того больше. Меня и царь, и люди московские любят.

Он усмехнулся.

— Небось, когда смута на Москве была и народ дома Морозовых разбивал, они у царя попрятались да дрожью дрожали, а как царь меня к народу выслал, так все люди меня послушались.

Он задумался и тихо сказал:

— Дал я им тогда Плещеева да Траханиотова, а по правде, надо было Бориску отдать, да и Глеба впридаток. Они с Милославским-то больно уж себе, а не царю прямили. А Плещеев что? Плещеев холоп был у них... Так-тось! Народ и по сию пору меня любит и вас любить будет. Я дел сторонюсь, воеводства не ищу, местами не считаюсь, а за то царь, коли правды ищет — всегда меня призовет. Вот и Никола выбирать; кому царь про свои думушки говорил? А мне! Для тебя говорю, Терентий! Ты ноне царем отличен, идешь по дворцовой службе. Прями царю, и отличен будешь. Гляди, Морозовы уже отодвинулись. Только семейством и держатся: а тестюшка намедни ишь какую потасовку получил! Царь-то его возил, возил по полу. А ты, Петр, меча не оставляй! И промеж себя дружите, первое дело. Тебе, Терентий, дом этот будет и рязанские вотчины, а тебе, Петр, коломенские. Вот и все! Сестру честно замуж выдайте...

— Батюшка, — заговорил Петр, — да что это словно ты помирать собираешься?

— Не собираюсь, — ответил князь, — а в жи-

воте и в смерти Бог волен! Завтра я вас на утрене благословлю, а теперь и соснуть еще час можно!

Князь встал, и за ним поднялись его сыновья. Они почтительно поцеловали его в плечо и вышли из горницы.

Князь прошел в опочивальню; сняв кафтан, протянулся на лавке и скоро захрапел на всю горницу.

Терентий пришел на свою половину. На высокой постели, раскинувшись и разгоревшись от жару, крепко спала его молодая жена. Румяна выкрасили ее подушку алою краской; от жары по вспотевшему лицу ее полосами стекла черная краска бровей, и, взглянув на свою жену, Терентий хмуро отвернулся в сторону и, отойдя, лег на лавку, но не затем, чтобы спать.

Тяжкие мысли отравляли его покой.

«Вон отец сказывал, — думал он, — чтобы я возвеличил род наш, а я поганю его. Поганю честное имя свое, клятву преступаю, окаянствую, и нет мне хода! разве в монастырь идти! Думал, уйду на войну, сложу голову, а как государь вымолвил: на Москве останешься, —

так от радости у меня дух захватило. Господи, думаю, нагляжусь на нее, налюбуюся. Старый уедет с царем, одна голубушка! Ох, окаянство, окаянство!» Он сел на лавке и в порыве отчаянья схватил себя за голову.

Действительно, с ним стряслось горе.

Довелось ему увидеть боярыню Морозову, Федосью Прокофьевну, жену Глеба Ивановича, и с той поры он стал сам не свой. Ее нежное личико с полными алыми губами, с большими, как звезды горящими, серыми глазами и рядом морщинистое, сухое лицо старика Морозова грезилась ему и во сне, и наяву.

Против воли стала разом противна ему молодая жена, и спокойствие души уже навсегда оставило его.

А там случилось увидеть ему боярыню и два, и три раза. Был он однажды у Глеба Ивановича с царским наказом, когда старик занедужился, и о ту пору она поднесла ему чару меда. Поднесла и своим взором открыла его великую, мучительную тайну.

После, в зимнюю, студеную пору, столкнулся с ним морозовский холоп Иван и указал ему дорогу в сад, и там он увидел бояры-

ню. В одной телогрейке да пуховом платке поверх кички сошла она к нему, сошла с лицом снега белее... для чего?

Терентий взмахнул руками и опустил их на колени.

Чтобы его укорить! Он-де ее покой смутил. Как дух нечистый мешает ей спать, грезится, мешает ей молиться... и она заплакала!.. Он обомлел сперва, а потом — откуда слова взялись.

А с ним что деется? Не он, а она околдовала его! Он тоже клялся перед Богом жене своей, а теперь что с ним? Где он? Да что! За ее слово доброе, за взгляд, за ласку он хоть на отца...

— Тсс! — боярыня даже руки подняла в ужасе и стала его уговаривать бросить нечестивые мысли, уехать, а с ней встретясь, глаза в сторону воротить. Только усмехнулся на такие речи Терентий и пошел прочь, даже не прикоснувшись к руке боярыни.

Наверное, никто никогда так не проводил со своею зазнобою времени на потаенном свидании. Терентий горько усмехнулся.

С того пошло. Словно отраву пили они, схо-

дьясь на свидания и жалобно коря друг друга, но порою они и делились своими думами. Боярыня говорила с тоскою про старого да ревнивого мужа, Терентий рассказывал, как ему опостылело в доме.

Боярыня утешала его, раз провела рукою по его черным волосам...

— Обрадуется ли? — подумал Терентий про свое оставление в Москве и горько улыбнулся.

Иному и любовь на муку! Ведь прожил же он тихо, покойно до двадцати трех лет. Немало повидал дворовых и сенных девушек, видал и мещанок вельми красивых, и хоть дрогнуло бы его сердце. Жену дали, хоть бы единожды он порадовался, а тут вдруг, сразу, ровно пожаром вспыхнул. И Терентий мучился своей греховной любовью, сознав давно себя бессильным бороться с нею...

Тем временем Петр сидел в маленьком садочке при домике Иоганна Эхе и весело болтал с его дочерью Эльзой, пухлой, розовой немкой, и братом ее Эдуардом, который уже пятый год учился малярному искусству у известнейшего придворного художника Дани-

лы Вухтерса.

— Что же ты думаешь, — с горячностью говорил Эдуард, — без меча и прославиться нельзя? Ан можно! Вот я, как царь победит ляха, намалюю доску и на ней град Смоленск или иной какой, и образ царя, и войско наше, и пальбу из пицалей, и стены града рушатся. Поднесу царю — вот и слава. Учитель намалевал, как град Иерусалим падает, вот и я!

— Пока! А я уже в славе есть! — раздался молодой голос, и в садик, легко перескочив низкую изгородь, впрыгнул молодой человек, ровесник Петра. На нем был забавный коричневый халат и шапка скуфьею, что придавало ему вид послушника. Но молодое лицо его с маленькой рыжей бородкою, с ярко блестящими глазами говорило о горячей крови, о непреклонной энергии, и когда он взглянул на молоденькую Эльзу, она вспыхнула, как небо зарницею.

Это был Иван Безглинг, тоже ученик Вухтерса и товарищ Эдуарда.

— Как же это удалось тебе? — спросил Петр.

— А просто! Прослышал я, что патриарх го-

ворил: неладно у нас образа малюют. Люди не люди, натуральности мало. Я намалевал на доске Миколу, ото всех потиху — да и понес патриарху.

— А он? — нетерпеливо спросила Эльза.

— А он взял, смотрел и даже хвалил. Тебе это, говорит, дар от Бога — и послужи им Богу. Святить у себя оставил; мой, говорит, лик намалюй. Я ушел, а нынче слышу, патриарх царю про меня уже сказывал. Вот!

Эдуард с завистью взглянул на него.

— Счастливый! Ну да ужо! — И, отгоняя дурное чувство, он встряхнул головою, а Эльза козочкой вбежала в домик и, бросившись на грудь матери, сказала, захлебываясь от радости:

— Мутерхен! Он в славу вошел!

— Кто? — спросила Каролина.

— Ваня, — тихо ответила девушка.

Каролина засмеялась и обняла ее.

— Что же? Пусть сватов шлет, — улыбаясь, сказала она. — Ты знаешь, ни я, ни папахен тебя неволить не будем.

Как есть в эту минуту на пороге комнаты показался огромный Эхе. Высокого роста, он,

засев дома после долгих походов, разжирел от безделья и казался великаном. Голова его оплешивела, огромная борода разрослась до пояса, кровавый рубец по-прежнему горел через все лицо, но ярче его светились глаза Эхе.

— Так, так, — хрипло проговорил он, — без стариков и договоры. Ой-ой! Ну-ка, снеси мне в садик пива, я пойду да покалякаю с молодежью.

VII. Скаредное дело

Егор Саввич Матюшкин, милостями Мило-славских, а главное — Бориса Ивановича Морозова, из дьяков ставший думным боярином, сидел в разбойном приказе и прямил Морозову во всех делах его.

Невысокого роста, с маленьким брюшком, которое он для важности вперед пятил, с небольшой плешью в слегка седеющих черных волосах, с черною бородою, раскинутою на плечи, обликом немного жидовин, боярин Матюшкин почитал себя первейшим красавцем и думал, что у всякой бабы, которая взглянет на него, сердце трепыхается птицею. Ходил он важно, голову держал кверху, и са-

мое сладкое дело ему было в застенке бабу пытаться. Случалось, что иная больно по душе ему становилась, тогда он мигал своему дьяку, Травкину, и баба мигом из ямы или вонючей клетки переводилась в дом боярина. Для того у него были горницы особые устроены, в пристройке посередь густого сада. Там боярин и тешился.

Сегодня он был не в духе. Акулина, которую он для себя с дыбы снял, чуть ему глаз не выцарапала. В злости хотел он ее назад в приказ отправить, да больно полюбилась она ему, и вместо криков и брани он только сказал ей ухмыльнувшись:

— Добро, молодка! Ретив конь, да объездится. Я пойду, а ты вспомни друга своего Тимошку-кожедера!

И ушел в приказ. Зато уж и лютовал он там.

В застенке о ту пору находился важный преступник, англичанин Вильям Барнели. Это был молодой красавец с открытым, смелым лицом, с вьющимися до плеч локонами.

Он приехал в Москву для торговли и попал в дом боярина Морозова. Там не раз звали его

в терем показывать его товары, и молодая боярыня Анна Ильинична, сестра царицына, покупала у него добра немало, а пуще любила его рассказы, которые передавал он ей коверканным языком.

Стар был Борис Иванович. Злые языки московские говорили, что он сам на себя беду накликал. Мало ему было считаться дядькою царским, мало было состоять ближним во всех делах, так задумал еще с царем в свойство войти: поженил молодого царя на дочери Милославского, Марии Ильиничне, а сам взял да на ее сестре женился, и как мороз губит весенний цвет, так загубил он молодую девушку. Вместо любви и доверия вошла в дом ревность жгучая, и нередко в терему раздавались глухие крики... сальные девушки в ужасе убегали в клетки да повалуши [5], во всем доме наступали скорбь и уныние. Это боярин вместо ласки плетью учил молодую жену свою.

А когда узнал, что не два и не три раза был в его отсутствие в терему английский купец, когда донесли ему злые люди, что чуть он на верх уйдет, Барнели уже подле дома с товара-

ми, — свету не взвидел старый боярин.

Уж и бил он боярыню о ту пору! Перед самым царевым походом вместо прощания! Заливалась она горячими слезами, Спаса во свидетели звала, Николой-угодником закли-
налась — себя не помнил старый боярин.

А потом позвал своего верного слугу боярина Матюшкина, наказал забрать в приказ этого Барнели и от него правды дознаться. Матюшкин было призадумался.

— Моя голова в ответе, а ты слушай только, — сурово произнес Борис Иванович, и Матюшкин лишь низко поклонился ему.

— Твой холопишко!

Тут же под вечер был захвачен англичанин, а наутро, чуть только заалел восток, стоял он в страшном застенке и недоумевающим взглядом оглядывал мрачные стены, сырой пол и непонятные орудия пыток.

Но вошел боярин, вошел с ним дьяк Травкин, тонкий как спичка, с большой лохматой головой и красным носом — и скоро узнал несчастный Барнели, для чего предназначено это странное сооружение вроде виселицы, с веревкою и кольцом...

Матюшкин пытал его накрепко, да ничего от него не дознался.

— Жилист, окаянный, — сказал он наконец с глубоким вздохом, — что из него вытянешь?

— Дозволь, боярин, слово молвить, — вертя головою, сказал Травкин.

— Ну, ну!

— Беспременно надо от боярыни сенных девушек достать. Я так смекаю, что от них скорее дознаемся!

— Во-во! — радостно воскликнул Матюшкин. — И ума в тебе, Еремеич! Дело! Вестимо, девок достать... мы их... — И боярин засмеялся громким, утробным смехом, словно конь заржал.

— Скинь его, Тимошка! — ласково сказал он палачу, вставая. — На нонче будя! Так ты, Еремеич, твори! Иди к самому боярину на двор. Так, мол, и так... да там посмотри... — И боярин скосил глаза. Дьяк сразу понял его намек и закивал своею головою.

Боярин развеселился и в добром духе пошел домой. В это же самое время холоп боярина Панфил, малый в плечах косая сажень, с круглой как шар головою и придурковатою

рожей, в которой виднелось все же лукавство, пробрался огородом, перемахнул плетень и бегом пустился вдоль Москвы-реки вплоть до Козьего болота, где незаметно юркнул в калитку. Там, переводя дух, он уже степенно пошел по пустырю, обогнул большую избу Сыча и зашел в нее с заднего крылечка.

Пьянство и разгул в рапате кончились, и огромная запотевшая горница с длинными скамьями и столами, с воздухом, пропитанным дымом табачного зелья и сивухи, казалась хмурой, мрачной, как душа пьяницы без опохмелья у большой бочки, свернувшись клубком, лежал мальчишка, на лавке громко храпел сам хозяин.

Панфил оглянулся и хотел уже будить Сыча, когда в низенькой двери, ведущей в повалушу, показался Федька Неустрой.

— Ты, паря! — сказал он Панфилу ласково. — Ну, подь сюда, подь!

Панфил послушно нагнулся и нырнул в темноту через маленькую дверцу.

Неустрой провел его в просторную клеть.

Там стоял в углу стол и вдоль стены протянулись две скамьи. На одной лежал ничком

нескладный Семен и, свесив до полу свои корявые, черные руки, храпел громким храпом. За его головою, опершись на облокоченную руку, сидел Мирон. Лицо его припухло от беспрерывного пьянства, покрасневшие глаза блуждали дико, — и только Федька Неустрой казался таким же, каким был в гостях у Тимошки.

— Ну, вот и наш сокол! — сказал он, вводя Панфила.

Мирон поднял голову и тотчас хрипло спросил:

— Сдалась?

Панфил поклонился, тряхнул волосами и скрипучим голосом ответил:

— Не еще! А только сдаст.

— Это почему? — спросил Неустрой.

У Панфила словно запершило в горле. Он стал кашлять.

— Встал это утром и ничим-то ничего во рту не было! — сказал он вместо ответа.

— Дай ему! Нацеди там! — произнес Мирон.

Неустрой выглянул за дверь и крикнул на мальчишку, который тотчас вскочил на ноги,

протирая заспанные глаза. — Пива да калачей волоки!

Панфил с жадностью закусил калач, выпил с полковша пива и, наотмашь оттерев губы, заговорил:

— Как же ей не сдаться? Он ее тогда к кожедери назад отошлет, да там ее драть будут. У нас завсегда так. Покобенится, и вся тут!

Мирон вцепился рукой в свои волосы.

— Ой, правда! — заскрипел он зубами. — Что же, баба пугливая! Мужик, и тот погнется, а она? Ну, ну!

— А выкрасть можно? — спросил Неустрой.

Панфил закрутил головою.

— Не! Кабы она одна там была, а их теперь шесть! Выходит, пять стерегут. Так-то ли завоят... ой! А по саду псов спущаем. Такие лютые...

— Слушай, — порывисто вскакивая, произнес Мирон, — ты вот нас узнал. Мы добрые молодцы. Живем весело, ни о чем не тужим; голову на плаху готовим, а дотоле сами себе бояре. Ты же холоп, из батожья не выходишь. Хочешь идти с нами?

У Панфила вспыхнули глаза.

— Возьми, атаман! — сказал он.

— Ну и возьму! Помоги Акульку изъять.

Для псов мы тебе зелья дадим, ты их угости, они и стихнут, а там — проберись только да Акульке шепни: готовься, мол. Нонче в ночь! А?

Панфил заскреб в затылке.

— Оно, положим, коли ежели... — начал он.

— Хошь али нет? Решай! — резко спросил его Мирон.

— Да, что ж... я... пожалуй!

— Ну вот!.. Теперь слушай!..

И Мирон стал объяснять Панфилу, что и как он должен сделать, в какие часы, и потом учить, как подавать сигналы.

— А коли не сладится дело наше, — грозно окончил Мирон, — ну и попомнит меня боярин в те поры!.. Иди!..

Панфил поклонился и, выбравшись из рапаты, снова засверкал голыми пятками.

VIII. Отъезд

Как в канун 26 апреля шло великое прощание по всей Москве с пьянством и буйством, так творилось и в канун 1 мая, дня, когда выезжал в поход царь со своим двором. Любя пышность и блеск, видя в них величие своего звания, царь обставлял всякий свой выезд великими церемониями с массою участников. Сборы же в далекий поход были уже немалым делом.

Снаряжались целые обозы, два полка в проводы; царь брал с собою и ближних бояр, и окольничих, и постельных, и дворян, и стольников, и кравчих, а челяди без счета, — и каждый боярин, в свою очередь, не говоря о личном отряде, забирал и обоз, и ближних, и челядь.

И все это снаряжалось, суетилось, прощалось.

Царь, совершавший первый поход, горя желанием славы, ездил молиться в Угрешский монастырь, потом к Троице-Сергию, а потом, думая о семье и дорогом стольном городе, держал думу с боярами и другом своим,

патриархом.

Еще задолго до отъезда правление на время отсутствия царя было поручено боярам князьям Хилкову Ивану Васильевичу и Куракину Федору Семеновичу да ближнему боярину Ивану Васильевичу Морозову.

Они стояли теперь перед царем, а он умильно говорил им:

— Друга, послужите мне правдою. Берегите царство, Москву-матушку и государыню-царицу. Коли что худое, упаси Господи, — царь набожно перекрестился, — приключится, не мешкая мне отписывайте. А еще прошу обо всем пресвятому отцу нашему докладывайте и ему, как мне, доверяйте!

— Холопицки твои! — отвечали бояре, земно кланяясь царю, и в то же время угрюмо косились на патриарха.

«Ишь, слеток! Ведал бы, клобук, свои поповские дела, мало ли их: все монастырские дела и в их землях воровство всякое под его рукою. Так нет! В государское суется, и царь у него, что воск в руках».

А патриарх сидел рядом с царем, молчаливый, строгий, с сияющим крестом на груди, а

об локоть с ним стоял отрок с драгоценным посохом.

— Так! — с просиявшим лицом говорил царь. — А ты, отче, — обратился он к патриарху, — молись за нас и блюди за делами своим светлым оком. На место отца родного Господь послал тебя на пути моем!

Никон смиренно склонил голову.

— Я слуга Господа моего, и не в меру превозносишь ты, царь, монаха сирого. За тебя же, государыню-царицу и деток твоих я всегда неустанный молельник, а что до делов государских, так мне ль со скорбным умишком править ими. На то бояре твои поставлены.

Бояре только переглянулись между собою и усмехнулись в бороды. Короткое время на Москве патриарх новый, а они уже слышали его лисьи речи да узнали волчью хватку.

В эту ночь царь провел время со своею женою, весь вечер потешаясь в терему с сестрами-царевнами и своими детьми.

И каждый боярин делал в своем доме последние распоряжения.

Боярин Морозов, Борис Иванович, мрачный сидел в своей горнице у письменного

стола, откинувшись в креслах. Правая рука его лежала на столе, левая на локотнике, и он хмуро глядел на боярина Матюшкина, который теперь походил не на воеводу, а на трусливого холопа.

Он стоял перед боярином, немного нагнувшись вперед, словно боясь своего толстого пуха; лицо его, поднятое кверху, выражало подбострастие, и он говорил, внутренне дрожа за каждое свое слово.

— Ничим-ничего, боярин, вот те крест святой! Чиста твоя бояр...

Морозов нахмурился, и Матюшкин, словно поперхнувшись, заговорил торопливо:

— Его всяко пытал: и с дыбы, и с кобылы, и с длинником, и плетью; огнем жег! Хоть бы что. Опять же девок сенных, что от терема взяли, тож пытал полегоньку. Визжат, а слов никаких, в улику-то. Бают все: для торго ходил, и я так чаю, боярин...

— Чай про себя, — сурово остановил его боярин, видимо просветлев душою.

Матюшкин съежился и угодливо поклонился.

— Так вот, — боярин подумал и сказал: —

Этого англичанина пошли в Тобольск. Пусть там поторгует! Завтра тебе царский указ перешлю. Теперь иди!

Боярин встал. Матюшкин, сгибаясь, приблизился к нему и поцеловал его в плечо.

— А девок я по вотчинам разошлю. Перешли их на двор ко мне, — добавил боярин.

— Как повелишь, государь!

Матюшкин, пятясь, выбрался из горницы и едва дошел до сеней, как пузо его уже лезло вперед, голова задралась кверху, и он медленно, важно поворачивал по сторонам свои масляные глаза.

Боярин Борис Иванович со вздохом облегчения провел рукою по лицу, и под его седыми усами мелькнула улыбка. Но не стало от этого моложе и краше его суровое лицо. Тяжелой поступью он перешел узкие переходы и поднялся по лесенке в терем молодой жены.

А Матюшкин ехал верхом на сытом мерине в высоком седле, что в кресле, и думал про Акульку, не подозревая никакой беды и огорчения...

Молодой князь Петр Теряев-Распояхин проснулся, когда майское солнышко уже иг-

рало на небе, быстро вскочил с постели и торопливо захлопал в ладоши.

На его зов в опочивальню вошел невысокого роста, с маленькой головой и широчеными плечами мужчина и, ухмыляясь в густую русую бороду, сказал:

— Заспался, князюшка?

— Ах, Кряж! — воскликнул князь. — Да как же ты меня не побудил?

— Батюшка не приказали.

— А он вставши?

— Эй! — Кряж махнул рукою. — Уехавши давно: и батюшка, и братец!

Петр всплеснул руками:

— Что ж ты это сделал! Теперь запозднююсь — что будет!

— Небось! — усмехнулся Кряж. — Ты одевайся только, а я уже все обрядил. Пожди, пошлю отрока!

Кряж вышел, и на место его вошел мальчик с тазом, рукомойником и шитым полотенцем на плече.

Князь поспешно умылся и начал одеваться. Мальчишка стоял разинув рот, и выражение восторга все яснее и яснее отражалось на

его лице по мере того, как князь надевал походные одежды.

И было отчего прийти в восторг и не дворовому мальчишке.

В зеленых сафьяновых сапогах, в желтых шелковых штанах и в алом кафтане, стянутом зеленым поясом, молодой, статный, красивый, с курчавою головою и ясным горящим взглядом, Петр был как майский день.

А когда он пристегнул короткий меч к поясу и засунул за него два пистолета, когда на плечо накинул, продев руки, дорогую кольчугу из стальных с золотой насечкою чешуек да взял в руку плеть и блестящий шлем, с ясною, как молния, стрелкой, мальчишка даже вскрикнул:

— Ой, ладно!

Князь весело засмеялся и, кивнув ему ласково, побежал на двор, где Кряж ждал его в двумя оседланными конями.

Сам Кряж оделся тоже в поход. На нем поверх кафтана были из сыромятной кожи латы, железный черный шлем с надзатыльником и наушниками покрывал его голову, за поясом торчало два ножа, за плечами висели

кривой лук и саадак со стрелами, а на кисти руки висел шестопер [6] фунтов в семь, а не то и в десять.

Этот Кряж, по прозвищу, а именем Федька, был назначен стремянным к молодому князю, едва тот сел на коня. Без роду без племени, княжеский холоп, он с собачьей преданностью привязался к красавцу юноше и теперь впервые отправлялся с ним в поход.

На дворе толпилась челядь, а впереди всех стоял старик Эхе с красавицей Эльзой и Эдуардом.

— А, вы тут? — радостно сбегая к ним, воскликнул Петр.

— Вышли проститься и пожелать удачи, — вспыхнув, сказала Эльза.

— Привезу тебе подарок, — улыбнулся Петр. — Ну, простимся!

И, обняв Эльзу, он звонко поцеловал ее в обе щеки. Эдуард крепко обнял его.

— Если будешь в Вильне, — сказал он, — посмотри мастеров тамошних, бают, знатно малюют.

— Кто о чем! А ты, Иоганн, чего хочешь? Глаза старого рейтара разгорелись.

— С тобой ехать! — воскликнул он. — Да! Почему же мне не ехать? Donner wetter! Каролина плачет! Фи! Эди большой! Ему что, Каролина покойна! Да! да!

Лицо его разгорелось. Он тряс плешивой головой, а седая борода развевалась.

— Да, да! Еду! — повторил он, в то время как челядь смеялась, видя его волнение.

— Папа, — обняла его Эльза, — успокойся, милый! Что говорил тебе князь? Ты один тут защитник!

— Раньше! Теперь князь Терентий тут! — не унимался старик.

Петр наскоро поцеловал его, вскочил на коня и поскакал в ворота.

— Догоню! — крикнул ему вслед Эхе.

— Опоздаем! — испуганно говорил князь, гоня коня.

— А ты и не поснедал ничего? — заботливо спросил его Кряж.

— До того ли! О Господи! — воскликнул он с отчаяньем, затягивая поводья.

— Не бойсь, княже, поспеем, — успокоил его Кряж.

Толпы народа, спешащего к кремлевским

воротам, перегородили им путь, и они принуждены были продвигаться шагом. Было уже десять часов утра, когда они подъехали к воротам и должны были тотчас спешиться, потому что выезд уже начался.

В воздухе гудели колокола, смешиваясь с нестройными звуками рогов, тулумбасов [7] и барабанов.

Из Никитских ворот медленно выступили конные всадники в медных кольчугах, и в воздухе заколыхались знамена. Всадники проехали; за ними, высоко держа царское знамя с изображением золотого орла, ехал толстый, высокий богатырь знаменосец, а следом конюхи по двое в ряд повели шесть царских коней.

— Ишь ты, — пробормотал Кряж, и его голос слился с радостным криком народа.

Действительно, зрелище было необыкновенное. Шесть коней с высокими седлами, покрытые алыми бархатными попонами, фыркающая и играя, шли на длинных шелковых поводках.

Их попоны с золотыми орлами были все затканы драгоценными камнями, на краси-

вых головах торчали султаны из белых перьев цапли, с самоцветными камнями на гибких проволоках. Копыта их были золочены, а ноги все обвиты драгоценным жемчугом.

Они шли, нетерпеливо мотая головами, и в воздухе весело звенели серебряные бубенчики, которыми были увешаны их головы.

Кони прошли, и за ними в зеленом халате в алмазах, на лохматом коне поехал младший брат сибирского царя, живущий в Москве аманатом [8], и с ним его свита, в желтых и зеленых кафтанах, в остроконечных шапках, с луками и колчанами за спиною. Потом потянулись гусем восемь дорогих коней, а за ними показалась царская карета.

Народ упал на колени. На каждом коне сидел кучер в драгоценном кафтане из алого бархата, и подле его стремени шел вершник с палкою, обвитой алой тесьмою. В воротах, что маленькая часовня, показалась царская карета. На высоких колесах, вся открытая, она была обтянута алым бархатом, а наверху как солнце горели пять золоченых глав.

Тишайший недвижно сидел на бархатных подушках и благодушно улыбался, забыв на

время о тяжести разлуки, о предстоящем ратном деле и упиваясь торжественным чином.

На его лице уже не было слез, которые он проливал обильно, прощаясь с женою, детьми, сестрицами и патриархом.

Он сидел недвижно, в кафтане, сплошь затканном жемчугом, с яхонтами по бортам и середине. На голове его всеми огнями горела высокая остроконечная шапка, опушенная сободем. В левой руке он держал золотую державу, а в правой крест, благословляя им народ.

Вокруг него, пестрея алыми и зелеными жупанами, ехали двадцать четыре гусара, одетых по польскому образцу, с белоснежными крыльями по бокам седел и с длинными жолнерскими копьями.

Коленопреклоненный Петр поднял голову.

Позади кареты ехали боярин Борис Иванович и Милославский, дальше Глеб Иванович и князь Теряев, вот Голицын, Шереметев, Львов, Одоевский, Салтыков, потянулись попарно ближние бояре.

Князь Петр поднялся с колен.

Потянулись вереницею сокольничие,

стольники, постельники.

Петр сел на коня.

— Поеду, — сказал он Кряжу, — а ты в обоз. — Он дождался, когда двинулись боярские и дворянские дети, и присоединился к ним.

Горя огнями, сверкая золотом, медленно выезжала царская карета из Москвы, направляясь по Можайской дороге, а из ворот Кремля, на диво народу, еще двигались люди, подводы и лошади. За дворянскими и боярскими детьми конными и пешими отрядами шли боярские ратники, за ними потянулся обоз с царскою кухнею, шатрами, бельем и одеждами, с боевым снаряжением, с винными и съестными припасами, со столовою и иной посудой, а там стадо быков и овец, клетки с птицею, кони, а там снова подводы с боярским добром.

И до самого вечера двигались через Москву люди и кони, оглашая воздух нестройным гулом голосов, рева и топота.

Кряж нашел княжеский отряд под началом старого Антона и присоединился к нему, усмехаясь веселой улыбкою.

— Чего зубы скалишь? — угрюмо спросил его Антон.

— А весело! — ответил Кряж. — Ровно на свадьбу едем!..

IX. Сила солому ломит

Темный вечер 30 апреля в канун царского отъезда опустился над Москвою. Рыжий Васька, Тимошкин сын, выбежал играть из дома. Он поймал молодого щенка и четвертовал его в поле, недалеко от «божьего дома», после чего наткнул на палки его голову и лапы и побежал к дому на ужин, как вдруг до чуткого слуха его донеслись осторожные шаги; он тотчас припал к земле и скрылся за толстой липою. В темноте прямо на него направились три тени и остановились шагах в двух, так что Васька даже попятился и, сжав в руке нож, насторожился.

— Рано еще, — сказал один.

— Пожди, сейчас Косарь подойдет. Тогда и двинемся.

Васька задрожал с головы до пят. В одном голосе он признал знакомый. Ему тотчас вспомнились оловянные рубли, за которые

отец вздул его так, как может драться только палач, и злоба закипела в его груди.

— Ужо вам, — пробормотал он и подполз ближе.

Знакомый голос сказал:

— Неустрой-то с задов петуха пустит?

— Да, — ответил другой, — как Панфил со-
вой прокричит. Ты только помни: от меня ни
на шаг; уведу я ее, тогда воруй, а до того ни-
ни!

— Словно впервой, — обидчиво возразил
знакомый голос.

Как яркой молнией имя Панфил озарило
смышленую башку Васьки.

«Не иначе как у боярина», — решил он тот-
час и, отползши шагов пять, поднялся на ноги
и пустился к боярскому дому, что стоял особ-
няком за разбойным приказом, ближе к само-
му берегу.

Боярин сидел у себя в горенке распоясав-
шись и, плотно поужинав, допивал объеми-
стый ковш малинового меда.

Глаза его заволоклись, толстые губы рас-
плылись в широкую улыбку, и он бормотал
себе под нос:

— А и дурень этот Бориска! Ой, дурень!.. Царский дядька, на государском деле сидит, а все ж дурень. На тебе! — по бабе сохнет. Старому-то седьмой десяток идет, а он девку в семнадцать взял. Э-эх! Ты люби баб, а не бабу! — наставительно сказал он наплывшей свече и погладил бороду, широко улыбнувшись.

— Как я! Мне баба тьфу! Сейчас Акулька люба, а там Матренка... Акулька... — Он задумался и покачал головой.

— Кобенится, на ж! Нонче ей подвески дам, а станет опять старое тянуть — плетухов. Да!

Он поднялся, тяжело опираясь на стол, и хотел идти, когда в горницу влетел запыхавшийся Васька и чуть не сшиб его с ног.

— С нами крестная сила! — испуганно воскликнул боярин. — Сила нечистая! Эй, люди!

Васька в желтой рубахе, испачканной собачьей кровью, босой, в синих портах, с ножом в руке, раскрасневшийся и рыжий как огонь, действительно походил на чертенка.

— Нишкни, боярин! — заговорил он торопливо. — Я Васька, Тимошкин сын!

Нишкни!

— Уф! — перевел дух боярин. — Чего ж ты, вражий сын, так вкатываешь? Али в сенях холопа нет? Ну, чего тебе? — Беда, боярин! Слышь, на тебя заговор воры делают. Жечь хотят.

Боярин сразу протрезвел и ухватил Ваську за волосы.

— Заговор? Воры? А ты откуда знаешь? Ну? ну?

Васька ловко выкрутил свою голову и стал рассказывать, что слышал.

— А Панфил должен им знак подать. Совой крикнуть!

— Панфил! Эвось! Ну-ну! Я ж им!

Боярин подумал и потом быстро сказал, вставая:

— Беги в приказ и накажи, чтобы сейчас сюда десять стрельцов шли. Как придут, пусть у задов от ворот до реки вокруг тына станут и всякого вяжут. Понял?

Васька кивнул и выскользнул из горницы. Боярин злобно усмехнулся и захлопал в ладоши. На его зов вошел холоп.

— Возьми, Ивашка, еще двух да сымай ты

мне Панфила. Скрути и ко мне веди!

Холоп поклонился и вышел. Боярин подпоясал рубаху, надел сапоги и снял с гвоздя толстую ремennую плеть.

В сенях послышался шум: боярин сел на скамью и приосанился.

В ту же минуту вошли холопы, толкая перед собою бледного, перепуганного Панфила со скрученными за спину руками.

Он вошел и упал на колени.

— Государь, что они разбойничают! — начал было он, но боярин так махнул плетью, что лицо Панфила разом залилось кровью.

— Я тебе дам, вор и разбойник! — кричал он зычно. — Сам воровское дело против своего государя затеял, да еще воет! Пес! волчья сыть! Сказывай, кого криком совиным сюда скликать собирался?

Панфил задрожал как в лихорадке и повалился ничком.

— Смилуйся! — завыл он. Боярин ударил его вдоль спины.

— Сказывай!

— Молодцы тут, боярин, у тебя девку выкрасть собирались, а худого ничего, ей-Госпо-

ди!

— Брешешь, пес! Какую девку?

— Акульку, государь!

Лицо боярина загорелось злобою.

— Э, так это, может, тот вот, что в приказе помер! Ну-ну! Ивашка, беги на двор да скликай холопов, кого с колом, кого с топором. А вы ждите его! Откуда кричать хотел: со двора али с саду?

— Со двора, государь!

— Ну, ин! ведите!

Панфила поволокли, а боярин, помахивая плетью, пошел за ним следом.

На дворе столпились холопы, Панфил стоял в середине с вывороченными за спину руками и искоса поглядывал по сторонам, в то время как боярин говорил:

— По пять к каждому амбару, да к клетям идите! Коли где огонь покажется, шкуру спуцу! Иди, Ермило, возьми пяток да у ворот стань, а ты, Ивашка, возьми...

В это мгновенье Панфил рванулся в сторону и быстрее лани бросился бежать со скрученными руками. На миг все оцепенели от такой наглости, но тотчас боярин оправился и

завопил:

— Лови его, держи!

Челядь бросилась вперед беспорядочной толпою, сшибая в темноте друг друга, и в тот же миг в воздухе раздался протяжный, унылый крик совы.

В небольшом домике посреди густого сада боярина сидели четыре молодые женщины. Одна из них, рослая, красивая, со сросшимися черными бровями, беспокойно переходила от окна к дверям, жадно прислушиваясь к тишине.

— Ты чего это так задергалась, Акулька, — насмешливо спросила ее одна, — али боярина не дождешься?

Акулина бросила на нее презрительный взгляд.

— И не стыдно тебе смешки делать, Матрена, — заговорила с упреком третья женщина, — ей здесь застенка хуже, с боярином-то, а ты...

— Тсс! — вдруг остановила их четвертая, и все насторожились. Со двора послышались крики, выстрелы, воздух озарился красным светом пожара.

Женщины испуганно сбились в угол, и только Акулька, бросившись к двери, в бессилии билась об ее дубовые доски.

Крики и шум наполнили воздух. Можно было подумать, что огромная шайка чинит свой разбой, а между тем весь этот шум подняли только четыре человека.

Едва закричал Панфил, спрятавшись в густые кусты, как Неустрой подпалил с задов две клетки и скользнул на двор, а со стороны поля через тын вскочили в сад Кистень, Шаленый и Косарь и прямо бросились к домику.

Косарь ухватил свой топор и в три удара сбил висячий замок.

Акулька упала на руки Мирона.

— Не время киснуть, — торопливо сказал Мирон, — бежим!

Но в ту же минуту их окружили боярские холопы.

— Бей! — кричал Ивашка, махая мечом.

— А ну, Косарь, махни! — тихо сказал Мирон.

Топор свистнул в воздухе, и три человека упали на землю.

Мирон с Акулькою отпрыгнули в сторону

и быстро достигли ограды.

Но остальные не были так счастливы. Холпы массою навалились на Косаря и Шаленого и опрокинули их, Неустроя с диким визгом ухватил Васька и подрезал ему под коленом ногу.

Боярин велел их привести на двор и с жестоким глумлением смотря на оборванных, окровавленных разбойников, говорил:

— Ну-ну, исполать вам, добрые молодцы! Ужо вас мой Тимофей Антонович пощупает! Хе-хе-хе! Сведите их в приказ, ребята!

Во время короткого боя Панфил сидел в кустах малинника ни жив ни мертв, потом, немного оправившись, он стал двигать руками, пока не освободил их, и тогда осторожно перелез через тын и пустился знакомой дорожкой к Сычу, бормоча себе под нос:

— Ужо, боярин, посчитаемся! И ты, Ивашка! Попомните Панфила-холопа да сестру его Марьюшку!

Той же дорогою к Сычу получасом раньше пришли и Мирон с Акулькой.

Х. Грешники

Медленно разъезжались из государева дворца лица, провожавшие царя в дальний поход.

Марья Васильевна, княгиня Терехова, облобызав руки царицы и царевен, вышла по длинным переходам и шла по двору к своему рыдвану; к ней подошел Терентий Михайлович и для прилики больше пошел следом за нею, тока не довел ее до рыдвана.

— В одночасье буду, — сказал он жене и остановился, провожая глазами ее поезд. Восемь вершников побежали впереди, расчищая дорогу, гнедые кони, ведомые под уздцы конюхами, шесть коней гусем, тронулись медленным шагом, и рыдван заколыхался по неровной мостовой, а следом за ним толпою пошли княжеские слуги.

Князь тихо пошел назад ко дворцу и вдруг вздрогнул, увидав молодого Федора Соковнина. А тот шел к нему улыбаясь и говорил:

— А, князь Терентий! Я-то тебя ищу да ищу!

— Зачем тебе я?

Молодое лицо Соковнина осветилось широкой улыбкою.

— Сестрица наказала тебя повидать да сказать тебе, чтобы ты после обедни на дом к ей пришел!

Князь побледнел от волнения и даже шатнулся, а Соковнин, понизив голос, заговорил:

— Смотри, так при батюшке и залепила: скажи, мол! Батюшка на нее: срамница ты, говорит, этакая, мужа только проводила. А она как глянет... Должно думать, дело у нее до тебя какое! Одначе прощай. Патриарх наказал прийти к нему для чего-то. А он у-ух!

И Соковнин беспечно пошел к коням, окруженным слугами, но Терентий его перегнал, махнув рукою своему стремянному. В нетерпении он едва имел силы перейти Кремлевскую площадь, а потом вскочил на коня и бешено погнал его за Москву-реку.

Не до обеда ему было. Сердце его вспыхнуло и голова закружилась. Он не помнил себя от безумной радости, и тяжелые мысли, угрызения совести оставили его душу.

— Любит! Моей будет! — шептали его губы, и он скакал вдоль берега, подставляя разгоря-

ченное лицо свое порывам ветра.

До кровавой пены гонял он коня и потом, повернув его, тихим шагом поехал к Москве, думая о дорогой боярыне.

Но когда перед ним, за кустами молодой зелени, показались красные и зеленые крыши морозовского дома, сердце в нем замерло, и он придержал коня. Мысль о своем окаянстве на миг мелькнула в его голове, но он тотчас отогнал ее, сжал коленами бока коня и рванулся к воротам.

От ворот тотчас отделился морозовский слуга Иван и, приветлива улыбаясь, сказал князю:

— А я уж тут жду тебя да жду! Иди, князь, через красное крыльце прямо. Там тебя девушка проведет.

Князь отдал слуге коня и, быстро перейдя двор, взбежал на высокое и широкое крыльцо.

— Сюда, княже! — сказала ему красивая девушка и легкой поступью пошла перед ним.

Князю Терентию опять на миг стало совестно: «Словно вор. Когда хозяина нету, тогда и лазаю»...

Они прошли приемную комнату, большую трапезную, горницу, где боярин делами занимался, опочивальню и вошли в моленную.

— Здесь! — сказала девушка и скрылась.

Терентий суеверно огляделся по сторонам. В комнате, устланной коврами, стоял аналой, а на нем лежало большое Евангелие, редкость того времени. Весь правый угол и смежные с ним стены были доверху завешаны образами, крестами и складнями. Они горели драгоценными огнями при трепетном свете нескольких лампад, и вся комната, слабо освещенная светом, проникавшим через круглые разноцветные стекла одного окна, имела торжественный вид тишины, покоя и святости.

Терентию сделалось тоскливо и тяжело.

Боярыне Федосье Прокофьевне был об эту пору всего двадцать первый год. Из приближенного к царской семье роду Соковниных, семнадцати лет вышла она замуж за пятидесятилетнего Глеба Морозова, и молодое сердце ее тосковало, не изведав любви. Через год родился у нее сын, Иваша, к которому она привязалась всею душою, но и тут сердце ее не находило удовлетворения. Тогда вдруг ее

взор упал на князя Терентия, и сразу словно озарилась ее томная жизнь.

Она на время отдалась мечте и не боролась со своим чувством, наслаждаясь нечаянною встречею в узком дворцовом переходе, тишком наблюдая, как вспыхивает лицо князя, но скоро мысль о грехе заслонила на время ее чувства, и она приказала своему верному слуге Ивану провести князя в сад.

Вся трепеща, не зная твердо, для чего звала она князя, сошла боярыня в сад. Да не знала она силы молодой любви, не знала своей горячей крови, и суровые речи ее и упреки иногда звучали ласкою. Корила она князя, а сама любовалась им; бледнела, но слушала его пылкие речи и раза два коснулась его рукою, а наедине со своими думами, в грешных мыслях и целовала его, и обнимала.

Окаянный тешился над нею, а ко всему еще верного ее духовника, протопопа Аввакума, услали в далекий Тобольск за его крепкую веру [9] — и некому было отогнать лукавого.

Ядом напитывалась молодая душа и вдруг прозрела.

Сидела боярыня у колыбели своего сына

Иваши и думала о своем любимом князе, как вдруг ребенок заплакал, да так горько, так жалобно, словно сиротинка.

В другой раз думала о том же князе боярыня, как вдруг вошел в терем сам боярин, тяжело опустился на кресло и сказал:

— Федосьюшка, что это мне вдруг стало так-то недужно, беда! Словно кто за горло душил! — и с этими словами он торопливо отстегнул ворот рубахи, а лицо его все налилось кровью.

И, наконец, в третий раз, вот сегодня. В царицыном терему повстречались они с женою Терентия. Грустная она такая, нерадостная.

Царица спрашивает:

— Что, Дарьюшка, какая ты смутная? Али муж не любит?

Она опустила голову низко-низко и ответила:

— Нет, государыня, всем довольна!

Сердце вжалось у боярыни. Как могла она помыслить такое скаредное да еще радоваться! Бесов тешила! Люди в скорбях и слезах, кругом горе, а она еще множить его себе на потеху хотела; душу геенне огненной готови-

ла!.. И, не помня себя, она наказала брату звать к ней князя.

— Все скажу ему, все! — шептала она, идя к своей светлице, и потом молилась: — Не введи мя во искушение, но избави от лукавого!

В горницу вошла девушка и тихо сказала:

— Пришел!

Боярыня быстро выпрямилась.

— Где?

— В моленной!

Боярыня широко перекрестилась и твердой поступью пошла из горницы.

Князь задрожал, услышав шелест платья, и радостно рванулся боярыне навстречу, но едва взглянул на нее, как остановился смущенный.

На лице боярыни не светилась радость; оно было серьезно и торжественно; глаза ее смотрели скорбно и вдумчиво, и едва войдя, она тихо сказала:

— Прости, князь, что зазвала тебя. Дело есть!

Это так мало походило на любовное приветствие, как самая моленная не соответствовала месту свидания, и князь только смущен-

но взглянул на боярыню, а та, дойдя до аналоя и положив на него белую руку, заговорила:

— Великое дело, князь! О спасении моей и твоей души! Протопоп Аввакум много раз говорил мне про лукавого. Он-де всяко уловляет души наши: и лукавством, и притворством, и жалобой, и всяко тщится нас с пути сбить, а Христос, батюшка, то видит и горько плачет. А он, лукавый, манит нас телесными прелестями, и златом, и честью, и слабые, забыв про душу, идут в его сети, как глупые перепела к охотнику. Вот, князь, — торжественно сказала она, — то же и с нами было! Кабы не одумались мы, уловил бы нас в тенеты лукавый и не было бы нам, окаянным, прощенья! А ныне одумалась. Для чего перед Господом клятву супругу давала, для чего Господь по моей молитве послал мне в утеху сына? Его ли отрину, когда сука — и та о щенятах своих печется. И ты, князь, тоже. У тебя молодая жена, дюже красивая, а я ей разлучницей стану? Простимся, князь! — окончила она тихо.

Князь даже пошатнулся от ее речей. Холодный пот выступил на его челе, и голова закру-

жила. Ведь всю свою душу он положил в любовь эту. Что жена? Что клятвы? Что геенна огненная? Он обрек себя на всякое мученье!

И князь со стоном повалился на колени и поднял руки. Боярыня тихо отодвинулась и скорбно покачала головою.

— Не убивайся, князь! Того ли убиваться, что от окаянства отступились, блудом не согрешили, беса не утешили? Радоваться тому надо! Каждому от Господа крест свой!

И речь ее полилась плавно, тягуче, зажурчала, что ручей.

Она говорила о своем окаянстве, о грехе, который всю жизнь замаливать теперь надо, о клятвопреступлении, разбитых сердцах и усталых душах.

И, слушая ее, Терентий понемногу проникся ее настроением, и ему стало больно и горестно за свое окаянство.

Истинно говорил про боярыню Борис Иванович после беседы с нею: «Насладился я паче меда и сота словес твоих душеполезных!»

А речь ее лилась. Она заговорила о новом времени, готовящем всем верным испытания

за веру в Господа. Твердость нужна, чистота духовная, ибо грядет антихрист.

— Смотри, сколько верных уже приняли мученья. Неронов бит шелепами [10], с цепью на шее, аки пес, дыне в темницу ввержен, Аввакум в Тобольске крест несет в холоде и голоде, а впереди много их, много, и всем Господь уготовит сан ангельский!..

Лицо ее горело, глаза пророчески смотрели вдаль, она словно выросла.

— Время ли предаваться блуду и окаянству, когда скорь кругом. Там война, и кровь льется, там глад, хлад и болезни, всюду плач и стенания, и готовится всем скорь великая! Так-то, княже, — окончила она вдруг усталым голосом, — будем прямить друг другу и честью расстанемся.

— Твоя воля, — покорно ответил князь и, поклонившись до земли, вышел из моленной.

Боярыня долго смотрела ему вслед. Потом лицо ее озарилось улыбкою торжества, и она с чувством сказала:

— Благодарю, Господи, что пособил осилить лукавого!

И, упав на колени, она с жаром начала от-

бивать поклоны, ударяясь с силою нежным лбом о деревянные доски.

А князь медленно ехал на коне домой, и в душе его было пусто, как в склепе. Недавняя радость сменилась гневом и горестью, потом умиление и раскаянье вошли в душу, а теперь... И князь скорбно опустил голову на грудь, не видя ничего ни вокруг, ни перед собою.

Умный конь сам без поводьев шел по извилистым улицам Москвы прямо к дому, и князь очнулся только тогда, когда стремянный принял его коня под уздцы.

Князь сошел на землю и медленно прошел в свои горницы.

XI. Око за око

Почти в одно время прибежали к Сычу Мирон с Акулиною и Панфил.

— Ты откуда, песий сын? — воскликнул Мирон, увидев холопа в изодранной рубахе и с окровавленным лицом.

— Оттоль же, откуда и ты, — угрюмо ответил Панфил, — ишь, как меня боярин употчевал.

Мирон подозрительно посмотрел на него.

— Не с твоей ли охоты?

Панфил изумился.

— Белены я, что ли, объелся? Как это он меня саданет. Рраз! Сказывай, гыт. Я его на двор, а сам в бега. Слава Господу, не поймали.

— А то?...

— Кожу бы снял, — угрюмо ответил Панфил и, обратясь к Сычу, сказал: — Старичок, дай рожу обмыть!

Старый Сыч прищурил свой единственный глаз.

— Думаешь, краше будешь, — усмехнулся он, — ты погляди, как надулась-то! Мази тебе, мил человек! — с убеждением заявил он. —

Пойдем, что ли.

Мирон взглянул на Акулину и покачал головою.

— Думал, что он нас предал, а нет. Кому ж бы?

Он задумался, но через минуту тряхнул головою.

— А! бес с ним! Ну, рада, лебедушка? — он ласково посмотрел на Акулину. Та вспыхнула и горячо обняла его.

— Везде за тобой пойду! В огонь, в воду веди. Холопка я твоя, кабальная!..

— А боярин понравился? — усмехнулся Мирон. Акулина грозно выпрямилась.

— Чтобы сдох он, старый пес, — злобно произнесла она, — греховодник! Сколько он душ загубил. Возьмет из застенка, да и в любовницы себе, а жену насмерть бьет. Я бы ему! — И она так выразительно вытянула свои сильные руки, что боярин Матюшкин, увидя ее, замер бы от страха.

— Небось, — сказал, входя в горницу, Панфил, — он и от меня попомнит!

Мирон приветливо кивнул ему головою.

— Садись, Панфил, вместе чару выпьем. Я,

признаться, думал — ты нас боярину выдал, да, вишь, прошибся. Эй, Сыч, давай вина, пока гостей нету!

Сыч тотчас поставил чарки и красулю [11] и сам подсел ближе.

— Взяли-то кого? — спросил он.

— А всех! — ответил Мирон. — И Ермила, и Сеньку, и Федьку.

— Хорошие ребята! — покачал головою Сыч.

— Вот уж дознаюсь, что с ними. Ночь придет — выберусь, — сказал Мирон и прибавил: — Наше дело такое: из честного пира да на виселицу!

Панфил усмехнулся.

— А я на виселицу не пойду!

— Поволокут волоком. Ну, пей, что ли, а там и поспать малость надо!

В это же время в страшном застенке перед самым боярином стояли Косарь, Неустрой и Шаленый. Тимошка с мастерами готовил дыбу и следил за железными щипцами, что накаливались в горне, и тут же вертелся рыжий Васька, которому в награду боярин разрешил впервые участвовать в работе.

— Ну-ну, соколы, — сказал боярин после целого ряда вопросов, на которые все трое хранили упорное молчание, — не хотите говорить с боярином, поговорьте с плетью. Ну-кась, Тимоша!

Тимошка грубо схватил за плечо Неустроя и дернул его к дыбе.

Начались мученья, мученья, которых уже не в силах теперь представить самая пылкая фантазия!

Матюшкин слушал стоны и ухмылялся.

— А, песьи дети, умели воровством заниматься, умеете и ответ держать! Я вас, окаянных, огнем еще! Ну, ну, Тимоша!..

И Тимоша старался.

Прошло три дня. В глухую полночь к калитке рапаты подходили люди поодиночке и по двое и трижды ударяли кольцом.

Калитка растворялась, кто-то в темноте держал за цепь рычащего и рвущегося злого пса и, впуская посетителя, говорил тому:

— В баню!

Посетитель переходил двор, обходил рапату, из которой еще слышались пьяные голоса гостей, и шел прямо к одинокому строению

на задах дома.

Там он снова стучал и входил уже в горницу, где за столом, при свете лучины, сидели люди всех цветов и возрастов и пили.

Во главе стола сидел Мирон с Акулиною, неподалеку Панфил; сидели в сермяжных зипунах и тонкого сукна поддевках, просто в пестрядных рубахах и в купеческих кафтанах, с широкими шарфами вместо пояса.

— Ты возьми, — говорил мещанин с жаром старику в суконной однорядке, — теперь аршин свой удумали, весы. А для чего? Чтобы с нас, голова, алтыны тянуть!

— Чего? — вмешался другой. — За то, что скотину из реки поишь, берут, подать дерут!

— Опять. Ты, говорит, взял пятак, а чти его за рубль. А подать неси рублем настоящим. Это что ж? — И купец, сказавший это, развел руками.

— А все ж погодить надо, — авторитетно заявил Мирон, — царя нет. Что без царя толку? Народ поднимем, а кому жалиться?

— Без царя нельзя! — согласились все.

— Теперь Морозова, дядьку, посадили в совет, Хилкова, а они что ж? Те же воры!

— А по приказам что! — воскликнул мужичонка. — Какое! Брательку моего на правеже о сю пору держат. Ну, побей и брось! А они третью неделю! Нешто выбьют!

— Подожди, ужо мы выбьем! — усмехнулся его сосед.

— А теперь вот что, — сказал Мирон, — на что званы. Нынче утром наших трех казнить будут. Так отбить их.

— Это что же... можно, — заговорили кругом.

— Вот и надо! — продолжал Мирон. — Мы, значит, пойдем и в круг станем. Как это их приведут, сейчас пожар кричите и смуту делайте, а я тут уж управлюсь! Дружно только.

— Знаем, не учи! Что это ноне Сыч лениво вино носит.

— Приказные у него закурили, — объяснил Мирон, и минуту спустя беседа полилась снова о непорядках, податях и всяких утеснениях.

Сразу нельзя было разобрать, что за народ собрался на эту сходку: просто недовольные люди или разбойники, каких тогда на Москве было до того много, что людей убивали прямо

на улицах.

Уже в рапате смолкли пьяные голоса и гости, бранясь и толкаясь, ушли из нее по своим домам. Сыч и мальчонка спали в горнице, и две размалеванные бабы, положив головы на залитые вином столы, оглашали храпом унылое помещение, когда люди, сидевшие в бане, обменявшись последними словами, стали тихо поодиночке выходить на улицу...

Рано утром дьяк Травкин, стоя посреди двора разбойного приказа, читал приговор, скрепленный временными правителями, Ермилу Косарю, Семену Шаленому и Федору Неустрою.

— А также за разные скаредные и воровские дела тем ворах, Ермилу, Семену и Федору, правые руки отсечь и, кнутом бивши, в Сибирь послать, дабы вперед теми делами скаредными не занимались.

Ермил, Семен и Федор со скрученными за спину руками, босоногие, в окровавленных портах и рубахах, с обезображенными лицами и опаленными волосами стояли потупив головы.

— Исповедаться хотите? — спросил их

дьяк.

— Хотим, — хрипло ответил за себя и товарищей Семен.

— Идите!

Их привели в воеводскую избу, где у аналоя стоял поп в епитрахили.

А тем временем ворота скрипя отворились и из них выехали телеги, нагруженные всеми приспособлениями для казни.

На бортах телеги в красных рубахах сидели три заплечных подмастерья и Тимошка.

Скоро приговоренные вышли на двор. Их окружил небольшой отряд стрельцов, и шествие тронулось на Козье болото в сопровождении дьяка.

Едва застучали топоры на поле, где мастера расположились расстилать помост и поставить кобылу (толстое бревно на четырех подставках с кольцами для поручней), как со всех сторон стал стекаться народ, охочий до зрелища, а тем более кровавого.

— Кого казнить будут? — спросил молодой парень у подмастерья.

— Дяденьку твою да тебя впридачу!

— Тьфу, оглашенный, — сплюнул па-

рень, — чтоб у тебя язык отсох!

— Нам бы руки только, — засмеялся другой палач.

— Эй, красная рубаха, — закричал голос из толпы, — когда тебя вешать будут?

— За тобой следом! — ответил весело палач, вколачивая в помост последний гвоздь.

— Ведут, ведут! — слышались голоса, и толпа разом обернулась спиной к палачам и разделилась надвое.

Осужденные шли, понуриив головы и иско-са бросая по сторонам взгляды. Вдруг у самого эшафота толпа так плотно сбилась, что стрельцы невольно отодвинулись; в тот же миг над ухом Федора раздался ободряющий шепот:

— Гляди в оба, Неустрой. Свои не выдадут!

Федор сразу выпрямился и толкнул своих товарищей. Их ввели на помост к плахе, и дьяк снова начал читать приговор, но в это время сзади раздался крик:

— Пожар!

В ту же минуту толпа, теснимая кем-то, кинулась через помост к реке. Все смешалось. Тимошка неожиданно получил страшный

удар в грудь, стрельцы, сбитые в сторону, не могли соединиться, а брошенный на помост дьяк сипло орал:

— Держите! Ловите! Воры!

В этой суматохе невидимый нож разрезал веревки на руках осужденных, на плечах их очутились кафтаны, на обнаженных головах шапки, и они тотчас замешались в толпу, которая с воплем валила за Москву-реку.

А там, расстилаясь по небу черным облаком, клубился дым над разгоревшимся пожаром, который охватил дома на Балчуге, подле Китай-города.

XII. В походе

Князя Петра Теряева все занимало в походе, и он рвался скорее увидеть врагов и сразиться с ними. Когда он только слушал рассказы воинов, вся кровь в нем закипала и он до половины обнажал свой меч. Выехал он из Москвы в длинной веренице дворянских и боярских детей, которые в то время служили при царе чем-то средним между адъютантами и курьерами. Царь в походе поручал им и передать приказание тому или другому начальнику, и скакать порою из-под Смоленска или из Вильны с грамоткой к патриарху.

Из огромной кавалькады, человек в двести — триста, князь Петр знал очень многих и сейчас же сблизился с ними. Все они были почти ровесниками, все большей частью из московских дворян и все впервые были в походе и рвались в бой.

Время было военное. С 1612 года почти без перерыва шли войны: то с поляками, то с крымцами и татарами, с башкирами; на рубежах были непрерывные схватки, усмиряли бунтовщиков, ловили разбойников.

В войске было немало старых вояк, бывших не в одном походе, и вот на остановках они собирали вокруг себя молодежь и рассказывали им про жаркие битвы.

Разгорались тогда у юношей взоры, руки сжимали рукояти сабель, и так бы и полетели они в бой переведаться с ляхом.

Поезд двигался с необыкновенной пышностью и медлительностью. Царь ехал то на коне верхом, то в колымаге, порой в дороге развлекался соколиного охотою и все время весело шутил со своими боярами.

К вечеру, выбрав просторное место, останавливались на ночлег.

Воздвигался царский шелковый алый шатер с пятью главами, в десяти сажнях от него разбивали шатры ближние бояре кругом, далее, шагах в десяти, ставили шатры иным боярам, тесным кольцом становилась вокруг стража, а там раскидывались палатки, просто копались ямы, устанавливались возки иных всех людей, и пылали костры, готовился ужин, и шла бражна до самой до полуночи. Но царь был умерен в еде и питье.

Он любил тихую, мирную беседу, любил

веселую шутку, молодецкую потеху и, позабавившись, отсылал всех на покой, а сам потом садился писать письмо Никону патриарху, без чего не мог провести одного дня.

Бывший смиренный кожеозерский игумен совершенно подчинил себе молодого царя, который считал его вторым отцом.

В первую же остановку царь за трапезой благодушно сказал Теряеву:

— А что же, князь Михайло, ты мне сына-то своего не кажешь? Али не взял его с собою?

Князь поклонился земно царю и ответил:

— Ждал, государь, твоего слова ласкового. Повелишь позвать, в ту же минуту явится. Нам ли, твоим холопам, это не счастье?

— Веди, веди, — сказал царь.

Князь бросился из палатки за своим сыном.

Царь не ждал видеть такого красавца. С лицом ясным, как месяц, молодой и смущенный, богатырь по сложенью, князь Петр опустился перед царем на колена и крепко бил ему челом, звеня своею кольчугою.

— А и, князь, — с улыбкою сказал царь, —

и такого молодца от меня прятал! Встань, сокол, подойди к руке! — И он милостиво протянул молодому Петру свою пухлую руку, которую тот накрепко поцеловал.

— Красавец! совсем витязь! Ну, княже, при мне будешь! Брат твой был мне постельничим, теперь ты будешь. Эту ночь со мною спи!

Князь — отец земно поклонился царю, слыша про такую милость к его роду, а царь ласково ему сказал:

— Истинно ты царский слуга, что даешь ему таких молодцов! А намедни твой Терентий мне письмо отписал. Таково-то ладно составлено. Ума палата! А этот, видно, в силу пошел.

Морозовы сумрачно переглянулись между собою. Уж не новый ли приспешник им на шею? Царь ласков и милостив, полюбив, ничего для любимого не жалеет. Вот хоть Никон! Словно сам государь, такую власть забрал себе в руки.

— Не бойсь, — с усмешкой сказал им Милославский, — Теряевы не такие! В жизни не лукавили и ничего от царя, кроме ласки, не ищут. Не то что мы, грешные, — усмехнулся

он в бороду.

Царь ушел в опочивальню вместе с Петром и, возлегши на свою постель, долго беседовал с ним.

Сначала так его про все расспрашивал да вдруг нечаянно узнал, что Петр ловок в соколиной охоте — и разгорелся весь сразу.

Ничто для царя не было милее этой охоты.

Сотни соколов держал он у себя в Коломенском, из далекой Сибири с великим бережением везли к нему соколов и кречетов, и в заботе о них он часто забывал государские дела, как теперь забыл про поздний час.

И Петр любил эту забаву. Под Коломною и у него с отцом было немало соколов. Знал он все их повадки, каждую приметку хорошего охотника. Умел учить сокола, и лечить его, и беречь, а случаев занятных у него было не меньше, чем у царя.

— Ужо, ужо, — говорил ему царь, сидя на постели и широко смеясь, — покажу я тебе своих соколов. Подивишься! Здесь с собою не взял любимых, боюсь, не уберегут, а как вернемся с Божьей помощью, покажу тебе свою охоту.

— Ты к нам, государь, я тебе своего налета покажу. По десяти цапель бил — вот! Налетит, раз ударит и прочь! А чтобы когтить когда, ни в жизнь!

Он говорил с царем, совершенно забыв разницу лет и положений, и царь, строгий к этикету, даже не заметил его непочтительности к сану.

— Каждую ночь чтоб со мной князь Петр ночевал, — отдал он приказ на другое утро, и все дивились такой милости.

День за днем, хотя и медленно, сокращалось расстояние, и царь приближался к Вязьме, где ожидало его все войско, с князем Трубецким во главе.

На огромной равнине раскинулось оно боевым станом. Крутом на несколько верст пестрели палатки, стояли возы, длинными рядами тянулись коновязи и, словно сказочные чудовища, стояли длинные пушки на десяти, двенадцати и шестнадцати колесах. В середине стана высились четыре палатки князя Трубецкого с хоругвью, данной в поход самим патриархом.

— Что ж это, — ворчал каждый день князь

Щетинин, — время идет да идет. Гляди, уже две недели, как стоим!

— А тебе не терпится, — ухмылялся боярин Долматов.

— Не то! А Смоленск, поди, крепится теперь. Нам бы на него в одночасье, а тут жди!

— Войска мало!

Князь только сердито взглядывал на боярина и отходил недовольный.

Собственно, и князь Трубецкой начинал уже тяготиться бездействием в ожидании царя. Главная беда была в том, что в полках от праздности стали заводиться пьянство, ссоры и буйство.

Стрельцы начинали выказывать строптивость, своевольничать, и не будь их головы, Матвеева, никому бы не управиться с ними.

— Без тебя хоть волком вой, Артамон Сергеевич! — говорил ему князь.

Матвеев улыбался ясною улыбкою и говорил:

— Ведомо, народ озорливый, да зато и не лукавый. Все в открытку. А в бою — не будет равного!

— А как это ты с ними управляешься? —

удивлялись все другие начальники.

— А правдою! Созову их в круг. Так, мол, и так. Негоже! Когда усовещу словом, когда и казнить велю. Лишь бы по правде, а не в сердцах...

— Едет! — сказал раз Трубецкому высланный им в дорогу гонец.

Князь тотчас поднял всех начальников. Торопливо стали строить войска, выставили знамена.

Князь с Щетининым, Долматовым и Карповым выехали далеко из лагеря и стали на дороге в пыли на колени, едва завидели приближающегося царя.

Он быстро, как ветер, донесся до них на своем аргамаке, соскочил с коня и дружественно облобызался с военачальниками.

— Что, заждались? — весело спрашивал он, окруженный ими.

— Твоя государева воля, — ответил князь Щетинин, — а боимся, что ляхи зело укрепились в Смоленске.

— Выбьем! — уверенно ответил царь и весело взглянул вперед, где вся равнина словно поросла блестящими копьями и алебардами.

— Экая силища у нас, да во славу Божью Смоленска не взять! — смеясь, снова повторил он и сел на коня.

Едва приблизились они к лагерю, как раздались приветственные залпы из пищалей, заиграли трубы, загудели барабаны, зазвенели литавры и, покрывая этот шум, вся равнина огласилась криками радости.

Вяземцы стояли на коленях, держа на головах блюдо с хлебом-солью и золотыми монетами.

Царь был доволен и весел.

— Ну вот, отдохнем, да и на ляхов, — говорил он своим нетерпеливым полководцам, — а успех нам будет. Патриарх за нас молится...

Ему отвели помещение в самой Вязьме, и в городе на радостях видеть царя жгли смоляные бочки, угощали нищих и поили ратных людей.

В Вязьму друг за другом прибыли и наемные войска. Генерал Лориан привел с собою 1000 пехотинцев, генерал Спемль 1500 конных драгун да Кильзикею 1000 гусар на великолепных конях, в отличном вооружении.

— Милости просим, — встречал генералов

радушно царь, — будем вместе бить ляхов, только одно прошу, не затевайте ссор промеж собой!

И потом наедине он говорил то же князю Трубецкому:

— Пуще всего этого двоедушия не терпи. Быть без мест сказано, и как кто супротив тебя будет, мне говори! А то не будет ладу, как при батюшке под Смоленском!

Через три дня войско выступило в поход.

Давно в Вязьме не видали такой несметной, такой грозной рати. Конные, пешие стройными рядами шли, шли и шли, один полк сливаясь с другим, и, кажется, конца не виделось этой лавине вооруженных людей. И лица у всех горели одушевлением.

Наконец — то их ведут после долгих роздыхов и проволочек прямо в бой на ляхов, которые в ту пору были так же ненавистны русскому, как ныне французам немец.

XIII. Под смоленском

Царь захотел первым увидеть Смоленск и ударил плетью своего коня. За ним понеслись военачальники, Морозовы, Милославский, Теряев с сыном и целый отряд боярских детей. Царь въехал на высокий курган крутого днепровского берега и осадил коня. Ярко горело утреннее солнышко, весело освещая окрестности, золотыми иглами сверкало оно в водах Днепра, но и под его веселыми лучами огромный Смоленск казался угрюмым и мрачным, великим и грозным, как старый воин, покрытый рубцами и шрамами недавних битв.

Окруженный окопами и рвами, далее — рядом городков, еще далее высокой каменной стеной с башнями и бойницами, стоял он неуклюжий, широкий и грозно безмолвный.

Так и чувствовалось, что там, за стенами, здесь, в городках и окопах, притаилась немалая сила. Дай знак, и засверкает из окопов огонь, из бойниц и башен полетят смертоносные ядра и земля задрожит от грохота пушек.

Царь долго безмолвно смотрел на город,

потом отыскал глазами князя Теряева и спросил его:

— Помнишь, князь, места эти?

Князь тяжело переводил дух от волнения.

— Мне ли не помнить, государь, — глухо ответил он, — этих мест. Вот словно бы сейчас переживаю все день за днем.

И, указывая плетью на окрестности, он стал рассказывать, где были наши окопы. Вот здесь стоял Шеин, здесь Измайлов, на этом холме Прозоровский, а здесь фон Дамм и Лесли. Мертвой петлею окружили город, брешь в стене уже пробили, напасть бы и взять!.. Уже торжествовали победу, и вдруг — помощь... Явился Сигизмунд со своим войском... Сразу все...

Вот был день, когда поляки в город пробивались!.. Днепр потек кровью, а не водою, земля дрожала, убитые лежали грудами, и за ними бились поляки, и все переменялось. Стали наших теснить. Одно за другим оставляли мы свои укрепления, сбились все в одну кучу... мороз, голод, позорная сдача...

И при этих тяжелых воспоминаниях слезы выступили на глазах князя Теряева.

Все ему вспомнилось.

Ох, Смоленск, Смоленск, горемычный город земли русской, в боях иссеченный боец! Много ли еще городов таких, как ты? Вся твоя жизнь кровью записана на страницах истории. В тяжкое смутное время, стоя на рубеже меж Русью и Польшей, переходил ты из рук в руки всегда после кровавого боя, всегда обращенный в пепелище, залитый весь кровью. Недолго потом оставался ты в руках русских: взяли тебя снова поляки, несмотря на героическую защиту Шеина. Вскорости тот же Шеин пришел за тобою и громил твои стены, морил голодом твоих защитников, проливая потоками кровь русскую и поляков. Царь Алексей отнял тебя и закрепил навеки за Русью.

Сто пятьдесят лет цвел ты, рос и украшался, пока не наступил страшный двенадцатый год, и снова ты был обращен в развалины и пепелища, и снова залился кровью...

И нет в черте твоей пяди земли, не напоенной кровью своих и врагов.

Слава тебе, железом и огнем крещенный Смоленск! Царь поднял голову и глухо спросил князя:

— Что же, не изменник Шеин, если он до самых стен дошел и остановился?

— Нет, — твердо ответил князь, — всегда он прямил царю своему, а тут замешкался, да и рознь вокруг, свара промеж начальников. Строптив был боярин и на Москве врагов имел много!

Царь кивнул головою.

— Нет ничего хуже розни! — тихо промолвил он и прибавил, набожно крестясь: — Упокой душу, Господи, раба твоего Михаила!

Князь следом за ним перекрестился.

А тем временем войско уже приближалось, наполняя воздух гулом словно отдаленной грозы.

На стенах Смоленска замелькали черные точки. В воздухе чувствовался бой. Коршуны и вороны стаяй кружились над равниною.

К князю Трубецкому то и дело подъезжали начальники частей, и он отдавал им приказания, как размещаться.

— Сегодня совет соберем, — сказал царь, — и поведем осаду.

Все разъехались устраивать свое временное жилище.

Князю Теряеву Антон со своим отрядом уже разбил палатку.

Князь вошел, помолился на красный угол и тотчас лег на войлоки, настланные для постели. Через несколько минут в палатку вошел ясный как день, радостный Петр.

— Вот и повоюем! — сказал он весело. — А то все охота да охота!

Отец взглянул на него и тихо улыбнулся.

Вот таким же юношей он был, может быть, даже на этом самом месте. Так же рвался в бой, тем же пылом горела его душа. И где все это?

Яркой картиной встали перед ним воспоминания пережитого. Богатырь Эхе, Антон, Мирон, бедный Алеша, сложивший в бою свою бесталанную голову, и, наконец, загубленная Людмила.

Он тяжело перевел дыхание.

— Батюшка, — ласково промолвил Петр, опускаясь подле отца на колена, — чего закручинился?

— Так, сын, молодость вспомнил; бури пережитые.

— Скажи, батюшка, про свои битвы.

Князь тихо усмехнулся.

— Тебе все давно Эхе пересказал, — ответил он и прибавил. — Сходи, погляди, хорошо ли наши молодцы устроились.

Петр послушно встал, взял плеть в руки и вышел из палатки.

У входа поджидал его Кряж. Его усатое лицо сияло радостью.

— Чего ты такой радостный? — спросил его Петр.

— А как же иначе-то. Теперя, значит, беспрерывно в бою будем!

Петр кивнул ему головою.

— Где наши стали?

— А пойдем, государь, я доведу!

Они пошли по лагерю. Войска не успели еще установиться, и всюду кипела работа. Стрельцы устанавливались своим обычаем: ставили четверугольником обоз: длинные телеги со съестным и боевым припасом, а в середине правильными рядами выстраивали свои палатки, землянки и шалаши из ветвей и сучьев. Стрелецкий голова Артамон Сергеевич сам ходил по лагерю и то бранился, то шутил, то подгонял ленивых, а тем временем

в больших котлах уже варилося пшено для горячей похлебки.

— Князю Петру здравствовать! — весело сказал Матвеев, увидев Теряева.

Петр поклонился ему в пояс.

— Куда путь держишь?

— А вот посмотреть, как наши молодцы устроились.

— Добро, добро, — похвалил его Матвеев, — первое дело о малом человеке подумать, о холопе своем. Все мы холопы перед Господом Богом! — строго окончил он и прибавил: — Коли удосужишься, зайди, покалякаем!

— Спасибо на ласке! — ответил Петр и пошел дальше.

Гусары и драгуны устали и уставили длинные коновязи и чистили своих коней.

Другие устанавливали палатки, варили пищу, а иные, лежа на земле, беспечно играли в зернь.

— Сюда, государь, вот мы! — сказал Кряж.

Они завернули на пригорок и очутились в небольшой ложбинке. На сочном лугу журчал светлый родничок. Большим полукругом

были поставлены кони, и уже стоял десяток деревянных просторных шалашей.

Посредине луга в вырытой яме горел яркий костер, над ним качался медный котел, а вокруг него сидели холопы-ратники. Они были одеты все по одному образцу: в толстых кожаных латах, в железных налобниках и высоких сапогах из сыромятной кожи. У каждого висел короткий меч, за поясом торчал нож и висел у кого топор, у кого кистень или шестопер, да, кроме того, при коне стояла пика. Один из трех имел, сверх всего, пицаль с козлами для прицела.

— Хлеб да соль! — сказал князь, входя в круг.

Холопы тотчас повскакали со своих мест.

— Здравствовать тебе, государь! — гаркнули они.

— Сидите, хлебайте! — остановил их ласково Петр и сел на поданное ему высокое седло.

Холопы снова сели к котлу. Петр знал многих в лицо по своим играм и забавам.

— Что, Кузьма, рад? — спросил он высокого сухого парня с рыжими усами и бородой

КЛИНОМ.

— И очень! — ответил Кузьма. — Дома теперь что? Ни охоты, ни другого какого занятия, а тут ляха бить будем!

— Будем! — усмехнулся Кряж. — Я себе зарок дал на десять душ.

— Нешто у них душа, — отозвался старый холоп, — они все схизматики [12].

Радостное оживление царило во всем лагере. Всякий понимал, что теперь дошли до цели и начнется настоящее дело.

— Сегодня совет, — говорили дворянские и боярские дети, — завтра, может, и бой!

— Не, — отвечали осведомленные, — казаков ждать будем.

— А чего их ждать?

Такой же разговор поднялся и на совете в ставке князя Трубецкого, куда пришел и царь. Князь стоял за то, чтобы ждать прихода казаков, но тому сильнее всех воспротивился Щетинин.

— Что нам, — говорил он, — Шеина повторять, что ли! Ждать, ждать! А чего ждать, коли нас силища такая. Окопаемся, наставим пушки, дня два постреляем, а там и с Богом!

На стены!

И его мнение одержало верх. Царю понравилась его смелость. На совете решено было с утра начать возводить окопы и устанавливать орудия, чтобы бомбардировать город.

XIV. В непрестанном бою

Через три дня были установлены пушки и насыпаны крутые валы. Царь осмотрел все снаряжения, причем князь Щетинин давал ему объяснения. Длинные, неуклюжие пушки того времени требовали за собою много хлопот. Десятки пушкарей стояли возле каждой, под началом главного пушкаря.

— Благослови, государь! — сказал после осмотра боярин Долматов, низко кланяясь царю.

— Что же! Начнем, боярин! — весело ответил государь. — С которой?

— С этой! — ответил боярин. — Самая громадная у нас!

И они подошли к огромной пушке длиною в добрые две сажени.

Пушкари тотчас захопотали подле нее. В узких мешках они засовывали в жерло ее зе-

лье (порох) и загоняли его туда банниками, потом заложили сверху паклею и закатали ядра. Затем из совка насыпали зелья в затравку так, что оно горкою возвышалось на пушке.

— Куда ж палить будешь? — спросил царь у пушкаря.

Тот стал на колени.

— У меня, государь батюшка, на башню наведено!

— Ну-ну!

Пушкарь зажег фитиль на длинной палке и стал сбоку к пушке, вытянув руку.

Вспыхнул огонь, все окуталось дымом, и раздался оглушительный гром выстрела.

— Сторонись! — закричал пушкарь, в то время как огромная пушка, вследствие отдачи, откатилась назад.

— Недолет! — сказал боярин.

— Стой, я сам направлю! — сказал царь и, сойдя с коня, подошел к пушке, которую с криком пушкари волокли на место.

Со стен Смоленска показалось белое облачко и сверкнул огонь.

— Заговорили! — пробормотал пушкарь, и

канонада началась.

С той и другой стороны гремели выстрелы и летели ядра.

Князь Щетинин и бояре так направляли свои выстрелы, что они все били в одно место, в высокую башню, что стояла над главными воротами, и в самые ворота. Поляки старались сбить наши орудия.

В Смоленске не ожидали так скоро приближения русских, а впрочем, все равно помощи для него быть не могло. На юге казаки, а в самой Польше шведы отвлекали все главные силы.

Воевода пан Мышицкий решился до времени только отбиваться, думая, что, может, русские и минуют его, а то и подоспеет кто из своих, и вяло отстреливался со своих стен.

Три дня неумолчно грохотали пушки.

— Господи, да когда же бой будет! — с сокрушением спрашивали Петр и другие молодые люди.

— Подождите. Вот пойдем на приступ, тогда и бой! — утешали их старики.

Молодежь для лихости подъезжала под самые стены Смоленска и перебранивалась с

панами в красных кунтушах, которые гуляли по стенам, когда ослабевала канонада.

— Пора, пора, государь, — уговаривали царя на приступ, но он еще не решался.

Однажды утром в ставку Трубецкого прибежал запыхавшийся конник.

— Князь, на нас рать идет! — сказал он.

Князь вскочил с лавки.

— Откуда? Чья?

— Оттуда! Видно, поляки. Все на конях! — ответил испуганный конник.

— Коня! — приказал князь. — Кличь стрельцкого голову, да Щетинина, да Кильзикея сюда!

Он уже распоряжался, выстраивая войска. Царь выехал на коне.

— Что приключилось?

— Бают, помощь ляхам идет! Рать! — топорливо ответил князь, отдавая приказы.

— Пусть вперед идут драгуны да разведывают, и мигом назад! Мы их встретим! Боярин, пушки-то картечью набей!

Петр сиял радостью и всем встречным весело говорил:

— Ужо порубимся!

Но для него наступило быстрое разочарование. Назад скакали драгуны, а с ними какие-то сзади в алых жупанах, и над ними веял бунчук.

— Да это казаки! — воскликнул царь и весело засмеялся.

Действительно, это были казаки — сам атаман Золотаренко. Толстый, коренастый, он едва доехал до царя, как скатился с своего коня, покрытого пеной, и опустился на колени, кинув на землю свою булаву.

— Челом тебе, царь! — сказал он. — Привел тебе своих вояков и сам пришел, а в дороге для твоей царской короны взяли мы, казаки, Гомель с Быховом.

Тут он принял от есаула два огромных городских ключа и положил их рядом с булавою. Царь засмеялся и, сойдя с коня, ласково кивнул Золотаренко.

— Встань, атаман, жалую тебя к руке своей. Много ли с тобою казаков?

— Шесть тысяч, батя!

— Доброе дело! Шесть тысяч молодцов. Этак мы и Смоленск возьмем!

— А то як же? — ответил атаман. — Скажи

только!

Царь обласкал атамана и звал его к своему столу. Там, после трапезы, атаман рассказал про свои победы.

Они шли, эти шесть тысяч казаков, как огонь по степи. Все, что встречалось по дороге, сметалось в прах. Гомель противился — что от него осталось? А Быховец что? они взяли его в одну ночь. Трусы эти поляки. Они как казацкий жупан увидят, так дрожат.

— Им наш батька такого страха нагнал! ух!

В то время, действительно, одно имя Богдана Хмельницкого повергало поляков в трепет.

— А не устали твои молодцы?

— А с чего, батько?

— Так завтра берем Смоленск! Князь, — обратился царь к Трубецкому, — сговорись с кем надобно!

— Наконец-то! — вздохнули все с чувством радости...

Петр и его стреманный, Кряж, впервые пережили настоящий бой. Ночью, едва начались приготовления, Антон с суровым видом сказал Петру:

— На тебе, княже, надень чистую сорочку да испроси благословения у батюшки!

Петр хотел засмеяться, но увидел серьезную сосредоточенность на лицах и отца, и Антона — и смирился. Его самого охватил священный трепет.

— Батюшка, благослови! — произнес он, опускаясь на колени. Отец торжественно снял с шеи своей образок, который всегда носил окромя тельного креста, и поднял его над головою сына.

— Благослови тебя, Господи, и ныне, и присно, и во веки веков. Пошли тебе силы, крепости и удали! Аминь!

Он дал сыну поцеловать образ и надел его ему на шею.

Восторженная радость осветила лицо Петра. Он вскочил на ноги и крепко обнял отца.

— С Богом! — сказал растроганный князь.

— А ты, батюшка?

Князь покачал головою.

— Я нонче в бою не буду. Мое место при царе быть!

Он поцеловал сына и любящим взором проводил его из своей палатки.

Петр лихо вскочил на коня, которого подвел ему Кряж, и поехал к своему отряду.

На время боя он отпросился от царя, и князь дозволил ему встать в челе своего ополчения под руководством старого Антона.

— Береги мне его! — крикнул он Антону. Тот только кивнул головой.

— Глаз с него не спущай! — сказал он в свою очередь Кряжу, на что тот только ухмыльнулся.

— Ну, потешим, княже, свою душеньку! — говорил он весело, помахивая своим шестопером.

— В первый раз, Кряж, сердце так и замирает!

— Что в бой, что под венец, — ответил Кряж, — мне тут один стрелец сказывал: идешь — жутко, а там и не в себе. Только помахивай!

— С коней долой! всем пешим быть! — отдал приказание молодой полковник, князь Урусов.

— Вот тебе и сказ! — засмеялся Петр. — А на коне куда способнее!

— С коней долой! — слышались команды

дальше, и вдруг грянула пушка. Это был сигнал двигаться. В темноте ночи двинулись войска, с трех сторон подбираясь к городу.

Петр шел наугад. Он знал, что его присоединили к стрельцам и что все они идут на главную башню, которую снова теперь громят из пушек.

Медленно, шаг за шагом подвигалась вся масса под грохот канонады, и вдруг раздался оглушительный крик ура, покрывший весь грохот, и, подхваченный словно волною, Петр понесся вперед. Ему пришлось куда-то лезть, он почувствовал, что начался бой, и закричал звонким голосом. Кто-то толкнул его в грудь, он махнул саблей и бежал дальше, спотыкаясь, падая, вскакивая на ноги, и с криком махал саблей. И вокруг слышались крики, стоны, проклятья.

Восток побелел, красною полосой означилось место восходящего солнца. Бледный свет озарил окрестности, и Петр увидел себя под стенами Смоленска; позади оставались взятые городки, где одним натиском были уничтожены слабые защитники.

Стрелецкая небольшая пушка раз за разом

стреляла в толстые ворота.

Артамон Матвеев, простоволосый, с саблей, по которой текла кровь, распорядился осадой, а сверху, со стен, сыпались камни, пищальные пули, лились смола и кипяток и с грохотом скатывались бревна, давя людей.

И опять вдруг пальба прекратилась, что-то загрохотало, и Петр с толпою очутился за воротами. Поляки ожесточенно рубились. Петр увидел толстое, красное усатое лицо, и вмиг оно облилось кровью от удара его сабли.

— Ура! — ревело кругом и несло по узким кривым улицам, как лавина.

Петр занес саблю над поляком, но тот упал на колени и с мольбою протянул руки. Петр устремился дальше.

— Ну, отдохни малость! — услышал он добродушный голос и увидел улыбающегося Матвеева. Тот вытирал рукавом потное лицо и говорил:

— Знатно рубишься! Только врагов нет уже. Паны за воротами царю ключи отдают. Город наш, хвала Богу!

Петр опустил саблю и только теперь почувствовал усталость. Солнце уже клонилось

к вечеру.

Царь, держа в руке опущенный меч, в окружении ближних бояр и военачальников въезжал в город. Звонили в колокола, гремела музыка, и войско кричало ура! Радость победы охватила Петра, и он присоединил свой голос к общему крику.

Город Смоленск был взят. Наскоро увлакивали в сторону трупы, чтобы наутро схоронить их в общей могиле...

XV. Победы

Царь пировал в Смоленске с Золотаренко и начальниками, пригласив к трапезе и многих смоленских панов, а через три дня велел войскам двинуться дальше, охваченный воинским пылом.

Эта первая удача обрадовала и ободрила его.

— Чую твое благословение, святой отче, и дерзаю! — писал он радостный Никону, и в тот же день с его грамотой скакал дворянский сын в Москву.

Победоносно двинулись русские войска.

Ничто не могло противиться их силе. Царь

вошел в Литву, и друг за другом падали города: иные спешно отдавали ключи сами, иные после недолгого боя.

Сдался сильный город Полоцк, за ним Шклов, Могилев, Невель. Быстро двигалось русское войско, наводя на ляхов панику и наконец остановилось под Витебском.

Царь послал туда молодого боярского сына Хватова с требованием сдаться, но через два часа времени на стене города вместо ответа выставили срубленную голову боярского сына.

— Придется осаду делать, — сказал князь Трубецкой.

— Взять приступом! — закричал царь. — И всех вырезать до одного!

В первый раз за все время похода видели царя таким грозным. Глаза его метали искры, губы гневно выбрасывали слова, кулаки сжимались.

— Царского посла убили! Не могу простить этого! Или пусть сдаются и головы несут, или всем смерть! Завтра приступить!

— Вот то по-нашему! — радостно воскликнул казацкий атаман. — Пойду скажу своим

казакам! То-то порадуются!

И войско, узнав про гнев царя и про его приказ, воодушевилось тем же чувством мести.

Утром без одного выстрела бросились войска на приступ; но осажденные оборонялись из последних сил с отчаяньем погибавших.

Два раза отбивали они осаду залпами из орудий.

Казачи осатанели.

Уже лезли стрельцы до самого гребня стены по лестницам, казаки почти выломали ворота, но вдруг новый залп сверху, валились трупы осаждающих — и смятенному войску приходилось отступать.

Ночь прекратила битву.

Царь в гневe говорил:

— Сей ли малый город нас остановит? Взять его в утро!

И князь подтвердил страшный приговор.

Трое суток бились под стенами Витебска и наконец его взяли.

Началась поголовная резня.

Петр рубился, как старый воин, когда была битва, но когда наступила страшная распра-

ва, меч его опустился невольню.

Не воинское это дело!..

Казакк и стрельцы неистовствовали. Они врывались в дома, вытаскивали оттуда женщин, детей и убивали их на улице, предавая дома ограблению.

Вопли оглашали побежденный город, зарево пожара вздымалось то здесь, то там.

Надо было огрубеть в войнах того времени, чтобы видеть без содрогания ужасы этой кровавой мести. Петр еще не был закаленным воином и бледнея вздрагивал при каждом крике и бежал, стараясь найти где-нибудь убежище от этих невыносимых зрелищ.

Он увидел сложенную из простых камней стену и в ней растворенную калитку. Он вошел и очутился в густом тенистом саду. Этот сад показался ему светлым раем. В его тенистых аллеях было так легко и прохладно. Шум убийств доносился только смутным гулом.

Петр сел на тяжелую скамью, снял шлем, положил на скамью свой меч и жадно вдохнул полной грудью.

Он поднял глаза к безоблачному синему небу и задумался.

Как это небо, была тиха и безоблачна его жизнь. Он не знал ни волнений, ни огорчений, и счастье улыбалось ему впереди. Все любили его: и отец, и царь, и князя, и вот этот голова стрелецкий Матвеев, и дома, на Москве.

Он вспомнил про Эльзу и покраснел, как девушка. И она его любит!..

Вдруг со стороны дома раздались страшные крики.

Петр вскочил и в изумлении остановился на месте.

Легче серны прямо на него бежала молодая девушка с лицом, искаженным ужасом, и кричала:

— Ратуйте! Казаки! Папа! Мама!

За нею бежали два стрельца с обнаженными саблями. Петр быстро схватил меч в руку. Девушка увидела его и с криком метнулась в сторону.

— Держи! — хрипло крикнул стрелец, но тут же пошатнулся от толчка в грудь.

— Ни с места! — грозно сказал возмущенный Петр. — Что вы тут делаете?

— А ты что? — грубо спросил стрелец.

Петр вспыхнул.

Хамы не смели так говорить с князьями, и стрелец тут же покатился с разрубленной головой.

Другой стрелец бросился назад к дому, крича:

— Сюда! На помощь! наших бьют!

Из дома выбежало пять человек. Лица их были исступленны, глаза сверкали, окровавленная одежда изорвана. Они с хриплым криком бросились на Петра.

Он быстро отскочил и, прислонясь к толстому дереву, начал отбивать удары. А дом уже охватило огнем, и клубы дыма вырывались высоко к небу.

— У, черт, и дерется!

— Ломай скамью! Держи его!

— Возьми пицаль! — кричали стрельцы, чувствуя, что не могут подойти к Петру, и приходя от этого в ярость.

— Я вам покажу! — кричал Петр. — Пойдите, скажу ужо Артамону Сергеевичу!

— Жалься, жалься, — с еще большей яростью кричали стрельцы, — мы вот покажем тебе Артамона Сергеевича!

Двое продолжали нападать на него, а другие двое стали поспешно ломать скамью, вырывая ее из земли, чтобы ею или прикрыться, или бить Петра как тараном.

Петр изнемогал, рука уже слабо отражала удары, как вдруг он увидел чье-то лицо, заглянувшее в калитку.

— Помогите! — крикнул он. В то же мгновение в сад вбежал молодой воин в дорогом шлеме и кольчуге.

— Четверо на одного! — закричал он, с размаха поражая первого попавшегося ему стрельца. Тот упал с разрубленным плечом, а остальные поспешно бросились бежать прямо к пылающему зданию.

— Я вас! — крикнул им вдогонку молодой воин и обернулся к Петру.

— Ну, разбежались твои вороги! — сказал он Петру с улыбкою.

— Спасибо, — прошептал князь, бессильно опуская руку с мечом.

— Постой, — заботливо говорил тот, — может, ты где поранен?

— Нет, утомился только, — ответил Петр и прибавил: — Не подоспей ты, убили бы.

— Разбойники! Мало им ляхов грабить, на своего бросились!

Петр промолчал. Он почему-то не хотел говорить своему избавителю про девушку. В это время на его счастье в сад заглянул Кряж и, увидев Петра, снял свой налобник и перекрестился.

— Слава Иисусу Господу! — произнес он, подходя. — Я весь город ошарил. Думал, не беда ли, упаси Бог!

Молодой воин весело усмехнулся.

— Ну, вот и твой товарищ, я уйду!

— Как величать тебя? — спросил князь.

— Тугаев! — ответил воин и выбежал.

— Князь Тугаев, — сказал Кряж, с почтением смотря вслед убежавшему, — знатный воин! Сегодня он ляхов, как капусту, рубил!

Петр не слышал его слов.

— Кряж, верен ли ты мне? — спросил он.

Кряж даже отодвинулся.

— Али нет? — ответил он. — Прикажи только!

— Тогда, что ни увидишь, про все молчи, — сказал Петр, — здесь должна быть девица. Пойдем искать ее!

Кряж удивленно взглянул на Петра и только молча наклонил голову, при этом взгляд его упал на убитых стрельцов.

— Ах, ляхичи проклятущие, — сказал он, — каких молодцов уложили!

— Это не ляхи, а я да этот витязь! Спасибо ему: выручил, на меня четверо насели.

— На тебя? Ах я окаянный! — воскликнул Кряж, ударив себя в лоб. — И меня не было! Прости, княже, все время об руку был с тобою, а тут вдруг ты словно сгинул. Я туда, сюда. Прости, княже!

— Брось! — ответил Петр. — Пойдем девушку искать. Я ее отбивал от разбойников. Она сюда метнулась!

И он в сопровождении Кряжа пошел по дорожкам сада, внимательно приглядываясь к каждому кусту.

XVI. Любовь

— Здесь! — вдруг вскричал он и остановился как вкопанный. И было отчего. В траве, раскинувшись навзничь, лежала прекрасная, словно дриада, молодая девушка. Белое лицо ее было недвижно покойно; черные, словно шнурочки, брови были слегка приподняты, алые губы полураскрыты, и за ними виднелись мелкие белые зубы, ровные, как подобранный жемчуг, а вокруг лица, словно сияние, лежали волны золотых волос. Она была неподвижна, и князь испугался.

— Не умерла ли? — пробормотал он, тревожно опускаясь на колени. — Кряж, добудь воды!

Кряж побежал искать воды, а Петр склонился над красавицей и, трепеща от волнения, приложил ухо к ее груди.

— Бьется! Значит, жива.

Он поднял голову и, дожидаясь Кряжа, смотрел на девушку. От разгоравшегося пожара накалился воздух и трещали загоравшиеся деревья сада, порывами ветра иногда пронесило целые снопы искр и тучи дыма; из горо-

да продолжали доноситься крики, вопли и стоны, но Петр не слышал и не видел ничего, кроме красавицы.

Кряж принес воды. Петр осторожно взял на руку и с руки брызнул на девушку. Та открыла глаза, большие, синие глаза, полные недоуменья, потом в них отразился ужас, она вскрикнула и метнулась, желая вскочить на ноги, но Петр тихо удержал ее.

— Не бойся, девушка, — сказал он, — я прогнал твоих ворогов. Вон лежат они, — он махнул рукой по направлению дома и прибавил: — Кто ты?

Она быстро села. Глаза ее пристально смотрели на Петра; немного спустя она, видимо, успокоилась.

— Ты спас меня?

Петр покраснел.

— Ты убежала, а я бился с твоими насильниками!

— А отец, мать, мамка? они где?

Петр смутился.

— Там! — ответил он тихо.

Она оглянулась и увидела догорающий дом.

— Там! — вскрикнула она иступленно и вскочила на ноги. — Там! — Она бросилась к дому, и Петр с Кряжем побежали за ней.

— Куда? Ты сгоришь! Туда нельзя!

Петр догнал ее и удержал. Она билась в его объятиях и кричала:

— Ах, они убили всех! Они сгорели! Папа, мама! О, я горемычная!..

Кряж растерянно смотрел на князя. Петр и сам терялся, не зная, что ему делать, и вдруг сообразил.

— Девушка, — сказал он, — их, верно, убили. Слезами не поможешь. Скажи, что с тобой теперь делать?

— Ах, я не знаю. Убей!

— Кто ты? У тебя есть родные? — Но Петр тотчас вспомнил ужасный царский приказ и смолк.

— Панна Анеля, — тихо ответила девушка, — отец мой подкоморий [13] был, пан Луговский. Мы все попрятались, и вот они вбежали, с саблями... Я бросилась от них. Ах я несчастная! — И она залилась слезами.

— Что с нею делать? — растерянно сказал Петр.

Кряж почесал затылок.

— Пожди, княже, — сказал он, подумавши, — я пойду поищу. Может, и найду, куда ее спрятать.

Петр кивнул, и Кряж ушел.

Пожар кончился, и с пожарища тянулся густой едкий дым. Спускались сумерки. В городе крики смолкли, и теперь слышался в отдалении трубный призыв.

Петр довел девушку до скамьи и опустился с нею, поддерживая ее рукою. Она была недвижима, словно статуя печали и отчаянья.

— Постой, девушка, — дрогнувшим голосом заговорил Петр, — не кручинься! Мой слуга пошел найти тебе убежище, а я тебя не оставлю. Может, у тебя есть кто родной, а?

— В Вильне, — тихо ответила она, — тетка!

— В Вильне! Ну, постой! Я тебя, может, в Вильну доставлю. Не кручинься, ясная!

В первый раз он говорил с незнакомой девушкой, но в речи его было столько непосредственного чувства, что девушка подняла на него свои полные слез глаза и улыбнулась. Словно небо открылось Петру в этой улыбке.

— Жизни для тебя не пожалею, — сказал он пылко.

В это время раздался голос Кряжа.

— Ау, княже! — закричал он.

— Сюда! — крикнул Петр.

Через мгновенье показался Кряж в сопровождении худенького, маленького человечка. На голове этого человечка была бархатная ермолка, длинные пейсы болтались у него по щекам и путались с жидкой бороденкой. На нем был длинный до пят какой-то подрясник, перетянутый поясом.

Он подошел и тотчас стал быстро кланяться Петру, от чего пейсы его взлетали кверху.

— Кто такой? — спросил Петр.

— А жид, — ответил с усмешкой Кряж, — они, княже, все могут. Вот и он может ее устроить.

— Лейзер, ясновельможный пан, бедный жидочек! Я для вас, пан, все сделаю! Я люблю казаков! Уф как люблю. Я в Сечи у них жил!

— Что ты несешь? Какие казаки?

— Уф, а пан не казак? Пан — русс. Э, я люблю русса! Русс храбрый! Русс такой лыцарь! Ой, вей мир!

— Что он мелет такое? Ты можешь вот ее укрыть где-нибудь потаенно?

Еврей поднял голову, закрутил головою и, подняв руки, воскликнул:

— О, панна Анеля! Ясновельможная панна! А что пан скажет? Он скажет: подай мне Лейзера!

— Убили моего папу и маму, и всех, — с плачем произнесла девушка.

Еврей всплеснул руками.

— Ой, вей мир! Какой хороший пан был, и убили! Бедный пан!

А труба гудела уже по городу, созывая отставших. Петр нетерпеливо окрикнул еврея:

— Ну так можешь?

Еврей даже подпрыгнул.

— Ну зачем не могу! Только это так страшно. Казаки придут и узнают. А! Лейзер панну держит, а царь велел всех убивать.

— Что ты врешь! Мы женщин не бьем!

— А казак бьет! Сейчас меня паф и с пистолетом на голова.

— Не болтай! Бери и прячь, — сказал резко Петр, — да покажи нам!

Девушка оставалась недвижна, словно не о

ней шла речь.

— Ну а пан даст пять карбованцев? А?

— Десять даст. Прячь!

— Ну и сейчас! Пойдем, пан!

Уже было совсем темно. Петр охватил рукою девушку, но она выпрямилась и сама встала на ноги. Он взял ее холодную руку, и они пошли по извилистым узким улицам, заваленным трупами и обгорелыми бревнами. Кое-где еще дымились догоравшие здания. Изредка раздавался слабый стон раненого. Собаки с окровавленными мордами отбегали от трупов при приближении людей.

— Я не найду сюда дороги, — сказал Петр после нескольких поворотов.

— Ну я приду за паном и проведу! — ответил еврей.

— А обманешь?

— Пусть пан не даст мне карбованцев!

— Ладно!

— Я найду пана завтра и приведу! Ривка, отвори! Это я, Лейзер! — закричал он, застучав в калитку крошечного домика, и едва калитка отворилась, быстро залопотал что-то на своем языке.

— Сюда, паны, сюда, панночка! — заговорил он. — Осторожненько: тут полена везде!

Они осторожно в темноте вошли в какие-то сени, где увидели маленькую толстую еврейку с каганцом в руке.

— Сюда, сюда, — и еврей ввел их в небольшую чистую камору. — Здесь панна будет, и никто ее не увидит, — сказал он.

Был уже поздний вечер, когда Петр с Кряжем вернулись в стан и отыскивали свой отряд. Антон бросился к Петру.

— Княже, ты? Где же ты пропадал? Мы тебя везде искали, чуть город не перерыли! Князь-батюшка себя не помнит! — воскликнул он с укором. — А ты, — накинулся он на Кряжа, — чего думал? Где шаты шатал?

— Батюшка! — испуганно сказал Петр и бросился в свою ставку.

Князь беспокойно ходил по шатру и, увидев вернувшегося сына, протянул ему руки. Петр бросился в его объятия. Князь победил свое невольное волнение и сказал:

— Ну слава Богу! Думал я, уж не убили ли тебя ляхи. С утра ведь пропал, а сеча была лютая. Ну, Бог миловал! Голоден, устал? Подо-

жди, я крикну. Выпей меду да съешь кусок, а там к царю. Он тоже тревожился о тебе.

— Спасибо, батюшка, — ответил Петр, когда князь, вызвав слугу, приказал подать меду и еды.

— И я с тобой выпью! — сказал он уже весело. — Ну что, хорошо рубился?

— Ах, — ответил Петр, и лицо его побледнело, — я ничего такого не видел! Это погано!

— Что, что погано?

— Когда мы бросились в ворота и бились с ляхами, я бился не хуже иных, но потом, когда город был уже наш и стали рубить всех, всех, — я не мог! Зачем это?

Лицо князя стало строго.

— За то, что они царевы супротивники, а мы слуги царские. Нам ли думать?

— Но царь не знал, что убивали жен, девок, детей малых, старцев! Царь не видел этого, а то бы он сейчас остановил. Люди что звери стали, бегают в крови все, воют, зубами грызут. Один ухватил женщину за волосы и бежал по улице, а она билась головой о камень. Зачем это? Она ли пред царем виновата?

Лицо Петра разгорелось. Князь вздохнул и

ответил:

— Не нашего разума это дело. Все у Бога во власти!

XVII. Юродивый

Тихо стало в Кремле с царевым отъездом из Москвы. Царица и царевны не показывались из теремов, по утрам не спешили со своих концов бояре ко двору на поклон, и эта тишина передалась и по боярским домам. У Морозовых, Милославских, Урусовых, у князя Тереяева, у Щетинина, у каждого уехал кто-нибудь из дома в поход, и тихо было по всему двору, потому что женщины того времени и при мужьях вели теремную жизнь, а без них и подавно.

Но в самой Москве жизнь текла прежним порядком. Торговали, обмеривая и обвешивая; пьянствовали по царевым кабакам и рапатам; грабили и убивали прямо на улицах, как свидетельствуют о том современники, — и разбойный приказ работал вовсю, ибо князь Пронский, оставленный царем в качестве как бы полицмейстера, хотел сразу вывести всякое зло.

Тимошка — кожедер, а теперь и сын его Васька почти не выходили из застенка. Что ни день на Козье болото ехали мастера и, окруженные стрельцами, шли колодники. Рубили руки, резали уши, клеймили, секли головы, и народ глазел на кровавые зрелища, которых количество увеличивал и патриарший приказ.

Никон был неумолимым, беспощадным гонителем своих супротивников, а их день ото дня делалось все больше и больше.

Когда, ревнуя о чистоте православного учения и боголепии, Никон решил исправить священные книги, текст которых оказался совершенно искаженным, и стал вводить в богослужение согласное пение и порядок, сначала все подчинились его воле, начиная с царя и высших бояр, но потом вдруг возгорелся протест.

Нашлись изуверы, которые увидели в его намерениях посягательство на веру, всполошились темные люди, старые попы, и Аввакум с бешенством фанатика начал отстаивать и пение соборное, и двуперстное знаменье, и «Исуса» с одним «и» [14]. Никон не знал

к ним пощады. Волоклись староверы на патриарший двор, бились там, истязались и в глазах своих единомышленников приобретали мученический венец.

Крупную ошибку творил Никон своими гонениями, но не знал середины его непреклонный характер.

И все шире раздвигалась пропасть между староверами и никонианцами, образуя раскол, впоследствии принесший такие горькие плоды. Но и в корне он не был сладок своим первоучителям и последователям.

Темны были люди того времени, и слишком искренна, пламенна была их вера.

Вот хотя бы боярыня Морозова, Федосья Прокофьевна. И молода, и красива, и знатна, а держит себя строгой постницей и молещницей. Щеки ее не знали белил и румян, не чернила она зубов, и они сверкали молочной белизной, не пила она ни медов, ни настоек в теремах у боярынь на их пирах, а все дни тратила на молитвы и дела богоугодные. Особенно в последнее время, с той поры, как муж в поход уехал.

Не могла простить она себе окаянства и

упорно, страстно гнала от себя образ Терентия, князя Теряева, да трудно, видно, бороться с дьяволом!

Вот она с раннего утра стоит коленками на голом полу молельной, смотрит на образ Спаса и перебирает пальцами листовицу [15]. Побледнело ее прекрасное лицо, умиление светится в ее глубоких глазах, и страстная, горячая вера огнем палит ее душу.

Но вдруг заливает лицо краска, негодованием вспыхивают очи, и она опускает руки. Опять он! Опять наваждение! Стоит на коленях, тянет к ней руки и говорит, говорит...

— Уйди, отойди, окаянный! Чур меня! — шепчет она в смятении и потом, рыдая, начинает класть поклоны и молится до полного изнеможения.

— Господи, не попусти! Сохрани и помилуй! Грешница я окаянная, геенне обреченная!

— Мати боярыня, почто крушишься так? — раздалось за ее спиною, и она обернулась.

В дверях стоял мужчина с блаженной, бессмысленной улыбкой на губах, со сверкающим взглядом. Вид его был неистов: босые но-

ги покрыты пылью и грязью, посконная рубаха с открытым воротом спускалась почти до пят, волосы на голове торчали копною, спускались беспорядочными космами и путались с бородою.

С палкою в руке, огромный, неуклюжий, он был страшен, но боярыня его не испугалась, а, тихо улыбнувшись, встала с колен и ответила:

— По окаянству своему, Киприанушка! Он закивал лохматою головою.

— Радей, радей, мати! Ноне всюду пошло окаянство, так хоть нам спасти душеньки бедные! Радей, мати! — сипло заговорил он, стуча посохом и разгораясь по мере слов. — Грядет антихрист, близко! Стонут праведники, в огне горят, но поют славу Господу! Ой, мати, мати, грядет им всем мзда по заслугам, и застонут они, антихристовы дети!

Речь его была темна и сбивчива, но на Федосью Прокофьевну она действовала неотрапимо.

— Киприанушка, — робко сказала она, — али знаменье было?

— Знаменье? Буде оно, буде! Распалится

гневом Господь, пошлет мор, голод, проказу лютую. Слышь, как вопят окаянные? — И он стал прислушиваться, но кругом было тихо.

— Истинно, — заговорила боярыня, — великое поношение терпим!.. Киприанушка, не слыхал чего про попа Аввакума?

Юродивый поднял руки кверху.

— Грядет! На Москву буде страстотерпец наш.

— Когда?

— Сверзнется с трона своего Божий хули-тель! Аки червь в пыли крутиться станет!

— Про кого говоришь?

— Про антихриста! Молись, мати, о наших душеньках! — И юродивый, резко повернувшись, быстро ушел из покоя, куда вход ему был во всякое время невозбранен.

Боярыня долго смотрела на дверь, за которою он скрылся, и старалась проникнуть в смысл его речей, наполнивших сердце ее и надеждою, и страхом.

Ах, если бы сбылось и вернулся из ссылки ее духовник, ее пламенный Аввакум!

— Бедненький! — и душа ее умилилась. — Страстотерпец миленький! Бьют тебя, зауша-

ют [16], поносят. Терпишь ты и голод, и холод в Сибири лютой. Слышь, там и солнышко не светит, и кругом погань...

— Матушка боярыня, — сказала, входя, пожилая женщина, — Иванушка свет проснулся!

— Проснулся, соколик! — с умилением произнесла Морозова. — Иду к нему. Помолюсь с ним, ангелочком!

Лицо боярыни осветилось материнской любовью, и она пошла к своему сыну, шестилетнему Иваше.

А юродивый Киприан шел по городу, махая палкою, и вопил:

— Радейте, бедненькие, радейте, миленькие, близок час расплаты за окаянство Никоново!

— Что он говорит? — шептали в толпе, идущей за ним.

— Слышь, Никона клянет! — отвечала старуха какому-то приказному.

Юродивый услышал ее фразу и воскликнул:

— Истинно клянусь! Что видим? Имя сыну Божьему переменили! Печатают ныне с бук-

вою ненадобной?! Это ль не окаянство? Гляди, в государевом имени сделай описку, того казнить, а дерзают нарушать имя Божие? Антихристовы исчадия. Окайные!.. А звоны? И те переменили! К пенью звонят дрянью, будто всполох бьют... Пожди, будет им ужо, как Господь разгневается!

— Ты опять здесь народ мутишь? О чем болтаешь? — вдруг закричали два человека с палками, внезапно пробившись через толпу к юродивому. Это были патриаршие приставы.

Юродивый радостно протянул им руки.

— Миленькие, вяжите! — заговорил он. — Ввергните в тюрьму, в яму злую, да приму поношения во славу Господа!

Приставы рады были такой добыче, но толпа оттеснила их, и слышался кругом глухой ропот.

Юродивые пользовались огромным уважением в народе. Приставы испугались.

— Нам вязать тебя не надо, а народ не мути!

— Слуги антихристовы, — закричал тогда на них юродивый, — геенну себе готовите и малых в сети свои уловяете. Ужо будет

вам! — И он гневно поднял свою палку, от которой приставы поспешно увернулись. В толпе раздался смех.

— Ужо мы вас, государевых ослушников! — пробормотали злобно приставы и снова затерлись в толпу, которая увеличивалась с каждой минутой, слушая юродивого.

А тот уже с пеной у рта громил Никоновы нововведения.

— Книги святых отцов испортили. Православные семьсот лет молились по тем книгам, а ныне новые, и в них антихристовы слова! Али святители до сего мудрого истинной веры не знали? Ох, ох, бедная Русь! Чего захотелось тебе за немцем вслед? Миколу чудотворцу — имя немецкое Николай, а во святцах и нет Николая!.. Везде соблазн, везде окаянство!

Речь его лилась неудержимым потоком и словно электризовала толпу. Со всех сторон начинали раздаваться крики, вопли, и толпа бессознательно влеклась к патриаршему двору, готовая мстить за старую веру, но в это время в нее врезался отряд стрельцов и приставы с батогами — и посыпались веские уда-

ры направо и налево. Толпа рассеялась.

Но впечатленье от слов юродивого осталось неизгладимо, и каждый понес в дом свое смутное недовольство и неясный страх.

Война, дороговизна, голод, разбойники.

Не есть ли это кара Божья за никонианство, за отступление от веры отцов и дедов?

И вверху, в теремах, также шло смутное брожение, хотя не в столь грозной форме, как в народе.

Но Никон был тверд, как скала среди бушующих волн, которые с плеском и шумом разбиваются о гранитные бока ее, не в силах даже потрясти ее, не только разрушить.

— Твори во истину и славу Божию, — говорил он, поддерживаемый восточными патриархами.

XVIII. Божья кара

Солнце только подымалось с востока и кровавым заревом озарило полнеба, засверкав лучами на куполе Ивана Великого. Народ в Москве уже проснулся, и начиналась шумная, суетливая жизнь на площадях и улицах.

Длиннобородые купцы приходили в торговые ряды, крестились на восток, на горящие словно в огне храмы, и медленно отмыкали огромные висячие замки своих лавок, в то время как подручные молодцы отвязывали злых собак и уводили их прочь от лавок.

Иван Безглинг, в кафтане немецкого покроя, длинных чулках и башмаках с пряжками, шел по улице, направляясь к Москве-реке, к дому Теряевых, когда наткнулся на толстого купца. Тот оттолкнул его и грубо крикнул:

— Шиш с Кукуя! Иди на Кукуй!

Безглинг отскочил в сторону, но в тот же миг почувствовал толчок в бок и отлетел в другую сторону.

— Шиш на Кукуе! — крикнул другой, толкнувший его.

— Пустите! — просительно сказал

Безглинг, но купцы окружили его и, с хохотом толкая его из стороны в сторону, кричали:

— Чертов немец, иди на Кукуй!

Молодые купцы потешались над бедным художником, а более старые стояли в стороне и бездействовали.

— По-моему, — говорил один, — что черт, что немец — все едино.

— Тэк! — кивал другой купец. — Все единственно!

— Теперь они что? Кости мертвецкие в ступе толкут, черную немощ пуцают...

— Братцы! — закричал кто-то. — Да ведь это Никонов богомаз!

— Ах он, песье отродье! — загудело кругом. — Ширяй его!

Седой купец даже замахал руками.

— Вот он, кургузый! Вот он, совратитель! Видели его, окаянного, Спасов лик! Срам!

Безглинг почти терял сознание от беспрестанных толчков; камзол его обратился в лохмотья, шляпа упала в пыль и затопталась ногами. Он уже мысленно готовился к смерти, как вдруг раздались окрики, появились слуги с батогами, и толпа быстро раздвинулась на

обе стороны, очищая дорогу и обнажая головы.

— Что за шум? — резко спросил князь.

— Да вот, княже, кукуевский шиш подвернулся. Потешились малость!

— Никоновский богомаз! — крикнул кто-то из толпы со злобою.

— Дела у вас нет, длиннобородые, — с презрением сказал князь Теряев, — в батоги бы вас! Иди, Иван! — обратился он к дрожавшему художнику и хотел тронуть коня, но бедный Безглинг вдруг отшатнулся, упал на землю и стал корчиться. Лицо его посинело, изо рта показалась темная кровь, он вскочил с земли, взмахнул руками и снова упал уже без движения.

Толпа в ужасе смотрела на труп.

В этот миг вдруг появился юродивый.

Со стороны базара неслись смятенные крики.

— Началось! — завопил Киприан, потрясая посохом. — Час возмездия ударил! Бойтесь, никонианцы! Господь идет с гибелью.

— Мор, мор! — ревела прихлынувшая толпа.

Князь Теряев взмахнул плетью.

— Что там? — крикнул он.

— Мор, — раздались голоса, — на рыбном базаре падают и мрут!

— Гибель никонианцам! — ревел юродивый.

— С нами крестная сила!

— Гнев Божий! — раздались голоса.

— Убрать! — сказал князь слугам, указывая на посиневший труп, который лежал у ног его коня, и двинулся из толпы. Вдруг снова раздались вопли. Два человека извивались на земле в предсмертной муке.

Ужас объял князя. Он ударил коня и понесся в Кремль прямо к князю Куракину.

— Князь, неладно! — заговорил он, крестясь на иконы. — В городе мор!

— Да что ты?

Князь Куракин, толстый, низенький, от страха присел на лавку.

— Сам видел! Люди падают и мрут, корчась от болезни.

— С нами крестная сила! Милый князь, — заговорил он спешно, — иди до патриарха, скажи ему, а я к Пронскому! Что делать? То-то

государь гневен будет!

— Божья воля! — ответил князь.

Он пошел к патриарху. Уже не на коне, а пеший и притом без шапки, перешел он патриарший двор и вошел в палаты. Отрок тотчас повел его к патриарху.

Князь стал на колени, принял благословение и облобызал руку Никону, после чего стал передавать, чему был свидетель.

Никон, высокий сухой старец с властным лицом и жестким взглядом, слушал его, изредка кивая головою.

— В грехах погрязли, — сказал он, — Божья кара! Иди, князь, до Пронского. Скажи, патриарх наказывает царицу с детками увозить спешно! Не мешкай, зараза сия гибельна!

Князь опять склонился под благословение. Патриарх благословил его, и когда князь ушел, он говорил уже своему дяку:

— Записывай, я говорить буду!

Чума!.. Словно внезапная гроза с ливнем, разразилось это бедствие над Москвою сразу, без всякого предупреждения.

Правда, потом припомнили, что скот падал, но до страшного 9 августа 1655 года ни-

кто не думал о такой беде.

Люди падали в домах, на улицах, на площадях, в лавках. Воевода, сидевший в приказе Малой Чети, вдруг упал и умер в корчах. Палач, стоя подле дыбы, не успел поднять пытаемого и свалился. На лобном месте повалились стрельцы, и испуганный народ разбежался вместе с палачами, дав преступнику неожиданную свободу.

Смерть! Народ растерялся и не знал, где искать спасения: власти растерялись тоже, и только Киприан бесстрашно ходил всюду и ликуя кричал:

— Божье попущенье! Гибель никонианцам!

Патриарх написал воззвание к обезумевшему от ужаса народу. «Божья кара! — писал он. — Ей же покориться со смирением».

Он советовал держать посты, молиться и терпеть, но сам спешно уехал из Москвы вместе с царицею и царским семейством в Калягин монастырь.

Князь Теряев тоже услал под Коломну свою мать и жену и собирался услать Эхе с семьею.

Бедная Эльза не могла прийти в себя от неожиданной печали: ее жених, Иван Безглинг, пал первою жертвой заразы.

— Эльза, не плачь, — уговаривал ее Эдуард, — такова судьба.

— Ах, что мне судьба! — говорила она, заливаясь слезами.

Эхе ходил мрачный, хмурый, а дедушка Штрассе рылся в книгах, думая найти средство против страшной заразы, но она уже пробралась в дом Теряевых и выкосила всю семью добрых немцев.

Князь Теряев прямо из дворца, не заехав даже домой, проехал в дом Морозовой и велел провести себя к ней.

Вздрогнула она, побледнела, услышав его имя, но тотчас поборолла страх свой и, шепча молитвы, опять свиделась с ним в молельной.

— Почто занадобилась, Терентий Михайлович? — спросила она, стараясь казаться спокойной.

— Боярыня, — ответил Терентий, не глядя на нее, — в городе зараза, мор. Закажи людям собраться и тебя увезти. Все едут прочь!

— Киприанушка! — воскликнула боярыня, вспомнив его бессвязные речи. — Мор, говоришь? — И лицо ее просветлело.

— Божья кара на никонианцев! — сказала она убежденным голосом. — Чудо, чудо!

— Боярыня, люди мрут и в домах, и на улицах. Уезжай, Бога для.

— Я? — Боярыня даже удивилась. — А почему, Терентий Михайлович? Я замолюсь перед Господом, и Он удержит меня. Вероотступникам гибель, а нас помилует, ибо нам иное уготовано!

Теряев изумленно взглянул на нее.

— Зараза не разбирает, — сказал он, — и холоп, и боярин — всяк умирает!

— Так, так! — ответила боярыня. — Но не стать бежать мне от гибели. На все воля Господа! И опять, в беде этой люди нужны: кого утешить, кому помочь, — а я уйду? Для того ли от Господа жизнь дана, чтоб беречь ее ради праздности? Ты едешь прочь?

— Я не смею! Я поставлен царем на дело.

— А я Господом Самим! Его ли послушаюсь, — сказала вдохновенно Морозова.

Князь Теряев взглянул на нее в изумлении

и трепете и низко поклонился.

— Прости, боярыня, меня, неразумного! Святая ты! — сказал он дрогнувшим голосом, а когда вернулся домой, какой ненавистной показалась ему жена, размалеванная, с черными зубами!

Он рад был, провожая ее под Коломну, и с горечью подумал:

— Умереть бы!..

XIX. Мор

Это была ужасная болезнь. По замечаниям тогдашнего врача Сиденгама, она состояла из карбункулов и воспаления в горле, развиваясь в несколько часов и не зная пощады к пораженному. В одной Москве погибло от нее в ту пору более двадцати тысяч человек!

Князь Пронский, высокий стройный красавец с русою бородою, сидел в своей палате и быстро писал донесение государю, зная, что о том же пишет и князь Теряев, и стараясь поэтому быть точнее в своих донесениях.

Время от времени он вставал, потирал лоб рукою, ходил по палате и снова садился писать. Послание подходило к концу.

«Все приказы, — писал он, оканчивая, — заперты. Дьяки и подьячие умерли, и все бегут из Москвы, опасаясь сей заразы. Только мы без твоего государева приказа покинуть города не смеем».

Он окончил и откинулся к высокой спинке стула.

— Так ладно будет! — сказал он, снова пробежав последние строки и прикрыв рукою глаза. С самого утра он чувствовал себя как-то нудно: устал словно. А правду сказать, и есть с чего утомиться!..

Народ мутится, смирать его нужно, уговаривать. Церкви заперты, попы все померли, отпевать некому, да и хоронить тоже. А убирать трупы надобно, потому смердят по улицам и от сего наипаче зараза. Хоронить надобно не иначе как колодниками: тем все едино — что на плахе умереть, что от заразы. И везде самому быть надо! Спасибо еще князю Теряеву. Молодой, да больно деловитый!..

— Князь Терентий Теряев повидать тебя, княже, хочет, — сказал, входя в покои, отрок.

Князь быстро встал.

— Зови, веди! — сказал он.

Терентий вошел, и они поцеловались.

— С чем, князь?

— Да вот государю отписку сделал. Может, прочесть захочешь?

— А зачем? Я тоже отписал. Вот и пошлем заодно: твое и мое. Сейчас и запечатаем. Давай свое!

Теряев подал и вдруг испуганно вскрикнул:

— Князь, тебе недужно!

— Не... не...

И в тот же миг Пронский упал на пол, облитый темною кровью. Терентий успел отскокить в сторону и громко позвал слуг. Холопы вбежали и в ужасе попятились назад.

Князь посинел. Белки глаз выворотились, и вид его приводил всех в невольное содрогание.

Князь Теряев спешно взял свое и его донесения.

— Берите князя и хороните в саду! — крикнул он холопам, но те не двигались с места, скованные ужасом.

— Пошли, княже, за колодниками, — кланяясь, робко сказал стремянной покойного

князя, — а нам умирать неохота!

Князь грозно насупился, но палата вмиг опустела, а два часа спустя во всем доме князя не было ни одного слуги.

— Такова и моя смерть будет! — подумал Терентий и тихо вышел из дома.

Ужасен был вид улиц, по которым медленно проезжал князь на своем аргамаке.

Дома и лавки, растворенные настежь, были пусты; то здесь, то там валялись трупы людей, застигнутых страшной заразой, и обнаженные по пояс колодники, вымазанные дегтем, волокли по улицам трупы, зацепив их баграми, чтобы свалить в общую яму.

Невыносимый смрад стоял в туманном воздухе, сеял мелкий дождь, и среди безмолвия, при виде смерти и общего запустения страх проникал в душу каждого и заставлял думать о Божьем гневe.

— Согрешили, окаянные! — вопил юродивый, бродя из улицы в улицу. — За никонианцев и ревнителей гибнут!

Князь Теряев проехал Кремль и Белый город и стал заворачивать к Москве-реке, когда увидел каких-то людей, которые спешно вхо-

дили в дом и выходили из него с сундуками и узлами, складывая все на телегу.

— Воры! — решил князь и хотел их остановить, но потом раздумал.

— От своей кражи погибнут, — подумал он с усмешкою.

А люди, накладывая воз, весело переговаривались.

— Все к Сычу волоки, там поделимся. Панфилушка, волоки сундучок-то!

Панфил, бывший холоп воеводы Матюшкина, ухватил огромный сундук и, напрягшись, бросил его в телегу.

— Эка силища у лешего! — проворчал Шаленый.

— Трогай, что ли! — закричал Косарь, и телега, скрипя колесами, двинулась по улице.

Для них чума явилась пособницей их подлого дела. Они бесстрашно входили в зачумленные дома, где еще валялись трупы умерших, и ограбляли все, избегая только носильного платья.

— К золоту да серебру не пристанет, — правильно рассуждал Мирон, их атаман, и они тащили складни, ризы с икон, кубки, посуду и

кубышки с деньгами, не боясь ни приказов, ни приказных.

Князь Теряев ехал дальше и вдруг в ужасе остановился, словно окаменев в седле.

Боярыня Морозова, нежная красавица, с головой, повязанной убрусом, сама, своими белыми руками держала голову охладевшего, скорченного трупа, в то время как верный ее слуга Иван и сенные девки несли труп на длинных полотнищах.

Князь пришел в себя и, спешно соскочив с коня, бросился к Морозовой.

— Федосья Прокофьевна, — закричал он, — что делаешь? Али не жаль тебе живота своего!

— Все в руках Господа моего, — с трогательной простотою ответила боярыня, — без Его воли не упадет и волос с головы!

— Но ведь это смерть!

— Попущу ли, чтобы праведный остался без погребенья в добычу псам? — ответила она так же просто, и князь не знал, что ей ответить, и растерянно смотрел на нее.

Мрачно ходил он по своим опустевшим полям и неотступно думал о молодой красави-

це.

Что она? Что движет ее поступками? Отчего она не как все? И, думая о ней, князь умилялся.

Теперь, когда объятый ужасом город почти опустел и никто уже не дослеживал друг за другом, князь Терентий почасту навещал Морозову и слушал ее пламенные речи.

Она теперь перестала бояться его, не искушаемая его красотой, и горела к нему чистой любовью, как к своему ученику, а он, как малый ребенок, слушал ее, понемногу заражаясь ее страстными речами.

— К гибели идем, — говорила она, — несмышленные, дети малые, как стадо влекомые антихристом на погибель. В гордости сатанинской Никон мнит победить веру Христову и алчет власти. А царь уже весь у него, и бояре совращены и народ ведут к гибели, терзая всякого, кто в вере тверд! Гляди, семьсот лет деды и отцы крестились двуперстно, ныне же дьявола измышление — троеперстное знаменье. Сие знак сатаны!

Терентий содрогался.

— Вот поют вместо «благословен гря-

дый» — «обретохом веру истинную», а где тако?... Пишут Спасов образ письма неподобно-го... лицо одутловато, уста червонные, волосы кудрявые, персты надутые, и весь — яко немчин, брюхат и толст учинен, лишь сабли при бедре не писано. А все Никон умыслил: будто живые писать...

И опять содрогался Терентий от ее речей и чувствовал, что что-то кощунственное, страшное вершит Никон.

А Морозова все говорила:

— Светочей наших, истых ревнителеей, и гонят, и бьют, и огнем палят. Стонут они, голубчики, в сибирской стуже, в железо скованные, а Господь им силу дает: сим победиши!..

Терентий узнал и Киприана юродивого, и Федора, недавно прибежавшего в Москву от рязанского архиепископа Иллариона, которому был отдан за упорное староверство под начало.

Слышал от них Терентий про страшные муки, ими переиспытанные, и проникся к ним восхищением.

«Их истина, если они не боятся за нее терпеть такие мучительства!» — думал он и уми-

лялся. Видимо, Бог помогал им переносить муки.

XX. Любовь и дружба

Князь Петр едва раскрыл глаза, проснувшись на другое утро, как первая мысль его была о полячке. Он улыбнулся и быстро вскочил со своего ложа. Отец его собирался к царю на поклон и ласково сказал сыну:

— Ну, Петруша, снаряжайся скорее к царю идти!

— К царю? — огорченно воскликнул Петр, но тотчас улыбнулся и кивнул головою.

— Мигом, батюшка!

Он выбежал из ставки, быстро ополоснул лицо холодной водою и вернулся, чтобы надеть кафтан и опоясаться саблей.

— Совсем воин! — сказал отец, с любовью осматривая сына. — Что, вчера много рубился?

— Было, батюшка, — ответил Петр и покраснел при мысли, что отец станет дальше расспрашивать и он выдаст свою тайну, но отец торопился к царской ставке.

У царя хотя и не было иордани, как в Коло-

менском, а все ж он не любил, когда ближние опаздывали к его выходу.

— Идем, идем! — сказал он сыну.

Хотя до царской ставки было каких-нибудь двести саженой, но ни один боярин не шел туда пешком, дабы не унижить своего достоинства. У шатра, держа в поводу коней, стояли стремянные князей Антон и Кряж. Петр вздел ногу в стремя и, подымаясь на седло, сказал Кряжу:

— Придет жид, спрячь его до моего прихода. Вернись в одночасье!

Кряж только кивнул головою.

Несмотря на походное время, царь, любя церемонии и пышность, сохранил свои обычаи. Так же совершал торжественно он свой выход, отстаивал обедню и трапезовал с боярами, так же пышно снаряжал охоту и с великим торжеством делал редкие объезды войска.

Теперь у своей палатки с золотыми орлами на устоях, на высоком кресле сидел царь в золотном кафтане, с царской шапкой на голове и принимал от бояр поклоны с утренним здравием.

— А, милый воин! — ласково сказал он Петру, когда тот десять раз отбил ему челом и приблизился к руке. — Давно я тебя не видел. Смотри, за битвами и про меня забыл, от Смоленска в спальниках не был!

— Твоя воля, государь, — ответил Петр. Царь взглянул на него улыбаясь.

— Бейся, бейся! Мечом служить государю и того почетнее. Много ляхов побил?

Петр покраснел.

— Лют в битве, государь-батюшка, — ответил за него Матвеев, — когда Смоленск брали, я видал его. И теперь тоже. Лихой воин!

— Жалую, коли так, тебя в полковники, — сказал царь, — вон Битюгина убили. Возьми начало над его полком!

Петр упал царю в ноги. Такой великой чести он не смел и ожидать даже. Царь протянул ему руку в знак милости и весело стал беседовать с боярами о славных и быстрых победах.

— Теперь Вильну взять, и конец походу.

Петр замешался в толпу бояр и свиты и со всех сторон слышал горячие поздравления.

Его все любили за молодость, смелость и

открытый нрав.

— Ну, князь, дозвожь и мне тебе покло-
ниться. У тебя под началом буду.

Петр оглянулся и узнал Тугаева.

— Ты, князь! Да я же твой по гроб долж-
ник! Ты меня вчерась от смерти спас! Поцелу-
емся! — И они крепко обнялись.

— Недосуг мне нынче, — сказал Петр, — а
ужо не откажи: побратаемся!

— За честь почту! — ответил Тугаев, ра-
достно улыбаясь.

Петр едва дождался конца церемонии и
снова обмер, когда царь позвал его к своему
столу. Только в час пополудни, когда все по-
легли спать, нарушая исконный обычай, Петр
пошел следом за Кряжем, ведя коня под узд-
цы.

— Где он?

— Я тут в роце укрыл его. Дрожит, — со
смехом ответил Кряж.

— Зови его!

— Ясновельможный пан! — залепетал ев-
рей, изгибаясь и кланяясь. — И как пан ска-
зал, так я и пришел, чтобы вести пана. Пан
пойдет?

— Сейчас! — пылко ответил Петр.

— А мои карбованцы? — трусливо спросил еврей.

— Деньги? — князь растерянно оглянулся. Вернуться в ставку — еще, пожалуй, отца разбудишь.

— Хочешь взять это? — сказал он, отстегивая изумруд, служивший ему на воротае запонном.

Еврей даже вздрогнул.

— Мне, пан? И пан не жартуе [17]? — забормотал он. Петр не понял.

— Не хочешь?

— Ой, и как же не хотеть! — воскликнул еврей. — Пан як царь, а Мордке бедный еврей. Как же не хотеть.

Петр кинул ему камень, и еврей мгновенно запрягал его за пазуху.

— Веди, — приказал Петр, — а ты иди спать! — сказал он Кряжу. — Батюшка спросит, скажи — в поле уехал!

Он ударил коня стремянами и двинулся. Еврей побежал с ним рядом, держась рукой за стремя и всю дорогу говоря без умолку.

— Ой, и какой же славный пан! И какой же

богатый пан! И какой у пана конь пенкний [18]! Пан большой магнат!

— Плачет она? — спросил Петр. Еврей закрутил головою.

Ой, вей мир, как плачет! Тятеле убили, а какой важный пан был! Мамеле убили! Майонтки [19] пожгли! Ой, как плачет! Не будь пана, и что ей было бы... Ой, ой, эти казаки (тьфу, чтоб они кому другому снились) такие лайдаки. Разбойники, самые злые разбойники. Им девушку только покажи... Туты, пан!

Еврей остановился, тяжело переводя дух. Пот лил с него ручьями, и он усиленно шмыгал носом.

— Туты! — повторил он. У Петра замерло сердце. Он сошел с коня и некоторое время стоял в нерешимости. Уж не вернуться ли в лагерь?

Но потом вдруг порывисто рванулся вперед и без указанья еврея неведомым влечением сразу нашел камору, где была укрыта девушка, и распахнул дверь.

Девушка вскрикнула и забилась в угол.

Петр растерянно остановился у порога. Голова его кружилась, сердце замерло.

— Боярыня, — робко произнес он.

Незнакомый звук поразил ухо девушки.

Она взглянула на Петра из-за руки и невольно улыбнулась — так смешон был красивый русский витязь!

Петр оправился и сделал к ней два шага, и она вдруг приняла от лица обе руки и взглянула на него своими ясными глазами. Словно снопы ослепительного света брызнули на Петра из этих лучистых глаз, и он вспыхнул, как небо от первых утренних лучей. Сердце его теперь билось с невероятною силою.

Он уже смело подошел к ней и стал подле нее, улыбаясь и смотря ей в очи.

— О, мой рыцарь, — нежно произнесла Анеля, — ты меня спас от смерти!

— А ты дала мне жизнь! — ответил Петр.

Они сидели уже рядом. Много видела панна Анеля на дому у отца польских витязей: и рейтаров, и гусар, и улан, но ни один не поразил ее так, как этот русский враг ее отчизны. Нет у него усов в три яруса, нет золоченой сабли и длинных шпор, не крутит он уса и не подбоченивается, но чувствует панна, что ни один из родственников ей витязей не устоит пе-

ред ним.

Не видал Петр красавиц, кроме сестры своей, Эльзы да сенных девок в своем доме, и в первый раз так близко один на один сидел он с девушкой, которая показалась ему краше майского дня.

— Сиротинка я бедная, — говорила Анеля на своем языке, — убиты отец и матушка, выжжено гнездо мое, и чуть покажу глаза — полонят меня враги. Куда я денусь? Ты один мой спаситель! — И она прижималась к нему.

Петр не понимал и половины из ее слов, но чувствовал, о чем говорит она, и жалость охватывала его сердце, а правая рука теснее и теснее прижимала к груди девушку.

— А ты говорила, что у тебя в Вильне есть свои!

— Есть тетка, но как доехать туда, а потом... как с тобою увижусь?

Сердце Петра радостно всколыхнулось.

— Увидимся! — весело ответил он. — Я сам тебя снаряжу с этим еврейном, а там мы город возьмем, и я опять с тобою буду!

Анеля вдруг обняла его и прижалась губами к его щеке.

— Коханный мой.

Голова закружилась у Петра. Он сжал ее в объятьях.

— Милая!

— Так ты не покинешь меня?

— Ни в жизнь!

— Тогда зачем мне ехать, — сказала она, — ты с войском поедешь, а я с жидом в повозке.

Петр засмеялся.

— Я рад не расставаться с тобою!..

Чувство живой радости охватывало его всего и заставляло трепетать сердце.

Когда он вернулся в лагерь, отец увидел его сияющее лицо, он ласково ему улыбнулся и сказал:

— Да, не в пример иным тебя царь возвеличил!

Петр засмеялся. Ему забавно показалось, что радость его и отец, и все будут приписывать царской милости, а никто не знает того, что дороже всех милостей его сердцу первая молодая любовь.

И он наяву грезил Анелею.

XXI. Царский отъезд

Тихо было в опочивальне царской ставки. Царь крепко спал после дневных трудов.

Днем всего было: суд и расправа, осмотр покоренного и полууничтоженного Витебска, военный совет и решение идти дальше на Вильну.

Теперь он спал, и вокруг него было тихо-тихо.

Молодой спальник храпел, раскинувшись на широком рундуке. В соседней горнице спали четверо дворянских детей, а у входа стояла крепкая стража под надзором молодого Петра Теряева.

Завернувшись в широкую епанчу, положив голову на седельную подушку, он лежал под деревом недалеко от царской палатки и мечтательно смотрел на синее небо, усеянное звездами.

Он не мог спать по службе, да и так сон бежал от его глаз. Лицо его, обращенное к небу, выражало безмятежное счастье, губы улыбались, и он время от времени вздыхал полною грудью от избытка своего счастья.

В первый раз он полюбил. Полюбил со всем пылом молодой, неиспорченной души, со всем увлечением своей юной цельной натуры.

Он лежал под деревом и день за днем, час за часом воспроизводил в памяти свои недолгие свидания с милой.

Она уже не боялась его и весело, как козочка, выбегала ему навстречу. В дрянной еврейской каморке на жесткой деревянной скамье он сидел подле своей Анели и забывал с нею весь мир. Она учила его говорить по-польски, он ее по-русски, она ему пела свои польские песни, рассказывала про свою детскую жизнь, и он слушал ее, пожирая горящим взором, и время от времени обнимал ее так крепко, что она трепетала в его объятьях.

Впрочем, случалось, она плакала и говорила ему:

— О, я сиротинка! Что я могу быть для тебя? Полюбовницей. Но я убью себя лучше.

Петр возмущался.

— Никогда этого не будет. Ты примешь православие и станешь княгиней, моею женою!

— Разве позволит тебе отец?

Петр задумывался, но потом энергично встряхивал головою.

— Царю поклонюсь. Царь прикажет! А не согласятся, — возьму я тебя и уедем с тобою на рубеж биться с крымцами. Нам везде хорошо будет! — и обнимая ее, он осыпал лицо ее поцелуями.

Она вытирала слезы и беспечно смеялась.

— От-то весело будет! Я оденусь жолнером [20] и с тобой вместе буду!

— Ну, вот видишь, — радостно воскликнул Петр, — и плакать нечего!

Один раз она встретила его бледной, встревоженной.

— О, возьми меня к себе скорее! — воскликнула она, едва его увидела. — Спрячь меня!

— Что такое?

— Пан Квинто был тут. Я видела его!

Петр отшатнулся и в недоумении взглянул на нее.

— Кто такой? Откуда?

— О, я не знаю! Пан Янек и его друг Довойно оба из гусар Вишневецкого. Они были в

Варшаве. Я не знала, что они тут!

— Кто они? Что им до тебя за дело?

— Пан Квинто сватал меня, и родители дали ему слово.

Петр пошатнулся и побледнел.

— Так ты чужая невеста?

— О, нет, нет! — испуганно воскликнула Анеля. — Я не люблю его! Он противный!

— Что же он говорил с тобою?

— Он? Ничего! Он шептался с Мордке, а я вся дрожала и заперлась.

— С Мордке? — сказал Петр и вышел из избы искать его, но еврей словно провалился сквозь землю.

Испуг и гнев охватили Петра. Он тотчас велел Кряжу взять двух конных воинов из своих людей и разыскать еврея.

В тот же вечер Кряж притащил его в лагерь скрученного и бросил перед князем.

Еврей был бледен, как мертвец, и не двигался в паническом страхе, но когда его развязали и Кряж вытянул его ремненным поводом, он завертелся волчком и завыл.

— О, и что я сделал? За что эти лайдаки меня мучат! Что я им? Я бедный еврей! Пан,

прикажи им отпустить меня!

— Молчи, собака! Говори, с каким поляком ты вчера шептался?

— Я? — еврей поднял руки кверху. — Чи у меня две головы? Чи я с ума сошел? Чи я не вею, что каждого ляха — фук, и за шею! Никакого ляха я не видел.

— Врешь, гадина! — закричал Петр. — Бейте его, пока он не признается.

Кряж ухватил еврея, но и под ударами тот продолжал клясться, что никого не видел. Он говорил с ляхом. Но тот лях, что за лях? Он старый органист из костела!

Петр отпустил еврея и успокоился.

— Тебе показалось, горлинка, — сказал он Анеле, но та побледнела и покачала головой.

— Он здесь. Он замыслил на меня! — повторяла она с упорством.

Петр вспомнил и эту сцену и на мгновение замер от страха.

Несомненно, что-то есть! Ах он беспечный!

Завтра же поедет и обыщет все норки в городе. Небось никакой лях не спрячется...

— Княже! — слышался в темноте вдруг встревоженный голос. — А, княже!

— Кто? Что надо? Это ты, Еремей? — спросил Петр, узнав десятского от караула.

— Я, княже! Прискакал гонец из Москвы. Хочет царя видеть.

— Гонец! Сведи его в караульную избу и вели утра ждать, а грамоту возьми.

— Не дает! До самого царя хочет. Беда на Москве.

— Что?! — у Петра замерло сердце, и он быстро вскочил на ноги. — Какая беда?

— Мор! Чума, слышь. Весь город вымер.

— С нами крестная сила! Гонец! Где гонец?

— Здесь!

Князь быстро пошел за Еремеем.

Царскую палатку окружали три цепи часовых. Петр дошел до крайней цепи и там увидел гонца. Это был дворянский сын Никитин. Молодое лицо его при свете факелов было измучено и бледно. Одежда запылена и изорвана, конь его, покрытый пеною, весь дрожал мелкой дрожью и гнул ноги.

Петр быстро подошел к нему.

— От кого грамота? — спросил он.

— От князя Теряева-Распояхина и патриарха! — ответил Никитин. — Наказано немед-

ля царю в руки дать.

— Семья государева сохранна?

— Слава Богу! В Угреси перевезли!

Петр широко перекрестился и повел гонца за собою. Царь проснулся от тихого шепота в соседней горнице.

— Кто там шумит? Заглянь! — крикнул он строго.

Спальник выглянул и тотчас вернулся.

— Князь Петр Теряев гонца из Москвы привел.

— Гонца? из Москвы? — испуганно вскрикнул царь. — Сюда его! скорей! огня неси! ну!..

И минуту спустя, свесив босые ноги с постели, в одной рубахе, царь читал донесение Теряева и послание патриарха, а спальник держал подле него высокий подсвечник с шестью восковыми свечами.

Царь дочитал послание и скорбно опустил голову.

— Наколдовала старая! — прошептал он суеверно и поспешно перекрестился.

— Князь Петр, — сказал он, оправляясь, — зови конюшего ко мне и буди Трубецкого князя. С утром я на Москву еду немедля. Здесь Бог

благословил меня, там покарал. Да будет воля Его! — проговорил он набожно.

Еще воины спали крепким сном, когда их начальники с тревожными лицами торопливо собирались к царской ставке. Князь Теряев, Морозовы, Щетинин, Трубецкой, фон Дамм, Лесли и Артамон Матвеев — все собрались у царского входа и тревожно, шептались.

Весть о московском бедствии уже достигла их, и всякий трепетал за участь оставленных дома. Морозовы дрожали за своих жен, князь Теряев за жену и сына с невесткой, и у всякого был на Москве кто-нибудь близкий, за участь которого трепетало его сердце.

Царь вышел, и все упали на колени.

— Горе посетило нас во время утех и счастья! — сказал дрогнувшим голосом царь. — Господь, благословляя наше войско, гневом обрушился на народ. Мор в Москве, в Новгороде, во Пскове. Люди гибнут без покаянья, лежат на улицах и стогнах непогребенными и смердят. Церкви пусты, ибо попы все померли. Мор и гибель! Наколдовала мне лукавая ведьма!

Среди бояр послышался ропот.

— Вот что, — сказал государь, — еду я в Москву. Ибо место мое там, где народу худо. Со мной ты поедешь, — он указал на Артамона Матвеева, — да ты, да ты еще! — он указал на Морозовых и князя Теряева. — Тебе, князь, за сына твоего низкий поклон. Ревнивый до дела и мужествен! В такое время — на Москве он один стоит.

— Мы все твои холопы, — ответил князь, кланяясь.

— Так, — продолжал царь, — а походы вы вершите, как бы при мне было. На чем вчера решили, то и будет. Я на Москве буду недолго и опять ворочусь!

День занимался ясный, светлый, солнечный.

Царский обоз уже вытянулся длинной линией. Кони ржали, повозки скрипели, народ шумел. Князь Трубецкой торопливо строил полки для прощания с царем, а царь благочестиво слушал раннюю обедню, а за нею панихиду по всем погибшим от мора и на войне убиенным.

Прекрасное лицо его было грустно, в гла-

зах стояли слезы. Он крепко бил челом в пол и молился.

Все кругом стояли молча и с умилением смотрели на царя, который, сознавая свой долг и ни минуты не колеблясь, собрался ехать в город, пораженный чумою...

XXII. Удар

Проводив отца, который уехал с царем, Петр вернулся в свою ставку, и первая мысль его была об Анеле, но усталость взяла свое, и он, повалившись на постель, не раздеваясь, как был, заснул крепким сном.

Наступила уже послеобеденная пора, и все в лагере спали, когда Петр проснулся. Он вышел из палатки. У ее входа, растянувшись во весь богатырский рост, храпел Кряж.

Петру стало жалко его будить, и он пошел к своему полку, чтобы взять оттуда коня и ехать в Витебск, к своей Анеле. Сердце его радостно билось. Отъезд отца развязывал его, освобождая от постоянной лжи, потому что до конца похода он не хотел ничего говорить ему про свою любовь.

И он шел, весело напевая, к коновязям сво-

его полка.

Кругом все спало. Воины не укрывались в палатках и лежали где попало и как попало: между колесами телег, на самом припеке, почти под лошадиными копытами, ничком, навзничь, боком. Оставшиеся на часах тоже дремали, опершись на свои копья или алебарды.

Крепок среди русских был обычай послеобеденного сна, и Петр невольно усмехнулся: вот приди теперь ляхи — и вяжи живьем, потому что у русского этот сон крепче ночного.

Он подошел к коновязям. Часовой поспешно подбежал к нему.

— Снаряди мне коня, — приказал ему Петр, и тот, бросив копье, торопливо начал обрывать коня для князя.

В это время из палатки вышел Тугаев.

Петр дружески ему улыбнулся.

— Чего не спишь?

— Жара разморила, — ответил Тугаев и закричал во весь голос: — Илья, браги!

Илья, молодой парень, длинный и тонкий, вскочил как ужаленный и бросился к обозу. Тугаев подошел к Петру.

— Жара, — повторил он, — а потом думы. На Москве-то у меня молодая жена оставлена.

Голос его дрогнул, и он отвернулся. Петр дружески положил ему на плечо руку.

— Э, Павел Ильич, нешто подле нее нет людей? Увезут, как и всех прочих. Нешто оставят в Москве. Смотри, Никитин баял, никого, почитай, не осталось. Так, людишки только, а то купцы даже поехали!

Тугаев вздохнул и кивнул головою.

— На то только и надеюсь! — и потом спросил: — А ты к ней?

Петр улыбнулся.

— К ней! Пока спят, а там и назад. До тебя просьба: коли князь всполошится, ты распорядись с полком, а я в одночасье и назад!..

— Ладно!

Часовой подвел коня, и Петр лихо вскочил на него.

— Прощай пока что!

— Прощай! — И Тугаев долго смотрел вслед Петру, пока по дороге еще крутилась пыль от конского бега.

— Добрый парень! — подумал он про князя с нежностью.

Они не только сдружились между собою, но успели и побрататься. Молодому Петру необходим был друг, которому он мог бы поведать про свое счастье, да и Тугаеву, который был всего на два года старше Петра, дорога была его дружба.

Петр летел вихрем по пыльной дороге, думая об Анеле, о свидании с нею и о приготовлениях к переезду. Надо с Мордке этим договориться насчет возка и доставки девушки в Вильну. Оставить ее в Витебске он боялся, потому что мало ли что может случиться, а пусть он ее провезет в Вильну, которую все равно займут русские, и там Мордке найдет Петра, проведет его к Анеле и заработает хорошие деньги.

Сердце его трепетало и билось. Вот уже разрушенные ворота, узкие улицы, загроможденные обломками, костел, маленький переулок, поворот и...

Петр осадил коня и растерянно оглянулся. Что это? Где же дом еврея?

Кровь похолодела в его жилах. Он спрыгнул с коня и бросился вперед.

Вот он! Но вместо него одни обгорелые раз-

валины.

— Мордке! Мордке! — закричал исступленно Петр, но кругом было безмолвно, и только черные балки молчаливо свидетельствовали о недавнем разгроме.

Петр два раза обежал развалины, бессмысленно повторяя:

— Анеля! Мордке!

Потом он взял в повод коня и поспешно пошел по улице, высматривая жилой дом. В конце улицы он увидел двух еврейских мальчишек и бросился к ним, как коршун.

— Где отец? Где мать? — спросил он их, ухватив одного за волосы.

Дети заорали благим матом, и на их крик словно из земли выросла маленькая, худенькая еврейка и ястребом кинулась на Петра. Он схватил ее.

— Где муж твой!

— Муж? Лейзер?

— Лейзер, Мордке, все равно! Давай мне его! живо!

В голосе и жесте Петра было столько повелительного, что еврейка беспрекословно повернулась и повела Петра, крикнув плачу-

щим детям:

— Ша, киндер!

Следом за еврейкой Петр с трудом пролез в узкий пролом каменной стены, прошел двор, заросший бурьяном, и вошел в помещение, служившее, вероятно, банею при панском доме.

При входе его толстый маленький еврей, рыжий как медная монета, быстро вскочил с лавки и испуганно воззрился на Петра. Петр с трудом перевел дыхание. Как ни был он сильно взволнован, но его поразила тяжелый запах в комнате.

Еврей тем временем испуганно отвечивал поклоны, а жена его что-то быстро говорила ему на своем жаргоне.

Наконец Петр перевел дыханье.

— Мордке знал? — прямо спросил он.

— Мордке? — протянул еврей, но Петр нетерпеливо махнул рукою, вооруженной плетью, и еврей тотчас кивнул головой.

— А то як же, — ответил он, — знал!

— Где он?

— А я ж откуда знаю, — пожал еврей плечами.

— Не мучь ты меня, жид! — закричал Петр. — Ты не мог не видеть, как горело его мурье. Или скажи все и я заплачу тебе, или... — и он грозно поднял руку.

Жид испуганно отшатнулся.

— Ой, вей! Я все буду говорить пану! Я бедный еврей! Я бедный еврей! Что я могу! Одни говорят: скажешь — убьем, пан говорит: не скажешь — убью! О, я бедный! Они давали десять карбованцев, пан даст двадцать.

— Дам! говори!

Петр кинул ему две золотые монеты, и Лейзер торопливо, размахивая руками, начал рассказывать.

К Хаиму приехал польский гусар и у него жил. Потом Хаим говорил с Мордке, потом они достали коней, возок и вот вчера в ночь уехали, а хату зажгли. Панна Анеля кричала и плакала. Он жалел панну, потому что пана подкомория все знали, но у польского гусара были пистолеты и сабля...

Петр даже пошатнулся от неожиданного удара.

Увезли! Она просила уберечь ее, и он ей не поверил! Теперь где она?...

— Куда они поехали?

— Дали Бух, не вем! Як Бога кохам не вем! — заклился жид, мотая головою.

— В Вильну?

— Може, и в Вильну...

— По какой дороге?

— Я ж так испугался, что и не глядел, уехали, и Бог с ними!..

Петр тихо пошел по двору, вышел на улицу и сел на коня. Лицо его было бледно как бумага, глаза потускнели, и он не видел и не сознавал дороги.

— Петр Михайлович, что с тобою? — испуганно воскликнул Тугаев, встретив его.

Петр махнул рукою и, сойдя с коня, бессильно опустился на обрубок дерева.

— Да скажи, — приставал Тугаев, — може, я помогу в чем, а?

Князь молчал. Потом вдруг встал и сжал кулаки. Мертвенная бледность сменилась гневным румянцем. Глаза сверкали.

— Слушай, — сказал он Тугаеву, — у меня какой-то поляк украл Анелю. Украл и увез! Украл душу мою! Слушай, я клянусь теперь, — и он поднял руку, — не знать женщи-

ны, кроме моей Анели. Клянусь искать ее всюду, а дотоль ни одного поляка не щадить! И будь он пеший, без меча или пистоля, будь он наг, бос и болен — я все же убью его! Клянусь в этом! — И он широко перекрестился.

Тугаев смотрел на него пораженный, безмолвный.

— Если тебе нужен пособник, я твой, — сказал он наконец.

Петр обнял его и вдруг разрыдался. Для молодого сердца горе было слишком тяжело и неожиданно.

— Павел, как мне горько! Господи, как мне горько! — со стоном произнес он.

XXIII. Немного истории

Чума окончилась, то есть ее страшное опустошительное действие окончилось настолько, что жители могли воротиться в Москву во главе с царской семьей и Никоном, патриархом, но по Руси она еще губила людей, медленно смираясь, как разъярившийся зверь. Повсюду были выставлены заставы, устроены карантинные пункты, и пришедшие из чумных местностей наказывались смертью.

Успокоенный царь снова вернулся на театр военных действий в Смоленск (где была его главная квартира) и двинул войска свои далее, но и без него князь Трубецкой и Шереметев одерживали победы над ляхами.

Триумфальным шествием был весь поход русских на Польшу; неприятель разбежался в страхе, города падали и сжигались. Шереметев взял город Велиж, а царь взял Борисов, перешел Березину и стал под Вильной. Гетманы Радзивилл и Гаевский были разбиты наголову и бежали. Вскоре были взяты Ковно и Гродно, наконец пала Вильна, и 30 июля 1655 года, через два года после начала похода, царь тор-

жественно въехал в столицу всей Литвы. Торжественность въезда превосходила все дотоле виденное, и царь поразил своим величием простодушных литовцев.

В город друг за другом въехало шестьдесят карет, причем по одной карете в двух десятках были разительно роскошны. Обитые алым, синим и зеленым сукном, запряженные каждая двенадцатью красивыми лошадьми, с кучерами в высоких черных шапках и голубых кафтанах, они заставляли думать, что в них сидит сам царь. Но царь ехал позади этих шестидесяти карет, в драгоценной карете французской работы, обитой коричневым бархатом, с пятью главами наверху, с позолоченными орлами на главах. Кучера были также в высоких шапках, но в коричневых кафтанах.

Царь сидел в боевом облачении, но вместо шлема на нем была шапка Мономахова, вся унизанная жемчугом. Вокруг кареты шло двенадцать брабантов с ярко блестящими секирами, впереди бежали вершники и скороходы, сзади густой толпой шли и ехали полковники, генералы и ближние бояре, и все время

бесперерывно грохотали пушки.

Царь занял Радзивиллов замок, до которого по всей дороге было разостлано алое сукно.

Литва стала нашей. А в то время как мы одерживали победы, завоеывая Литву, шведский король Карл X завоевал Польшу. Он занял Варшаву, Краков и шел по всей земле с огнем и мечом. Польше пришел конец.

Историк Дарвилл (*FastedelaPologneetdelarussie*, t. 1, p. 163) говорит: «Казалось, что в сие время обратились все бедствия на Польшу. Шведы завладели большею ее частью, россияне разоряли Литву. Казаки тем временем отторгнули Чермную Русь. Несчастный польский король Иоанн Казимир поручил свое отечество Пресвятой Богородице и сам бежал в Силезию, по примеру Людовика XIII, убежавшего из Польши так же в 1638 году».

Это время, между прочим, описано Сенкевичем в его романе «Потоп», в котором, к сожалению, более поэтического вымысла, чем исторической правды.

Польша погибала. Царь вскоре, оставив города на воеводство близким людям, вернулся

в Москву, и слава русского оружия заставляла задумываться Европу.

Но испокон веков дело нашего оружия уничтожали интриги и дипломаты. Так было и тут.

Существование Польши было необходимо для равновесия сил европейских держав. Ей надо было помочь тайно или явно, ее надо, было поддержать и восстановить, и за это дело взялся австрийский двор со своим дипломатом Алегрети.

Лучшим средством помочь Польше было поссорить двух ее неприятелей: русских со шведами, — и хитрый дипломат с энергией взялся за это дело.

Он начал с того, что изумился дерзости шведского короля, воевавшего с Польшей самостоятельно, в то время как войну начал русский царь. В этом он видел прямое неуважение к русскому царю и сумел действительно попасть на больное место. Дальше он сумел внушить мысль о возможности войны со всеми католическими державами из-за Польши и советовал защитить ее при заключении мира от посягательств Швеции. И, наконец,

на почве вражды к протестантству (не признающему ни святых, ни таинств), он сумел склонить на свою сторону патриарха Никона, который стал говорить царю о войне со Швецией. Со всех сторон оказывали давление на царя, а тут еще русский самозванец, Тимошка Анкундинов, нашел в Швеции приют, и царь объявил ей войну, в которой была наша гибель и возрождение Польши.

Войска из Литвы были двинуты на Швецию. В короткое время мы взяли Орешек, Ниеншанц и подошли к Нарве под руководством боярина Ордын-Нащокина. В то же время Долгорукий двинулся к Дерпту, взял его и соединился с Черкасским, пошел на Ригу, но на этом и кончились успехи нашего оружия. В несчастной осаде мы потеряли до десяти тысяч убитыми, четырнадцать тысяч пропавшими без вести и принуждены были отступить.

В то же время на виленском съезде поляки, обольстив царя польскою короною, получили назад все земли, завоеванные русскими, причем, понятно, русский царь был обманут, и этот договор послужил только причиною к

разладу между нами и Малороссией, которая не решалась нам более верить.

А пока шли все переговоры, пока мы несчастливо воевали со Швецией, Ян Казимир вернулся и с успехом отвоевывал назад взятые нами города. Лилась кровь потоками, истощалось государство Московское непосильными налогами для войны, гибли люди, и в конце концов мы остались ни при чем, обойденные хитрыми дипломатами.

Самуил Коллинз писал в то время в Лондон к друзьям своим: «Русские, взяв Вильну и другие города, взяли в плен и Lues Venerea (позорная болезнь) и, вероятно, провладеют ею долее, чем иными городами. Прежде этой войны, в течение тысячи лет болезнь сия не была известна в России».

Принимая во внимание, что этот Коллинз был врачом при царе Алексее Михайловиче, можно с доверием отнести к его свидетельству. К тому же он оказался и пророком. Недолго в ту пору мы владели завоеванными городами, память же о том походе в ее залог живет и по сие время, губя русское население страшной болезнью.

Петр Теряев участвовал во всех походах против поляков и вдруг из юноши обратился в зрелого мужчину. Все удивились, глядя на его военные успехи, и князь Трубецкой не раз говорил:

— Царь наш батюшка прямой прозорливец! Недаром он тебя полковником сделал!

Петр рубился с поляками, не ведая ни сострадания к ним, ни пощады, и сами поляки узнали его с его полком, прозвав кречетом, — с такою силою и стремительностью он налетал на них.

И всегда рядом с ним рубились Тугаев и Кряж со своим тяжелым шестопером.

Петр везде искал Анелю, но нигде не находил ее. Она сгинула без следа.

Когда взяли Вильну, Петр переспросил чуть не всех евреев, но они только трясли пейсами, разводили руками и говорили:

— Не вем, пан мой! Який Мордже з Витебска, яки панна Анеля! Ми туточки ниц не знаем!

Петр приходил в отчаянье.

— Ах, — восклицал он, — если бы не полк этот!

— Что бы было? — спрашивал Тугаев.

— Я бы поехал по всей Литве и Польше, ища Анелю, а теперь что я могу?

— Пожди, — уговаривал его Тугаев, — война окончится, замиримся и пойдем с тобою искать ее. Не могла она сгинуть.

— Искать, — говорил со стоном Петр, — найти ее и узнать, что она уже жена другого, что проклятый ее насильник уже надругался над нею! Найду ее и убью!

— Нешто она виновата?

— Ах, я мучаюсь, Павел! Сил моих нет!

И Петр плакал, как малый ребенок, вспоминая невинную чистую первую любовь, мелькнувшую, как луч в непроглядной тьме.

Атаман Золотаренко, глядя с удивлением на Петра, восклицал:

— От же гарный хлопец! Он не жалует ляхов, як добрый казак! Так их, подлых! Гуляй, казак!

И все дивились удали Петра, не замечая, что в ней и отчаянье, и злоба, и беспощадная месть.

Нет Анели! Нет даже следа ее. Случалось, весь день истратив в поисках, Петр ночью

предавался мрачному отчаянью и утром являлся перед своим полком угрюмый, бледный, с ярко горящими глазами.

Солдаты смотрели на него с почтением и говорили:

— Не поздоровится сегодня ляхам, коли дело будет!..

Война окончилась, и еще более убитый, мрачный возвращался Петр в Москву. Последняя надежда была утрачена — надежда хоть случайно найти Анелю. Теперь она уже пропала для него навсегда. Это сознавал и другой, Тугаев, стараясь хоть чем-нибудь рассеять грустные думы Петра.

Часть вторая. Тяжелые времена

I. Воры

Верстах в восьми от Москвы по Можайской дороге, если свернуть немного влево, можно было видеть просторную избу с широким двором и зеленою елкою у высокого крыльца. Это был заезжий двор, хозяином которого был здоровенный мужик с черною окладистой бородой и быстрыми глазами, по имени Никита Владимиров, прозвищем Свищ.

Поздно вечером в январе 1659 года он запер крепко-накрепко двери в избу, заслонил окна ставнями изнутри и со своим прислужником спустился в просторный погреб, где они быстро принялись за странную работу.

Егорка, рыжий парень лет двадцати шести, разжег-стоявший в углу погреба горн, а когда разгорелись в нем уголья, Никита вытащил медную полосу и стал накаливать ее.

Красный свет горна бросал на этих двоих людей свой отблеск, и они, сильные, высокие,

казались заплечными мастерами, испачканными кровью.

— Раздувай, раздувай, Егорка, — говорил Никита, поворачивая на угольях полосу меди. — Будя теперь! Тащи молот да клеймо. Скоро, бесов сын, чертово отродье!

Егорка бросился в угол подвала и тотчас появился вновь с тяжелым кузнецким молотом и двумя железными стойками.

— Укладывай! — приказал Никита.

Егорка поставил одну стойку на наковальню, Никита тотчас наложил на нее полосу, а Егорка прикрыл ее другою стойкою аккуратно одна против другой.

— Бей! — сказал Никита.

Егорка взмахнул молотом и ударил что было силы. В медной полосе образовалось круглое отверстие величиною с нынешний пятак.

— Важно! — со смехом сказал Никита. — Валяй дальше!

И они снова накаливали полосу, укладывали ее и били молотом. Работа подвигалась медленно, но с каждым ударом из полосы меди выбивалась медная полтина, которую в ту пору, по приказу государеву, велено было

считать за серебряную.

Никита взялся уже за вторую полосу, когда со двора раздался оглушительный лай цепных собак, и почти тотчас в люк заглянула жена Никиты Лукерья и сказала:

— Никита, кто-то ломится! Ругается страсть как и дюже в дверь лупит!

Никита отбросил полосу, Егорка опустил молот, и в тишине до них отчетливо донеслись могучие удары в дверь.

— Ишь дьявол! — выругался Никита. — Ну, я ему! Заливай уголья, Егорка, да пойдём!

Егор быстро плеснул в горн водою, и уголья, зашипев, погасли. В погребе стало темно.

— Захвати молот, — сказал Никита и полез из погреба, а следом за ним и Егорка.

Когда они вошли в избу, стук в двери принял такой угрожающий характер, что казалось — вот-вот дверь разлетится щепками. Собаки надрывались от лая, но не могли вырваться за забор и помешать буянам.

Никита стал о бок двери и осторожно открыл волоковое окно. В темноте зимней ночи он увидел три фигуры, из которых одна усердно молотила в дверь.

— Стой, Панфил, — раздался голос, — по-ищем обрубочка какого, да им и саданем!

«Ишь, дьяволы!» — испуганно подумал Никита и закричал:

— Кто там? Чего ночью надобно?

Бой в дверь прекратился тотчас.

— Откликнулся, леший! — слышался один голос.

— Отворяй, что ли! — раздался другой. — Али православных заморозить хочешь!

— Да кто вы?

— Поговори еще! Государево слово знаешь? — со смехом ответил третий голос.

Никита в ужасе отшатнулся, но тот же голос произнес успокоительным тоном:

— Да брось кочевряжиться, Никитка! Отвори, а то петуха сейчас тебе пустим!

— Мирон! Кистень! — вскрикнул Никита.

— Он и есть. Отворяй, что ли!

Никита тотчас захлопнул окно и стал отдавать приказанья.

— Егорка, разжигай печь, живо, слышь! Лукерья, засвети огонька да волокы на стол что есть у тебя. Сейчас, соколы! — и с этими словами Никита быстро выбил клин и снял

тяжелый засов с двери.

— Входите, гостями будете! — сказал он, впуская ночных посетителей. В двери белыми клубами пара пахнул морозный воздух, и, внося с собою холод декабрьской ночи, в избу вошли трое мужчин один другого здоровее и стали околачивать нога об ногу и дуть себе в кулаки. Один из них припадал на правую ногу и забавно привскакивал, стараясь согреться.

Никита поспешно запирает засовом дверь.

— Ну, волк тебя заешь, — заговорил мужчина с короткой ногой, — счастье, что у Панфилушки ничего, окромя кулаков, не было. Полетела бы твоя дверь!

— И то едва не вышибли! — сказал Никита, с уважением оглядывая Панфила, детяку громадного роста, в коротком тулупе и трюхе.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Мирон. — Ты еще не знаком с ним-то. Ничего! парень добрый!

— Ну, угощай, хозяин! — закричал Федька Неустрой, увидев входившую Лукерью. — Сухая-то ложка рот дерет! На пустое брюхо не разговоришься! Мы, почитай, со вчера ничего

не жевали!

— Милости просим! — поклонилась гостям Лукерья в пояс. — Что Бог послал!

— Так-то лучше будет! Распоясывайся, что ли, братцы! — сказал весело Неустрой и первым, наскоро покрестившись, уселся за стол. — Ну, хозяйюшка, — закричал он, — для дорогих гостей что есть в печи — все на стол мечи!

— Ишь ты! — широко усмехнулась Лукерья.

Тем временем за стол уселись и остальные, и скоро в горнице наступило молчание, нарушаемое жадным чавканьем трех ртов. Сильно были голодны Никитины гости, потому слопали они и щи с бараниной, и здоровый горшок каши, и курник, что изготовила Лукерья на случай заезда купца или боярина.

Наконец, насытившись, они откинулись, вытирая вспотевшие лица, и Никита тотчас налил им по чарке пенного.

— Вот это любо! — сказал Мирон, а Неустрой умильно посмотрел на свою стопку и заговорил с нею.

— Винушко! — Ась, мое милушко? — Лейся

мне в горлышко! — Изволь, красно солнышко! — с этими словами он опрокинул чарку в рот и тотчас подвинул ее к Никите.

— Подсыпь, сокол!

Никита налил и приступил к беседе.

— Чего ради сюда попали? Али с Сычом повздорили?

— Сыч-то ау! — сказал Неустрой, — с того и к тебе пришли. Осиротели без него!

— Побывчился [21]?

Мирон замотал головою.

— Стрельцы забрали! Слышь, этот черт Матюшкин давно на нас зубы точил, да увертливый мы, а тут подьячие, вишь, доглядели, что Сыч рубли готовит, и зацапали! Мы в те поры ходили царя в Коломенское провожать, пояса снимать. Его и забрали, и животишки все, и Акульку мою! — голос Мирона дрогнул.

— Сычу-то оловом глотку залил, — продолжал за своего атамана Неустрой, — Акульку насмерть засек. Слышь, не сдалась ему, черту старому, а мы в бега. Схорони нас неделю-другую. Отслужим!

Никита недовольно поморщился, но, зная, что за люди его гости, не решился перечить.

— Что ж, поживите! — сказал он. — Тут в погребке места хватит! — И прибавил: — От нечего делать рублевиков поработайте!

— Ну нет! — потрянув головою, ответил Мирон. — У нас делов во сколько! — И он поднял руку выше головы.

— Буду Москву мутить! — пояснил он с усмешкою. — Ладно! Узнает меня боярин Егор Саввич за Акульку мою. Раз вывернулся. Ништо. Теперь не уйдет от меня!

— И я ему ногу помянуть охоч, — прибавил Неустрой, показывая свою скорченную ногу.

— А я ему за все свое житье холопское! — сказал до сих пор молчавший Панфил.

Никита покачал головой.

— Что и говорить, разбойник! Вор как есть! Для чего только Москву поднимать? Да и как сделаешь это?

— Москву-то? — усмехнулся Мирон. — Да только кликни! Нешто впервой? Вон годов семь назад как можно было. Любо два! А теперь?! — И он махнул рукою, а потом заговорил:

— Теперь всякий за рожон возьметса. Гляди! Купцы за пятаю деньгу волком воют, по-

садские вопят, мужик за все платит: и за про-
рубь, и за мост, и за воз, и за скотину! Это что
же? И опять медная деньга. Теперь рупь-то
восемь стоит, а?

Никита слушал и кивал головою.

— Хуже, чем при Морозове было! Тогда на-
род-то как озверел, а теперь этот Милослав-
ский да Матюшкин, что они делают? Я уж
покажу им! Сам царь их с перепугу отдаст,
как тогда Плещеева. Небось!

Глаза Мирона загорелись.

— Я покажу ему! Попомнит он Акулину
мою! — повторял он снова, и если бы увидал
его в ту пору боярин Матюшкин, не знал бы
он с того времени покоя ни днем ни ночью.

— Что и говорить. Вор известный, — ска-
зал Никита, — только такое нам не на руку!

— Это что ты медные полтины делаешь? —
сказал Мирон. Никита вздрогнул.

— Так ты их и делай! Нешто кто тебе поме-
ха, а он пусть свое делает честью. Теперь с Сы-
чом. Я те, говорит, отпущу, отдай свои живо-
ты. Тот отдал и кубышку свою, и все, что от
чумы мы набрали, а он ему олово в глотку!
Ась? Это по чести? Опять с Акулькой! Нет! —

И Мирон даже заскрипел зубами.

— Эй, хозяин, суха ложка рот дерет! Без хмельного зелья нет и веселья! — сказал Неустрой.

— Пей, пей! — ответил ему Никита, подвигая красулю.

Лукерья давно уже храпела на печи. Егорка, опьянев, растянулся под столом; Панфил, положив голову на стол, спал богатырским сном, а Никита, Мирон и Неустрой еще долго беседовали промеж себя, так близко сдвинувшись головами, что их волосы представляли как бы одну копну. Они перебирали имена именитых людей, к которым во время бунта хорошо было бы зайти на дворы.

II. Два брата

Молодой князь Терентий Теряев за свое служение царю во время чумы в Москве и походов был отличен царем и поставлен в думу, где вскорости сделался правой рукою Ордын-Нащокина, одного из величайших государственных умов всех времен.

Молодой князь Петр Теряев за свои воинские отличия, оставаясь начальником полка, сделался одним из любимейших приближенных царя.

Кажется, должен был радоваться князь Михаил Терентьевич возвеличению своего рода, а он только вздыхал да с тайною тревогою поглядывал на своих сыновей.

С обоими приключилось что-то неладное. Оба угрюмы и молчаливы дома, оба всегда норовят одним остаться и неохотно вступают в беседу даже с родным отцом.

У Терентия и в дому не лад. Молодая жена его сохнет и чахнет. В ее терему девушки не поют песни, а сидят молчаливые, бледные, боясь окрика старой ключницы, и словно смерть бродит в его половине. Не раз княгиня

Ольга говорила своему мужу:

— Ох, и не пойму я, что у нас в доме делается? Где прежняя радость да веселье, да мир и любовь! Каждый бирюком смотрит! Гляди, как Дарьюшка сохнет! И не диво! Слышь, Тереша-то ее не приголубит, не приласкает, плетью не учит. Ровно чужая она. Плачет, заливается, мне печалится. А я что?

Князь тяжело вздыхал и, поглаживая бороду, угрюмо смотрел в тесовый пол, а княгиня, присев на лавку, тяжело переводя дыхание от одышки, толстая, рыхлая, жалобным голосом говорила:

— А на Петра взглянуть, что с ним? Словно присуха какая приключилась, как с войны вернулся. Куда смех его делся да голос звонкий? Поди, даже дома не сидит. Чуть что, сейчас в полеванье [22], а дома что привороженный ходит. Аннушка, на них глядячи, и та присмирела: ни песен не играет, ни с девушками не возится. Сидит да жемчугом ризу в монастырь к деду шьет. Сухота да маета!

— Знаю, вижу! — проговорил наконец нетерпеливо князь. — Не докучай ты мне, Христа ради! Известно, у бабы волос длинен,

ум короток. Чем выть тебе да причитать, давно бы дознаться могла. Слуг поспрошать али что. Я при делах на верху, в походе, а ты что? Эй, до старости доживем, а все тебя, глупую, учить надо будет. Дура, пра, дура! Сенных девок поспрошай, те с холопами потолкуют, а я что? — Он развел руками. — С ними говорить, так они нешто скажут?...

Но хотя и пыталась всех девок и холопов княгиня, не добилась она ни от кого истины. Да и как добиться ее?

Разве Кряж один мог порассказать про короткую любовь своего господина к полячке, да не таков он был, чтобы языком колотить.

А что до Терентия, так никому и в голову не могло прийти, что боярыня Федосья Прокофьевна иссушила его сердце и поразила ум.

Впрочем, и сам Терентий не сказал бы теперь сразу, что случилось с ним такое. Из далекой ссылки вернулся Аввакум и был обласкан на верху. Сам царь не допустил его до себя, но наградил десятью рублями. Царица дала тоже десять рублей. Ртищев, Стрешневы, Морозовы, сам князь Теряев, Ордын-Нащокин — все стали награждать Аввакума, якобы

в пику изгнанному и сосланному Никону, и в те поры князь Терентий успел наслушаться его проповедей, заходя тайно, в ночи, в дом к Морозовым, где нашел себе приют многоречивый Аввакум. Слушал его речи Терентий и весь содрогался. Слушал рассказы его про чудеса многие, как Господь оказывал помощь и ему, Аввакуму, и его единомышленникам в трудные минуты; про его страдания в тяжелой ссылке в далекой и голодной Сибири, когда они пешком, изможденные, шли по обледенелым дорогам, когда мать попадья упала, а поп на нее, и закричала: долго ли терпеть такое? А Аввакум сказал ей: до самой смерти! Ну, ин потерпим, — смирившись, ответила жена его и поплелась далее. Что это? Ради чего это? И все ему отвечали: ради спасения души своя, ради Господа! Почему же и он, и отец, и все вокруг приняли с такой легкостью троеперстное сложение, и аллилуйя, и. «Иисуса» с лишним «и»? И ему объяснили: по мало-душию! Сатана лукав и обольстит всякого. Никон же был зело хитроумен и лукав, и уста имел медоточивые. Царя обольстил, и тот от веры отступил. И страшно делалось при этих

словах Терентию. Сосредоточенный ум его, меланхолический и суеверный, рисовал геенну огненную, муки адские... Он бледнел и думал: претерпеть здесь лучше, чем жизнь вечную, и все горячее и горячее относился к учению Аввакума, становясь его прозелитом.

И ясно, что никто в доме не мог понять его состояния, потому что вообще на эти богословские темы никогда даже не поднималось у них разговоров.

А что до Петра, то он только с Тугаевым делил свою тоску и думы.

Образ Анели неотступно преследовал его.

Изменился Петр.

Никто в доме не узнавал теперь в этом молчаливом, угрюмом воине прежнего веселого, беспечного юношу.

Петр несколько раз порывался бросить службу и ехать искать Анелю, но царь не отпускал его от себя, особенно дорожа им на охоте. В свите его, кажется, не было наездника, равного Петру.

Время шло, и острая боль обиды притуплялась, но Петр не мог уже вернуть прежней веселости. Все вокруг него как-то потускнело и

утратило свежесть новизны и прелесть интереса.

Только иногда он забывался совершенно в охоте, особенно если царь устраивал схватки кречетов с коршунами.

Дивился князь на своих сыновей и не знал, что с ними случилось и как даже узнать про то. Пробовал он заговаривать с ними, но они выросли уже из тех лет, когда на них можно было крикнуть и силой выпытать тайну, а сами они не открывали сердец своих.

— Нет, в наше время иначе было, — говорил иногда с горечью князь, — дети к отцу ближе стояли!

Боярин Матвеев, Артамон Сергеевич, однажды ответил ему с усмешкой:

— Ой ли, князь! Смотри, и раньше так же бывало, только мы тогда сыновьями были. В том и разгадка всему! Вспомни-ка свою молодость? Али с отцом по одному думал?

Теряев взглянул на умное лицо Матвеева и вспыхнул.

Правда, великая рознь была между ним с отцом, и кончилась она чуть не кровной враждой. Он вздохнул и ответил:

— Может, и прав ты, Артамон Сергеевич! Только тяжело отцам это.

— Что говорить! Да разве у тебя сыновья бездельники какие, что ты все вздыхаешь да охаешь?

Князь выпрямился.

— У Теряевых бездельников не было никогда!

— Ну так что же?

В голосе Матвеева слышалось участие. Князь знал его за умного и доброго человека, еще более — за царского любимца, и поведал ему свое горе.

Матвеев покачал головою.

— С Петром-то правда неладное что-то. Я и сам видел. А с Терентием что? Человек он вдумчивый, хмурый. Его оставь. Дело делает, царю служит...

— Не то! В доме врозь все ползет, разлад. Надвигается что-то, Артамон Сергеевич, на нас на всех!

— Еще чего выдумал! — усмехнулся Матвеев.

III. Соколиная охота

Шестой год уже исходил, как Петр вернулся из походов и тосковал по Анеле, и однажды в теплый осенний день он выехал с Кряжем в усадьбу под Коломну посмотреть на свою охоту.

Кряж ехал молча подле своего господина, потом вдруг с решимостью встряхнул головою и сказал:

— Князь! Дозволь слово молвить!

— Чего?

Кряж поправился на седле.

— Сказывают, что можно нам эту полячку найти!

— Как? где? — Петр весь вострепнулся, как кречет.

— У нас тут под Коломною колдун есть. Слышь, бают, он дознать может...

— Ложь! — сразу разочаровавшись, ответил Петр. — Бабы сказки это, Кряж!..

Немец Штрассе, а потом за последнее время Матвеев, этот европейски образованный человек, успели разрушить глупые предрассудки в уме Петра.

— Как твоя милость! — ответил Кряж. — Люди ложь, и я тож, а только сказывают!

— Что же сказывают?

— Всякие дела он делает... — и Кряж начал передавать удивительные вещи о том, как колдун открывал воров, как уничтожал при-суху, как заговаривал руду, как одной бабе Куприхе показал мужа, который в ту пору под Вильной бился.

Петр слушал, и в его сердце начинало вкрадываться сомнение.

А что если все это правда? Недаром же отцы и деды этому верили, недаром же умные люди, составляя уложения, о колдунах помянули. Вон Тугаев носил же в поход заговоренную кольчугу, и что ж? Ни пуля, ни меч его не тронули...

— Хорошо, Кряж, найди его и уговорись с ним! — сказал Петр и прибавил: — Может, и выйдет что.

— Выйдет! Он нам ее во как укажет! — оживляясь, сказал Кряж.

Они приехали в усадьбу, и Петр отдался своей забаве. На псарне он оглядел любимых псов, потом зашел в соколиное отделение и

осмотрел своих соколов.

Молодой парень Фаддей, его сокольничий, с сознанием своего достоинства ходил следом за своим господином и спешно отвечал на его вопросы.

Понятно, у Петра не было такой охоты, как у царя (кроме шаха персидского — единственной в мире). Но и у него она была поставлена на широкую ногу.

Длинная, низкая комната была справа и слева уставлена клетками, большими ящичками, обитыми внутри войлоками, и в каждой клетке на перьячине сидел сокол с серебряной цепкою на ноге.

Тут же висели соколиные колпачки, рукавицы для сокольников. В конце этой комнаты мальчишка укрощал недавно купленного сокола. Несчастливая птица проходила первое испытание. Она сидела на перекладине с подвезанным крылом и с колпаком на голове, и мальчишка ежеминутно то дергал ее за привязанную к ноге веревку, то шумел над ее ухом гремушкою. Эта мука должна была продолжаться трое суток. Птица без пищи, без сна, при постоянной тревоге совершенно те-

ряла голову и уже тогда поступала в обучение к сокольнику.

— Добрая будет птица! — сказал Петр, любясь статями сокола.

Он был почти белый. Крепкий клюв его был круто загнут и широкая грудь обличала силу.

— Хоть царю впору! — усмехнулся сокольник.

— Ну, проедемся, попускаем!

— Кого возьмем, господин?

— Бери Гамаюна да Обноска. Прихвати еще Пестрого. Осрамил он меня тогда, а я все в него верю. Коршунов приманил?

— Вечор падаль у оврага выбросили. Надо полагать, слетелись!

— Ну, так едем!

Охота на коршунов с соколами была любимейшей того времени и имела характер чистого спорта. Мало было занимательного, когда могучий сокол с налета бил мирную птицу: утку, гуся или цаплю, а то и того хуже — малую птаху, но когда он охотился на такого же хищника, охота принимала увлекательный характер. Коршун, да еще из матерых, не

давался без боя, и нередко плохой сокол оставался побежденным в этой воздушной битве. Опытный коршун вдруг перевертывался на спину и бил сокола прямо в грудь; в свою очередь и опытный сокол знал эту повадку и летел не камнем на коршуна, а сбоку — стрелою, а то и снизу, как камень из пращи.

И пока происходила эта битва в воздухе, охотники следили за нею с замирающим сердцем. Особенно если выпускались соколы разных хозяев и происходило соревнование.

Петр вдоволь натешился охотой и радостный вернулся домой. Пестрый вправду постоял за себя и бил коршунов с одной схватки.

— Ужо царю покажу! — говорил радостно Петр.

В горнице его поджидал Кряж. При входе князе он подвинулся к нему с таинственным видом и сказал:

— Коли милость твоя не побоится нечисти, так он наказал к часу до полуночи быть на дороге подле разбитого дуба. Там он ждать будет.

— Это колдун-то? — усмехнулся Петр.

— Он!

В голосе Кряжа послышалось невольное почтение. Петр взглянул на него.

— Что это ты? Словно тебя лихоманка трясет?

— Страшно! Я до поры того и не думал. Сова у него, ворон, кости сушеные, и сам он с бородой. У-ух!

Петр засмеялся.

— Эх ты, Аника-воин! Значит, не пойдешь со мною?

— Как можно! — ответил Кряж. — А что боязно — это точно. Он не то что лях. Он со всякой нечистью свой человек.

— Ну вот и послушаем, что он врать станет.

Кряж покачал головою.

— Меня сразу признал. От князя, говорит, сердце болит, по милой сохнет, а где голубица, того не знает ни он, ни я, а лишь сатана! Да как захохочет. Приходите, говорит, молодчики!..

Петр вздрогнул. Неужто он уже и дело знает, зачем зовут его.

— Сам сболтнул?

— Да рази меня на этом месте!.. — побо-

жился Кряж.

— Ну, ин! Попытаем его. Возьми с собой кистень малый да рублев десять, что ли. Пойдем!

— С нами крестная сила! — пробормотал Кряж.

Признаться, он уже трусил этого похода, но отказаться от него не мог из сознания долга.

Наступила глухая осенняя ночь. Небо покрылось тучами и завыл ветер. Петр вернулся в широкую епанчу, надвинул на глаза колпак и смело двинулся из дому.

— Дорогу знаешь? — спросил он у Кряжа.

— Ззззнаю, — пробормотал Кряж, лязгая от страха зубами.

— Ну, и иди вперед!

— С нами крестная сила! — сказал торопливо Кряж. — Свят, свят, свят! Да воскреснет Бог!..

— Оставь! — остановил его Петр. — Ты только гляди, не сбейся.

— Чего сбиться-то! Верста.

Они действительно шли недолго. Кряж вдруг остановился и сказал:

— Бона! Тут! Господи помилуй! Свят, свят, свят!

Луна на мгновение выплыла из-за облаков и осветила глухую местность. От дороги направо на небольшой полянке стоял огромный коренастый дуб, сломанный грозой, за ним мрачною стеною чернел густой лес. Кругом было пустынно, глухо, и только ветер гудел на разные тоны, шумя в лесу между ветвями.

— Значит, у этого дуба, — сказал Петр и решительно двинулся вперед.

Едва он прошел несколько шагов, как от зеленой массы дуба отделилась человеческая фигура и двинулась ему навстречу. Петр остановился и невольно положил руку на рукоять поясного ножа.

— Это я, Еременко, не бойсь, княже! — раздался в темноте глухой голос. — Коли пришел, вражьей силы не страшась, чего лихих людей бояться? Хи-хи-хи!

«Заприметил», — с удивлением подумал Петр и ответил:

— Я и не боюсь ни людей, ни бесов, ни наваждения!

— А зачем пришел? — спросил назвавший

себя Еремейкой.

— Говорят, ты всякую пропажу находишь, а у меня есть такая!

— Нахожу, соколик, нахожу! Хи-хи-хи! А ты что старику дашь за это? Ась?

— Не обижу! Колдуй!

— Сейчас, сейчас, милостивец! Крест-то на тебе? Ась?

— На мне!

— Скинь его, скинь! Отдай Кряжу, что ли, он подержит! Ну, ну, соколик!

Князь колебался одно мгновение. Э, была не была!

— Кряж!

— Чего? — отозвался Кряж издали.

Петр усмехнулся и сам пошел на голос Кряжа. Он шагах во ста сидел под кустом и звонко лязгал зубами.

— На крест тебе мой, и жди меня!

Петр вернулся к дубу снова.

— Ну, старик, колдуй! — сказал он.

IV. Колдовство

— Сейчас, сейчас, княже! — сказал, хихикая, старик. — Не торопись только!

Он присел на корточки, и князь услышал стук огнива о камень. В темноте посыпались красные искры и на миг осветили желтое лицо старика, раздувающего тряпицу. Еще мгновение, и князь увидел вспыхнувшее пламя костра, очевидно, сложенного раньше, и над ним на треножнике котелок. Пламя разгорелось. Старик встал на ноги.

— Слушай, — сказал он князю, — я очерчу круг, и ты смотри из него не выступай. Что бы ни было, стой, а то всем нам худо будет!

Князь кивнул головою, а старик, взяв палку, ехал очерчивать по земле круг, бормоча себе под нос заклинанья.

— Шиха, эхан, рова! чух, чух! крыда, эхан, щоха! чух, чух! Маяла да на кагала! Сагала, сагала! — слышал князь его бормотания.

Костер разгорелся. В котелке что-то шипело, клокотало. Старик окончил чертить круг, стоял над котелком и ломался — и в сердце князя начинал пробираться суеверный страх.

Вдруг старик выпрямился, поднял кверху руки и громко завопил:

*— О вилла, вилла, дам, юхала!
Гираба, нахора, юхала!
Карабша, гултай, юхала!*

В лесу раздался жалобный плач филина, где-то, словно ребенок, закричал заяц, пронесся ветер, шумя ветвями. Князю показалось, что вокруг него стонут, гогочут и кричат на сотни голосов. Он схватил рукоять ножа и судорожно сжал ее.

Старик стукнул о котелок палкой и, быстро сняв его, поставил на землю перед князем. Костер медленно угасал.

— Смотри, смотри! — прохрипел колдун князю и, воздев кверху руки, стал приседать, прыгать и выть диким голосом свои заклинанья:

*Кумара!
Них, них, запалам, бада.
Эшохоло, лаваса, шиббода!
Кумара!
Ааа — ооо — иии — эээ — ууу —
еее!*

В тишине ночи плачем, воем и стоном разносился его крик. Перед князем стоял котелок, бурля и шипя. Князь глядел на него и видел, как из него, словно туман, поднимается белый пар.

Вдруг князь задрожал и побледнел.

Пар поднимался выше, выше и мало-помалу принимал очертания воздушной легкой фигуры.

— Анеля! — воскликнул князь.

— Ха-ха-ха! — закричал где-то филин.

— Гаятун, гаятун! — выл старик, а очертания приняла явственную форму Анели, и она, казалось, тянула белые, прозрачные руки к князю. Вдруг рядом появилась усатая рожа поляка. Грубая темная фигура обхватила призрака Анели и помчала ее вдаль. Все смешалось. Князь тяжело перевел дух и опять вскрикнул. Пар клубился, охватил его всего как туманом, и из струй начали рисоваться новые картины.

Сшибка. Дерутся. Льется кровь. Русские? Нет, это казаки с ляхами. И снова Анеля! Какой-то усатый казак в красном жупане с черным чубом мчит ее на коне...

Полуосвященный покой. Горит лампада. Кругом диваны, подушки, ковры... кто-то сидит в белой чалме, и опять Анеля... в голубых шальварах, с белым покрывалом на голове. Она падает перед человеком в чалме на колени. Он кричит. Что это? Двое черных эфиопов бегут, бросаются на Анелю, рвут на ней одежды, и вот она нагая, с волосами до самых пят...

— Анеля! — снова закричал князь, и опять все исчезло.

...Крики, пожар, суматоха, злые разбойничьи лица, молодая девушка с черной распущенной косою и витязь, секущий мечом в обе стороны...

...Брачный пир... витязь и девушка...

— Шью, шью, бан! ба, ба, бан, ю! — выли хриплый голос старика.

Князь очнулся. Кругом было темно и глухо. Старик хрипел подле него и говорил:

— Все, княже!

Князь тяжело перевел дыхание. Что это было? Сон? Наваждение? Шутки дьявола?

— Проводи меня до слуги, — сказал он колдуну.

— Идем, идем! Пробил урочный час, скры-

лась бесовская сила! Рвалась она, хотела нас ухватить, да сильны были заклятья, — бормотал старик, взяв князя за руку и ведя его.

— Кряж! — крикнул Петр.

— Княже! — отозвался неуверенный голос слуги. — Жив! Слава Те, Господи! На крест тебе! Одевай!

Голос слуги вернул Петра к действительности. Он надел на шею крест и совершенно оправился от неясного страха.

— Жив! — сказал он. — Дай старику пять рублей и идем!

— Пять? — недовольно пробормотал Кряж. — Ишь ты! Сколько страху нагнал, да еще пять! Шелепами его!

— Ты поговори! — закричал старик. — Призороки знаешь? Ушибиху знаешь? Потрясиху знаешь?

— С нами крестная сила! — завопил Кряж. — Чур меня! Сгинь, окаянный! Жри! Подаvisь!

Он кинул деньги и бросился к князю.

— Я все могу! — говорил старик. — Я иссушу, как сено, как ковыль!

— А ну его к ляду! — бормотал Кряж, шагая

рядом с господином. — Вот навязались!

— Сам же уговорил!

— Тебя ради. Вижу, сохнешь. А сам бы я ни в жизнь! Ишь! — прибавил он, оглядываясь.

Старик зажег ветвь и, светя ею, шарил по земле брошенные Кряжем рубли.

Петр вернулся домой и лег в горнице на лавке, но сон бежал от его глаз.

Что он видел? Видел Анелю. Видел позор ее. Где она, что она? Теперь не вернуть того, что случилось с нею. Правда или наваждение? И не поймешь! Видел, как явь!..

А потом последняя. Что-то знакомое.

Видел и раньше он это девичье лицо, мелькнуло оно ему где-то... но где? Он не мог припомнить.

Он поднялся рано утром и прямо поехал на Москву.

Не доезжая верст шести до Москвы, князь вдруг осадил коня и сказал Кряжу:

— Слышь, кричат будто? А?

Они прислушались.

— Ратуйте! — явственно донеслось до них.

Князь ударил коня и понесся в сторону криков. Кряж поехал с ним рядом.

Едва они сделали несколько саженьей, как за купой деревьев увидели возок. Кони были отпряжены. Какие-то люди спешно хлопотали около возка, а подле них раздавались вопли.

— Воры, — сказал князь и, обнажив меч, поскакал вперед.

— Я вас ужо! — закричал он издали. — Будете вы по дорогам грабить!

Четверо людей оглянулись, бросились в кусты и быстро, словно по волшебству, скрылись.

— Ратуйте! — визжал женский голос.

Князь поскакал к возку и соскочил с коня. Возок был пуст, вокруг валялись меха, служившие одеялами, увесистый сундучок, разная рухлядь. Князь с недоумением огляделся.

— Сюда, сюда! — вопил голос. — Здесь, под кустиком!

— Сюда, княже! — сказал Кряж, указывая на кусты.

Князь пошел за ним следом. Под кустом на земле лежали три женщины. Одна толстая, видимо боярыня, и одна тонкая, стройная, с крошечными ногами, лежали без движения, с

головами, завернутыми в платки; третья, толстая, короткая, в шугае и котях [23], очевидно, успела освободить свою голову от платка и вопила на весь лес.

— Ратуйте, добрые люди! Воры напали! Убили боярышню да боярыню! Что я боярину скажу!

— Не ори, баба! — остановил ее Кряж. — Воров уже нет больше. Встань лучше да прикрой голову.

— Ой, дурень, дурень! — завопила старуха. — Да как же я, дурень, встану, коли у меня руки-ноги скручены!

Князь усмехнулся.

— Распутай ее! — сказал он, а сам подошел к двум недвижно лежащим и стал раскутывать им головы.

— Княгиня Куракина, — пробормотал он, снимая с толстой женщины платок и обнажая тусклое лицо чуть не с тройным подбородком, — а это, надо думать, княж...

Он бросил платок и не докончил фразы.

Перед ним лежала девушка с распущенной черной косою, с бледным лицом и полуоткрытыми устами. Та самая, что они видели в

эту ночь у сломанного дуба во время волхования.

Петр смотрел на нее не спуская глаз.

Тем временем мамка поднялась на ноги.

V. Спасенные

Княгиня и ее дочь лежали недвижимо. Вероятно, страх и затем тяжелые платки на лицах лишили их на время сознания.

— Умерли! — завопила мамка и начала причитать над ними во весь голос. — Милые вы мои, родители вы мои! Что я теперь боярину отвечу!

— Кряж, достань воды, — приказал князь.

— Брось выть, старуха, — сказал он мамке, — скажи лучше, неужто вы одни ехали?

— Одни? — ответила старуха. — Да нешто мы беднота какая? Голь? Чай, мы Куракины будем! Одни! Эвон! — и она даже подбоченилась рукою, маленькая, толстая, в синем шугае. — С нами холопов-то сколько, с полсорока было!

— Где же они?

— А разбежались, проклятущие! Как увидели, что воры на нас — и в россыпь! Душон-

ки холопские! Ужо будет им от боярина! А этому Антошке... Ну-ну!

— А ты покликкала бы их!

— Покликкала бы! — передразнила старуха. — Да нешто я могу боярышню покинуть! — И, сделав плаксивое лицо, она снова начала выть.

Кряж принес воды, и князь тотчас обрызгал боярыню и боярышню.

— Чай, есть наливка? — спросил он у мамки.

— Есть, милостивец, есть, как не быть!

— Давай сюда, да чарку тоже!..

В походах князь выучился подавать помощь в иных случаях и не терялся при виде даже умирающих.

Старания его скоро увенчались успехом.

И та, и другая вздохнули, открыли глаза и сделали движения.

Князь тотчас дал им по глотку крепкой наливки, и они оправились.

— Милые вы мои! — радостно воскликнула мамка, бросаясь на колени. — Вставайте, родные, ушли воры! Прогнали мы их!

Княгиня села, князь поддержал ее, и в ту

же минуто княжна легче серны вскочила на ноги и звонко засмеялась.

— Мамушка, а где кичка твоя?... — но вдруг взгляд ее упал на князя, и она сразу смолкла, зарделась вся и стыдливо закрылась рукавом.

Тем временем попрятавшиеся холопы осторожно вышли из-за кустов и деревьев и окружили своих господ. Мамка с яростью набросилась на них.

— А, подлые! Вернулись! Погодите! Ужо будет вам от боярина! И тебе, Антошка!

— Я что же... — ответил долговязый детина в зеленом кафтане, — я за помощью бежал.

— Кабы не мы... — загалдели остальные.

— Вот с князем поговорите! — угрожающе кричала мамка.

Княгиня с благодарностью смотрела на князя и кивала ему головою.

— Ах, милостивец! Спас ты нас от смерти лютой, от поношения. Ужо боярин тебе в землю поклонится. Пра! Знаю, знаю тебя, соколик! Князя Теряева сынок, нам шабер [24]! С твоим братом-то мой боярин в думе сидит, вместях город берегли! Уж истинно Бог тебя

нам послал!

Она говорила без умолку, князь не слушал ее и вспоминал теперь отчетливо, ясно. Не раз и не два видел он эту девушку. Случалось ненароком через забор заглянуть, сидя на коне или со всходов, в сад к своим соседям — и там иногда резвилась барышня с сенными девушками...

Возок поставили на дорогу, вещи уложили, и княгиня с дочерью и мамкой влезли в него. Холопы окружили возок, кони дернули и потянули его по пыльной дороге, а князь погнал коня и скоро скрылся из глаз трусливых холопов.

Он скакал молча. Образ девушки, виденной им раньше в зачарованном круге, смутил его и вытеснил мысли об Анеле.

Дивным дивом казалось ему все это приключение, словно заколдованное стариком.

Таким же дивным дивом казалось оно и молодой княжне Катерине Куракиной.

Живя дом о дом с, Теряевыми, она от сенных девушек немало слыхала рассказов о молодом князе: и как он в походах с ляхами дрался и со шведами, и как его царь отличает.

С девичьим лукавством не раз довелось ей ухитриться через заборную щель увидеть молодого князя, как он садится на коня, как едет на нем, как сходит, высокий, статный, с вьющимися кудрями, с светлой бородою.

И не один вечер провела она с сенными девушками, слушая рассказы о нем, о своем со-седе.

Запали они ей в сердце, запечатлелся светлой грезой и образ красивого витязя, и вдруг — теперь она встретилась с ним лицом к лицу...

Диво дивное!

То-то будет о чем поговорить с сенными девушками! Будет о чем и помечтать в бессонную ночь или за томительной работою у пальцев... и боярышня улыбалась радостной улыбкой. Боярыня клокотала, как курица, продолжая ужасаться происшествию, а мамка ворчала и ругательски ругала и воров, и трусливых холопов...

Тем временем на постоялом дворе Никиты, за длинным сосновым столом сидели сам Никита, Мирон Кистень и Федька Неустрой, а Панфил да хозяйский Егорка стояли поодаль.

Все были угрюмы и, видимо, недовольны, и Мирон говорил Никите:

— Дурень, дурень! Коли позарился на такое дело, до конца надо делать было! Двоих испугались...

— Коли они на конях и с мечами... — слабо возразил Никита.

Мирон усмехнулся.

— С мечами! Холопов полсорока было, да разбежались, а тут два. На что Панфил-то? Он один коня валит... Бабы! — презрительно окончил он и гневно взглянул на Неустроя.

Наступило томительное молчание.

— А теперь что? — заговорил снова Мирон. — Приедут они на Москву. Холопы ничего не докажут, откуда воры. Чай, могли удумать, да и кабак один на всю путину. Ну и иди к боярину Матюшкину!

Никита побледнел и вздрогнул.

— А еще и медь найдут... Эх, горе-работники.

— Что же делать-то?... — продолжал смущенный Никита.

— Что? Одно осталось: на Москву идти. Не здесь же стрельцов поджидать, а пока что Лу-

керья с Егоркою похозяйничает. Да медь убрать, горн снести, а то, упаси Бог, подьячие придут...

В ту же ночь постоялый двор опустел.

Никита и Мирон с товарищами вновь переселились в Москву, где Семен Шаленый, все время бывший в Москве, устроил их в новой рапате.

Такие рапаты, тайные кабаки, вмещающие в себя и игорный дом, и притон разврата, — в сущности, разбойничьи гнезда — были рассеяны в то время по всей Москве.

Не только ночью, но и днем выходили оттуда страшные обитатели на грабеж и разбой и, по свидетельствам очевидцев, нередко среди бела дня, на улице нападали на прохожего, грабили и убивали его прямо на глазах народа.

Дороговизна продуктов, обращение меди вместо серебра, непосильные налоги — все это порождало смутное недовольство, выразившееся между прочим и в таком открытом разбойничестве, едва ли не покровительствуемом самими воеводами.

Так, Милославский с другом своим Ма-

Тюшкиным за выкуп выпускали из застенков и воров, и фальшивомонетчиков, как бы благословляя их снова на подвиги.

Разбойники открыто гуляли по городу, и купцы их знали в лицо и старались зачастую умилоствить дарами, боясь и разбоя, и убийства, и поджога.

Шаленый, Неустрой и Кистень были также известны многим москвичам, но под началом у Мирона они не смели много своевольничать. Мирон же был уже не простой разбойник.

После того, как Матюшкин вторично отнял у него Акульку и задрал ее за сопротивление, Мирон поклялся ему отомстить. Это дело ему не хотелось делать спроста и, вспоминая первый бунт при Морозовых, еще в начале царствования, он замышлял второй.

— Тогда Плещеева рвали. Теперь Матюшкина тряхнем, — говорил он, и глаза его разгорались. — Увидит он, песий сын, за все лихую расплату!

И, ходя по городу, он с догадливым и бойким Неустроем сеял повсюду недовольство.

То в сермяге и гречишнике его можно бы-

ло видеть на базаре, то в купеческом кафтане на Красной площади или в рядах, то одетым рейтаром — в царевом кабаке. И всегда подле него ловкий Неустрой со своими прибаутками.

Москва бродила, а еще никто не подозревал даже об опасности, и Матюшкин с Милославским распаялись корыстью только пуще и пуще.

Страшное «слово и дело» было для них отличным орудием. Подьячие сновали здесь и там, выискивая богатого, кричали государево слово. И тащили беднягу в приказ, где за него уже брались хитрые дьяки, под страхом пыток выпытывая из него деньги. Перепадала и подьячим малая толика для разбойного и тайных дел приказов.

VI. Присуха

— Чего ты? — спросил сурово Петр у своего стремянного, увидев на его лице широкую улыбку.

Это было с неделю спустя после описанного приключения.

Кряж замялся.

— Так, княже, ничего! Не серчай на холопишку! — И он подал ему стремя.

Петр вскочил на коня, оправился и медленно выехал за ворота в сопровождении своего стремянного, но говорить с ним на народе было негоже, и он молча ехал до своего полка, что стоял за Сивцевым оврагом, занимая собою как бы отдельную слободу.

Солдаты со своими женами и детьми жили по отдельным избам, а холостые жили в избах по трое и по четверо, ведя немудреное домовое хозяйство.

Князь проехал в полковничью избу и встретился там с Тугаевым. Они поцеловались.

— А на тебя ноне глядеть радостно, — сказал Тугаев.

— А что?

— Будто повеселел ты. Али радость какая? Может, нашлась...

Петр нахмурился и махнул рукою.

— Не вороши старого, Павел Ильич! — сказал он и снова улыбнулся. — Ты вот что тучею смотришь, ко мне не заглянешь. А намедни я к себе на охоту ездил, за тобой заглянул, ан говорят, ты с утра на своем аргамаке ускакал и слуг не взял.

Тугаев побледнел, а потом весь вспыхнул. Спустя мгновение он ответил:

— Не вороши и ты, Петр Михайлович! Мое впереди будет. Может, счастье великое, может, горе лютое. Как-нибудь спокаюсь тебе, а теперь скажи, — спросил он вдруг пониженным голосом, — ты в присуху веришь?

— С нами сила Господня! — перекрестился князь. — Да ведь ты женатый. Что ж тебе?

Тугаев побледнел и опустился на лавку.

— В том и горе мое, — прошептал он побелевшими губами.

Петр покачал головою.

— Слушай, — сказал он, — я басням этим всяким не верю, а все ж есть что-то чудное. У

нас в Коломне такой ведун живет, Еремейкой звать. Он тебе, может, и снимет присуху, коли она наложена.

Тугаев вздрогнул, и глаза его сверкнули. Он быстро вскочил с лавки.

— В Коломне?

— Мой Кряж его знает. Хочешь, сведет?

— Князь, друже! — взмолился Тугаев. — Дай его мне на сегодня. Я к вечеру поеду!

Он весь дрожал от волнения. Петр хотел улыбнуться, но вспомнил свое приключение и только кивнул головою.

— Ладно, пошлю сегодня!

Тем временем солдаты собрались перед избоем, и Петр должен был к ним выйти. Он поздоровался с кучею сермяг, зипунов и кафтанов и громко опросил всех, всем ли они довольны.

На этом и кончился смотр. Возвратившись домой, Петр позвал к себе Кряжа, наказал ему ехать к Тугаеву и служить, как ему, а потом спросил:

— Чего ж ты хмылился?

Кряж опять усмехнулся и потупился.

— Не будешь гневаться, княже?

— Ну? А что?

— Да девки тут, от Куракиных, меня к забору заманули. Такие ли затейницы!

Петр невольно покраснел.

— Ну?

— Все о тебе пытали. Нет ли у тебя зазнобы какой. Куда с тобой едешь, да как тебе княжна приглянулась да не захочешь ли свидеться с нею, так я только бы им мигнул. Бесстыжие! Пра!

Петр весело засмеялся и потряхнул русыми кудрями.

— И впрямь затейницы! — сказал он и прибавил: — Так поезжай к князю Павлу.

— В одночасье! — ответил Кряж, кланяясь и спиною идя к выходу.

Когда Кряж вышел, Петр лег на липовую скамью, положил на возглавие руки, на них закинул свою голову и задумался.

Присуха! Может, она и иное что, может, и никто не повинен в ней, а только есть она, окаянная. Ой, есть! Кажись, и в мыслях ничего такого не было, а вдруг прилучится, и засосет под сердцем, и из головы не идет, и томит, и дразнит... Что же это?... Вот хоть бы с ним.

Думал, кроме Анели, и в сердце никому места не хватит, глядь — княжна эта! И будто клин в голову; что дальше — то более!.. Она вдруг стала перед ним как живая, с разгоревшимся личиком, прикрывшись рукавом. Он улыбнулся своей грезе и томно прикрыл глаза. Княжеской крови, благородного кореня и затора никакого нету, — думал он и улыбался.

Князь-то Куракин как его почтил!

Действительно, через день после приключения Петра на двор Теряевых въезжали вершники, и едва князь Михаил Теряев вышел, оповещенный, на крыльцо, как во двор уже въезжал князь Куракин.

На середине двора слез он с коня, а князь встретил его на нижней ступеньке крыльца и под руку помог ему подняться. Войдя в горницу, помолился Куракин, трижды поцеловался с князем, а потом повел свою речь.

— Приехал я, князь Михайло, до тебя, отблагодарить тебя, милостивца! — и с этими словами он поясню поклонился князю. Теряев даже смутился.

— Что ты, что ты, Иван Васильевич! Что я тебе такого сделал?

— Не говори! — перебил его князь. — Нет, так сын твой моему роду великую услугу сделал. А кого за сына благодарить, как не отца родного!

— Который сын? — недоумевал князь, и Куракин рассказал ему всю историю с нападением и освобождением. Князь и рад был, и хмурился. Рад, что сын его такому родовитому князю услугу сделал; хмурился, что сам ничего не знал про это.

А Куракин попросил Петра позвать и лично ему в пояс кланялся.

Князь Теряев потом выговорил сыну, а тот только усмехнулся.

— Э, батюшка, — сказал он, — да стоило ли о таких малостях милость твою тревожить?...

Вспоминал про все про это Петр и улыбался шире и радостней.

И то, решил он под конец, повидаться с нею надо. Пусть Кряж девушкам скажет!..

По нынешним временам молодые люди годами видаются друг с другом, и медленно пробуждается в них чувство любви, побеждаемое нередко рассудком. Тогда же взгляда одного довольно было, чтобы загорелось сердце

неугасимым огнем. Может, тому немало способствовала теремная жизнь и трудность увидеть девичье лицо, так же, как девушке увидеть мужчину.

Как бы то ни было, загорелось сердце и у Катерины, молодой княжны.

— Ах, Луша, — говорила она своей сенной девушке, — и раньше в иную пору о нем думала, а тут и из головы не идет. Все он да он!..

— Дело девичье! — смеясь отвечала Луша. — Пожди, княжна, я тебе с ним встречу сделаю. Наш сад с их двором только тыном отделяется.

— Ах, что ты! Срамота-то какая!

— А какая срамота тут? Ему за честь будет! Опять и порухи нет тут никакой. Не смерд он, а князь и царю самому известен. Погодя и ко-су расплетем княжне нашей, боярышне!

Катерина зарделась вся, как маков цвет.

— Ах, Луша, — прошептала она, — и хорошо, и страшно! Не иначе все это, как присуха злая!..

Луша только махнула рукою.

— Присуха! И сказала, боярышня моя! Присуха — коли силком, старик какой или урод,

что ли, а князь Петр — гляди не наглядишься: молодец молодцом, что сокол ясный!

VII. Смута

Мрачный, с угрюмою думою, отраженной и на лице, возвращался Терентий Михайлович домой из боярской думы. Все казалось ему неладно, все не по нем! А что он мог сделать со своим голосом, ежели надо всеми верх держит Ордын-Нащокин, а самая дума — одна прилика только.

Он один удумает, а бояре прочие только бородами покивают в согласие.

А выдумки все только на то сводятся, чтобы из людишек последние животы вытягивать. Все налоги да налоги. Небось свою казну не ворошат, монастырям одни только льготы, а все надобности из смерда да посадского выбивают. Где же справедливость? Истинно протопоп говорит: приходят последние дни. Умы смутились, и зло царит над людьми. Антихристу на руку, радуют злоправители сердце дьявола!

Истинно так!

— Дорогу князю Терентию Теряеву! Мно-

гие лета князю! Здрав, князь, буди! — раздались вокруг него голоса и вывели князя из задумчивости. Он оглянулся и увидел, что въехал в толпу. Вокруг него теснились и гультяи, и посадские, и с десятков купцов.

— Мир вам! — сказал князь. — Чего собрались?

— А так... гуторили! — ответил стоящий у самого его стремени.

Князь взглянул в его лицо и нахмурился: слишком нагло глядели на него холопские очи.

— Кто будешь?

— Человек Божий с костями да кожей! — ответил он, отходя в толпу.

Князь тронул пятками коня, и он двинулся вперед. Народ, любивший князя, провожал его криками, но князя нисколько не радовали эти выражения приветствий.

Чуялось в этих сборищах что-то недоброе.

Вот уже недели две, как собираются такие толпы народа на всякой площади, шумят, галдят, чинят буйства пьяные и выкрикивают угрозы. Недавно одного приказного затравили на улице насмерть.

А толпа, проводив князя Теряева, снова загудела.

— Читай, кто грамоте обучен! — кричал сильный голос.

— Тсс! Тише, оглашенные! — останавливая шум, кричали другие. Возле дьяка в суконной скуфье столпились густою толпою, и он, держа в руках печатный лист, выкрикивал:

— И поборы те не в казну государеву, а в карманы приспешников!..

— Верно! Головы эти прямо себе в карманы кладут! Видели!

— И бояре ближние только до царя заслон. Всем людишкам злые вороги. Матюшкин этот...

— Тсс! Стрельцы!

Дьяк поспешно юркнул в толпу, бросив на землю лист, а в ту же минуту в толпу врезался отряд стрельцов с приставом в голове, который, нещадно колотя палкою направо налево, хрипло кричал:

— Расходитесь вы, голь кабацкая! Виселиц на вас мало, пра слово! Дьяволы, куда прете, али пищали захотели?

— Пожди, будет тебе ужо, толстобрю-

хий! — ворчали те, которым попало от него палкою, и лениво шли в сторону.

Князь въехал во двор, спешился и прошел в свою половину. Скинув кафтан, он остался в однорядке поверх шелковой зеленой рубашки и стал крупными шагами ходить по горнице.

На душе его было тяжело и смутно.

Вдруг он остановился и, побледнев, нахмурился.

В дверях его горницы появилась Дарья Васильевна, его молодая жена. На лице ее, пока еще не раскрашенном, выражалась тихая печаль.

— Чего тебе? — спросил отрывисто Терентий.

Дарья сделала к нему шаг и заговорила прерывающимся голосом.

— Терентий Михайлович, свет батюшка, вымолви хоть слово, чем я провинилась пред тобою. Не бьешь, не голубишь, не бранишь, ни слова ласкового. Коли не мила тебе более, не мучь, скажи свое слово, отправь в монастырь, заточусь я там и дни скоротаю, а то ныне и на людях срам. Иду наверх, государы-

ни спрашивают, иные прочие мужьями похваляются, а я и слова сказать не могу.

Голос ее поднимался все выше и выше и обратился в жалобный вой. Она подошла ближе к князю и протягивала к нему свои руки.

— Что мне делать, сиротинке, скажи сам, господин! Убей лучше, но не мучай так!

Князь устало махнул рукой.

— Не вой! — сказал он резко. — Надо будет в монастырь услать — ушлю, а теперь не докучай мне! иди!

Глаза его грозно сверкнули. Дарья Васильевна покорно склонила голову и пошла прочь, но недобрым огнем вспыхнули и ее глаза.

«Хорошо, — подумала она, — знаю я твои дела скарედные. Проведают про них и иные кто!»

Попытка примирения не удалась княгине, и из послушной, покорливой жены она сделалась врагом заклятым. Кровь Голицыных сказывалась.

А князь схватился руками за голову и даже застонал.

Ах, когда увидал он Морозову и полюбил

ее, знал тогда он, что с ним делается. На душе его было темно и мрачно, но знал он, что любви ради он на все пойдет, хоть на душегубство.

А теперь? Нет любви к боярыне. Вместо нее какая-то радость, какой-то трепет. Как сиянием окружен лик боярыни, когда он ее видит: словно с образа глядит угодница, когда она на него смотрит, и нельзя не думать о ней, но и любить нельзя. Помнит он, как она чумных подымала, и что же? Не коснулась ее злая зараза!

Теперь у нее и протопоп-прозорливец, свят человек, и Меланья, сестра ее по Христу, и Киприан юродивый. Все славят Бога и клянут никонианцев, и он тут же с ними.

Во что верить? Чему кланяться? Царь ли и патриарх согрешили против Бога? И в то же время ему приходили на ум горячие речи Аввакума, его страданья...

Чего ради?

Говорят, антихрист идет; близок последний час, а Никон его окаянный предтеча. Ежели правда так?

Чем излечить душу, кому открыть набо-

левшее сердце с его язвами?...

И вдруг лицо его просветлело и успокоилось. Он захлопал в ладоши и явившемуся отроку отрывисто приказал:

— Коня!

И тотчас стал торопливо собираться в дорогу, забыв о еде.

Ради спасенья души своей! Чего же о еде думать-то?...

Ему вспомнилось строгое подвижническое лицо его деда, князя Терентия, в монашестве Ферапонта.

Вот кто решит его сомнения!

И он, выйдя на двор, вскочил на коня и погнал его к Николе Угрешскому.

Вдруг конь его шарахнулся в сторону.

Подняв руки и загородив дорогу, перед ним стоял юродивый Киприан. Рыжие лохматые волосы его торчали копною, сермяжная рубаха спускалась до пят, на косматой груди сквозь дыры рубахи виднелись вериги.

Князь осадил лошадь.

VIII. У Морозовой

Юродивый опустил руки и хрипло засмеялся.

— Божьего человека, княже, — и испугался! Стыд тебе.

— Прости, Бога для, — ответил князь и хотел снова тронуть коня, но юродивый затряс головою.

— Не, не, княже! Нельзя! Такой сумный, такой гневный, куда тебе ехать, как не до нашей матушки? К ней поезжай! Мир у нее, благодать у нее; наш отец провидец, страстотерпец, у нее, а ты куда задумал? К никонианцам! Тьфу!..

Князь вздрогнул. Откуда этот юродивый мог знать его мысли? Легкая улыбка прошла по его губам. Он сказал:

— Ну,пусти, Киприан, я к ней поеду!

— Что дело, то дело, с Богом! Душу очистишь; Христа спасешь; берегись никонианцев! Тьмы они порождение, сатанинская блевотина. Ну, с Богом!

Князь тронул коня. Киприан медленно пошел дальше, крича во весь голос:

— Берегитесь, православные! Антихрист пришел! Сломлены заветные печати, и гром на всех никонианцев.

Князь ехал и думал: «Поговорю с ними. То же умные люди. Просветят и рассеют тьму мою, а так жить нельзя», — и снова лицо его омрачилось, и он понурил голову. Есть люди, которые вечно, хотя и смутно, ищут правды и, найдя хоть призрак ее, готовы положить за нее головы. Таковы сектанты. К таким натурам принадлежал и князь Терентий.

Он въехал на двор дома Морозова, спешился и, сдав холопу коня, знакомой дорогой пошел к терему боярыни.

В эту пору боярыня успела отвоевать себе некоторую самостоятельность. Постоянно занятый Морозов как-то примирился с неустанным благочестием жены своей и дозволил ей в терему держать и странниц, и юродивых, оказывать помощь нищим и убогим.

Царь Алексей Михайлович умилялся, слушая о жизни Морозовой, и не раз говорил ее мужу:

— Ништо, ништо, Глеб, она за всех нас молебница, и в Домострое писано: «церковни-

ков, и нищих, и маломощных, и бедных, и скорбных, и странных призывай в дом свой и по силе накорми, и напои, и согрей». Так-тошь! Пойдешь домой, кланяйся ей от нас.

И Глеб Иванович смирялся.

Федосья Прокофьевна устроила дом свой совсем на монастырский лад. Жили у нее в то время до пяти инокинь, два юродивых, Кириан и Федор, да временно приютился и Аввакум.

Князь Терентий вошел в горницу, и сразу охватила его атмосфера иной жизни, чуждой всего суетного. Воздух был пропитан запахом росного ладана и лампадного масла. В полумраке простая дубовая мебель и голые стены придавали горницам суровый вид.

Неслышно ступая, к нему подошла женщина и, поклонясь поясно, спросила:

— До боярыни?

— До нее, мати, — ответил князь, проникаясь настроением.

— В моленной, — ответила она, — с протопопом беседует, а ты не бойсь, иди! Она до тебя благожелательна...

Она пошла вперед, а за нею двинулся и

князь, тихо ступая по холщовой дорожке. Скрипнула маленькая дверь, и они вошли в моленную, в ту самую комнату, где князь расстался со своей любовью. В уголку сидел Аввакум, а у его ног на низкой скамейке Федосья Прокофьевна. Она устремила на него глаза, и прекрасное лицо ее дышало таким энтузиазмом, что князю оно снова показалось ликом иконы, а перед ней сидел Аввакум, тощий, сухой старик в темном подряснике.

Черты изможденного лица его были жестки, обличая непреклонную волю; глубоко впавшие под густыми бровями глаза горели неудержимую страстью, и весь он, сухой, высокий, согбенный, с жиденькой бороденкой, с листовицей в руках, казался пророком.

Приход князя прервал их беседу.

Аввакум метнул на него быстрый враждебный взгляд, а боярыня плавно поднялась со скамейки.

Князь помолился на иконы и, поясно поклонившись боярыне, сказал:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Прости, боярыня, что встревожил не вовремя!

— Аминь! — ответила боярыня. — Я тебе,

князь, всегда рада, а ноне еще и праздник у меня: протопоп в гостях.

Аввакум пристально взглянул на князя, пронизывая острым взглядом, словно хотел проникнуть в его душу. Боярыня сказала ему:

— Вот, отче, князь Терентий, сын князя Михаила Теряева-Распояхина. В ладу я с ним и согласии.

Князь низко поклонился ему и подошел под благословение.

— Никонианец? — строго спросил его Аввакум, не поднимая руки своей.

— По неведению, — тихо ответил князь Терентий.

Аввакум все-таки не благословил его.

Глаза его вспыхнули.

— По неведению, — повторил он, — все, яко овцы бессловесные, яко умом помраченные, идут в геенну огненную, антихриста ради, и все говорят, «по неведению». Свет им, яко заря, сияет — глаза щурят и отворачиваются. Знамение небесное не видят. Истинно сказано в Писании: «Очи имат и не видят; уши имат и не слышат».

Князь слушал его, опустя голову и не зная,

что отвечать ему.

Аввакум тяжело перевел дух.

Боярыня спросила с ласковой улыбкой:

— Почто, князь, пожаловал? Аль соскучал?

Князь вздрогнул при звуке ее голоса, поднял голову и, встретив ее приветливый взгляд, не мог скрыть правды и ответил:

— Случаем, боярыня! Смутно на душе было, и вздумал я поехать к деду моему, отцу Ферапонту, на Угреш, а по дороге Киприан встретился и к тебе послал, а я и рад.

Боярыня тихо улыбнулась и сказала:

— Что я могу, убогая? О чем дума твоя была?

Терентий не скрыл и прерывающимся голосом рассказал о своих сомнениях.

Где правда? Страшно ему душу загубить, и не видит он пути и исхода в своих сомнениях...

Лицо боярыни осветилось. Она встала и, протянув руку к Аввакуму, взволнованно сказала Терентию:

— Сам Бог устами Киприана направил тебя сюда. Не мне учить и наставлять тебя. Вот пастырь. За ним иди!

Волнение охватило Терентия. Он упал в ноги Аввакуму и воскликнул:

— Отче, вразуми!

И слышался ласковый голос протопопа:

— Научу тебя, миленький, на то и сюда пришел. Было мне видение: «Иди и вразуми неразумных, спаси от геенны огненной заблудшихся», и пришел я, и Господь Бог со мною. Царь преклоняет ухо свое ко мне. Бог поможет, и вразумлю!.. — И он начал говорить, — сперва тихо, плавно, потом более и более распаляясь, и наконец речь его полилась бурным потоком. Что было прежде и что теперь? Где прежнее благословение? Где прежняя вера? Один соблазн! Он говорил:

— Вот поют вместо: «благословен грядый», — «обретохом веру истинную». То их пение на великое поношение православной нашей веры. Горе нам, горе! Имя сыну Божию переменили и печатают «Иисус». Звон и пение церковное — православным соблазн и поущение. Все-то кругом антихристово измышление и изощрение, дабы уловить душу православную. Наложил Никон проклятый печати антихристовы и на самого царя, и на

слуг его, да не будет так! Господь Бог видит правду и указывает избранным Его, а за гонения венец мученический; так древле гнали апостолов и учеников его!..

И много говорил Аввакум, умиляя душу Терентия, населяя ее страхом за никонианцев и укрепляя в старой вере.

Когда они расставались, Аввакум благословил и поцеловал его.

— Еще единую овцу спас от сетей дьявола! — сказал он с умилением. — Благодарю Тя, Господи!

Терентий возвращался домой успокоенный; смелый и бодрый. Он знал, что ему делать, что думать, что говорить, и ко всему его радовала мысль, что боярыня так же думает, что он ей теперь брат по духу и скреплен с ней крепкими узами.

По дороге он опять встретил Киприана, и на этот раз сам остановил своего коня.

— Спасибо, — сказал он ласково, — что надуумил меня!

Киприан широко улыбнулся и потряс кудлатой головой.

— Блажен муж, иже не иде на совет нече-

стивых, и совет нечестивых погибнет! — заорал он таким диким голосом, что конь шахрахнулся в сторону и понес князя.

Князь скакал и был рад этой быстрой езде, которая возбуждала его и соответствовала настроению его духа.

Конь был весь в мыле когда князь въехал во двор. Он слез с коня и прошел в свои покои, едва раздевшись, как подошел к божнице и, сложив два перста, стал быстро наотмашь креститься, повторяя:

— Тако верую! Тако верую!

И никто в доме не знал, что происходит в душе Терентия и какие тучи он собирает на свою голову.

IX. Ночь свиданий

Прошло три дня. Князь Петр вернулся домой и стал слезать с коня, когда к нему подошел Федька Кряж и низко поклонился.

— Вернулся? — сказал Петр. — Долго же вы были! Что ж он, доволен?

Кряж встряхнул волосами и ответил:

— Приказал благодарить твою милость, а мне целый ефимок подарил!

— Что же наколдовали? — спросил князь, идя в горницу.

— Всего было! — ответил Кряж, идя за ним. — На мельницу водил, на воде гадали. Что он говорил, не знаю, а князь больно повеселел.

Петр отпустил своего стремянного и лег на лавку в ожидании обеда. Через несколько минут его позвали наверх. Как и прежде, обедали все вместе, только теперь уныло и хмуро проходила общая трапеза.

Князь Терентий сидел мрачный, сосредоточенный, а жена его, Дарья Васильевна, то и дело злобной усмешкою кривила губы.

Молодая княжна Анна было бледна и за-

думчива, да и Петр не больно радостен.

Старый князь и княгиня тревожно смотрели на детей своих и не знали, что делается в их сердцах. Даже когда окончился обед и женщины ушли, отец, оставшись с сыновьями, не знал, как вести беседу, чтобы хоть немного заглянуть в их души.

И он стал сперва говорить о царских делах, о боярине Нащокине.

— Великого ума муж! Всякую иноземщину видел и больно перенял...

Терентий усмехнулся и сумрачно сказал:

— Перенял только, как с людишек по две шкуры драть. Посчитать теперь налогов, податей всяких — беды! Стон кругом. Что в Москве делается?

Старый князь покачал головою.

— А что иначе сделать? Казна оскудела. Ратные люди деньгу требуют, а без ратных людей нельзя. Война с Польшею, война со Швецией.

— И дома нелады, — добавил Терентий и вдруг сказал: — Потому прежнюю веру утратили, никонианством заразились!

— Что? — закричал старый князь. — Али

ты не в своем уме?

— И очень в своем, — хмуро ответил сын и вышел из горницы.

Старый князь испуганно и изумленно посмотрел ему вслед.

Так вот откуда вся его угрюмость. Господь упаси, до царя дойдет ежели.

Петр тревожно посмотрел на отца.

— Давно это у него? — спросил отец.

Петр покачал головою.

— Он старший брат. Мне ли его допрашивать, а сам — ты знаешь — он и слова не скажет.

— Эх, — вздохнул князь, — на горе этого протопопишку сюда допустили.

И с этими словами он, не допив кубка с медом, тяжело поднялся с лавки и пошел в опочивальню.

Скоро все в доме спали, начиная от князя с сыновьями и до цепного пса, окромя Федьки Кряжа, которому в эту пору была большая работа.

Сейчас же едва стихло все в доме, он шмыгнул в сад и громко прокуковал кукушкой пять раз. На этот его сигнал из терема

вышла сенная девушка и, осторожно оглядываясь по сторонам, подошла к Кряжу. Они оба ушли в кусты, где шпалерами разрослись малина, крыжовник и смородина, и там зашептали.

— С чем, Федька? — спросила девушка.

— Помалкивай только! Пришел и на нашу улицу праздник! Вот тебе перво-наперво от князя рубль, а дальше и больше будет!

Лицо девушки вспыхнуло радостью, и она быстро спрятала мелкие гривенки в карман.

— А что ему надо? — спросила она.

— Занеси княжне весточку, а как стемнеет да все наши полягут, ты ее сюда приведи. Коли надо будет, уломай!

Девушка быстро закивала головой.

— Ну, ин, ин! — ответила она. — Веди князя, а уж я нашу сюда доставлю. Поди, она и сама рада. Соскучилась.

— Иди же! — сказал Кряж.

Девушка кивнула ему и быстро побежала к терему, сверкая босыми пятками.

Кряж постоял на месте, покуда она не скрылась, потом вышел из сада, перешел двор и позади служб ловко перелез через вы-

сокий частокол, отделявший двор от сада князя Куракина. Здесь ему ждать не пришлось. Напротив, стоявшая тут же под корявою грушею девушка, видимо, давно дожидалась его, потому что весело засмеялась, едва он показался из-за частокола. И лицо Кряжа расплылось тоже в приветливой улыбке.

— Эй, зазнобушка! — проговорил он, быстро обнимая девушку. — Чай, ждала не дождалась, очи просмотрела, сердце высушила, а я и тут!

— Пусти, — смеясь говорила девушка, стараясь вырваться из его объятий, — пусти, леший! Ну! Пра, леший, изломал всю, ишь! — И, с силою рванувшись, она освободилась от Кряжа, хлестнув его по плечу со всего размаха.

Кряж только засмеялся от этой ласки. Лицо девушки приняло серьезный вид.

— Ну, будя! — сказала она. — Мы тут с тобою балакаемся, а княжна ждет не дождется. Князю сказывал?

Кряж мотнул отрицательно головою.

— Не, а только ты с княжною приходи нонче в сад ввечеру, как все спать лягут.

— Да чего ж приходится-то, коли ты не ска-
зывал?

— Сказать недолго, ужо скажу. Раньше вре-
мени не было. Ты уж только меня слушай!
Князь-от теперь во! Так и пышет. Ему мигни
только!

— Ну-ну, скажу княжне! Порадую! Только
и ты не обмани. — И, окончив деловой разго-
вор, она начала другим тоном: — А где сам
пропадал? Вчера не был, позавчера тож, а я-то
его, дура, жду да жду. Где тебя носило?

Кряж усмехнулся.

— Где был, теперь нету. Отсюда вон как да-
леко, и не видать, а сказать и не можно!

— Что! Али князь посылал?

— Много будешь знать, скоро состаришься;
а ты лучше-ка обними меня!

И он опять обхватил ее руками. На этот раз
она не отбивалась и, прижавшись к нему,
жарко отвечала на его поцелуи...

И на дворе дома Куракина, и у Теряевых
стали просыпаться люди. Кряж в последний
раз поцеловал девушку, ловко перемахнул
тын и, как ни в чем не бывало, слегка посви-
стывая, пошел по двору, направляясь к дому.

Князь Петр проснулся и лежал, потягиваясь на лавке, когда Кряж вошел к нему и остановился в дверях.

— Проехать на Москву-реку, что ли? — промолвил князь, взглядывая на Кряжа. — Нонче там на кулачках биться будут.

— А ну их, князь, — ответил Кряж, — и чего в них занятного? Кабы царская потеха, а так — охочие люди кровянить друг друга будут. На охоту лучше бы поехать. Сон мне такой был: тебе на охоте удача.

— Какой такой сон? — усмехнулся Петр. — Сказывай!

Кряж откашлялся, переступил с ноги на ногу и, слегка усмехаясь, стал говорить:

— Виделось мне, князь, будто мы с тобой в поле рыщем. Глядь, лиса чернохвостая, такая ли пушистая. Ты за ней, она от тебя. Едва успеть можно. Она из поля да по городу, по городу да нам во двор, а со двора — шах через тын да в соседский сад! А ты будто за нею через тын-то! Глядь, а то не лисица, а девица-красавица. Смеется и говорит: давно тебя ждала, княже! — Он замолчал и, усмехнувшись, взглянул на князя.

Князь Петр покачал головою.

— Занятный сон, — сказал он, — что это он на притчу словно бы смахивает? А загадки я не мастер разгадывать. Говори уж лучше на чистоту, Кряж.

Кряж усмехнулся и встряхнул волосами.

— А не буду таиться от тебя, княже, — ответил он решительно.

Князь вздрогнул и быстро сел на лавке.

— Ну?

— Заморила меня Лушка, — заговорил Кряж, — сенная девка соседской княжны. Сделай так, чтобы им свидеться, да и на! Княжна-то, вишь, говорят, совсем по тебе высохла, князь!

— Что ты врешь? — вспыхнув от радости, произнес князь.

Кряж усмехнулся.

— Наше дело холопское, — сказал он, — а только нонче княжна в ночь, как все заснут, по саду гулять будет. Про то мне Лушка сказала, а для чего — сам ведаешь.

Князь засмеялся и отвернулся от своего стремянного, чтобы скрыть вспыхнувшее от радости лицо.

Тихая ночь опустилась над Москвою. Кругом все заснуло. В кустах щелкали соловьи, и где-то вдалеке куковала кукушка. В это время князь Петр, подсаживаемый Кряжем, осторожно перелезал через тын. Сердце его замирало и билось. Едва он опустился, как проворная Лушка подошла к нему и сказала:

— Ты, князь?

— Я! — ответил Петр.

— Ну-тко, иди за мною! — И через минуту князь стоял подле княжны Куракиной. Она дрожала от страха и радости и, закрыв лицо руками, тихо вскрикнула:

— Ахти, стыд какой!

— Что за стыд, государыня, — бойко сказала Лушка, — все, поди, так дела делают. Не мы первые. Ну, я пойду! — решительно сказала она и лукаво прибавила: — Князь тебя, небось, в обиду не даст!

Она шмыгнула в кусты и, вероятно нечаянно, попала в объятия Кряжа.

— Мы тута, а они там, — засмеялся Кряж, крепко целуя Лушу.

Петр приблизился к княжне и робко окликнул ее:

— Катерина Ивановна, открой очи свои ясные! Глянь на меня!

Княжна слегка раздвинула пальцы.

— А что тебе в том?

— Радость мне! Как взгляну на тебя, словно солнце весною. Присушила ты мое сердце!

— Уж и присушила! — усмехнулась княжна, отнимая руки. Князь придвинулся ближе.

— Верь моему слову, — заговорил он снова, — с ляхами бился, не дрожало так сердце мое, как теперь.

— Али я страшна? — засмеялась княжна.

— Не страшна, а любя! — ответил Петр и взял ее за руку. — С той поры, как увидел тебя, нету у меня и мыслей других: все ты да ты!

Княжна тихо потянула его за собою.

— Пойдем! Тут скамейка есть. Сядем.

Они дошли до скамьи, опустились на ее широкую доску и, держа друг друга за руки, стали говорить ласковые речи, бессмысленные для других, но полные таинственного значения для них, — те речи, что ведутся влюбленными от сотворения мира до наших дней...

А в это же время в саду князя Теряева ве-

лись тоже влюбленные речи, но не походили они на робкое воркование, а были полны мучительной страсти.

Княжна Анна, бледная, как высоко поднявшийся месяц, стояла прислонясь к дереву и опустив бессильно руки. Лицо ее выражало страдание, а на длинных ресницах блестели слезы.

У ее ног на коленях стоял князь Тугаев и говорил прерывающимся от страсти голосом:

— Бог нас видит, моя голубка! Что ж, коли приключилось так, неужели нам с тобой по монастырям идти, не изведавши счастья? Не поверю я, чтобы Богу в обиду была любовь наша! Увезу я тебя, мою горлинку, схороню от людского взгляда и буду миловать и ласкать тебя! Не дам ветру пахнуть на тебя, не дам пылинке упасть. А там справлюсь со своими делами, и уедем с тобою в земли фряжские, где никто нам не будет грозен.

— А батюшка с матушкой? — прошептала чуть слышно Анна.

Князь на мгновенье затуманился; потом быстро вскочил на ноги и гневно воскликнул:

— Меня, а не тебя осудят! Нешто вольны

мы сказать своему сердцу: молчи! В Писании сказано: «Всякая тварь да хвалит Господа», так тебе ли губить свою молодость?

Анна подняла голову и сквозь слезы взглянула на него с улыбкой.

— Ах, делай со мной, что хочешь! Прислушал ты меня!

Князь порывисто обнял ее и осыпал страстными поцелуями.

— Милая, — зашептал он, — увезу я тебя, увезу!..

Х. Побег

В те поры, когда князь Петр вернулся из похода, он привел в дом князя Тугаева как своего крестового брата и боевого товарища. Поначалу князь Тугаев виделся только с братом да с отцом Петра, а потом был допущен и до знакомства с теремом.

Княжна Анна сразу поразила его воображение, и он вернулся домой отуманенный страстью.

В детстве обручили его родители с дочерью симбирского воеводы Квашнина, и выросла Тугаеву сперва некрасивая невеста, а

потом нелюбимая жена. Не было радости в его доме, и он чувствовал загубленной свою жизнь и чуждался людей. Только с Петром и вел свою дружбу, а тут увидел он Анну, и совсем кругом пошла его голова. По тогдашним понятиям не было преступления хуже измены супружескому долгу. Неверные жены живьем закапывались в землю, неверные мужья погибали на эшафоте, обольщенные девушки казнились смертью, их обольстители умирали от руки палача. Все эти меры не искореняли преступления, но, вселяя страх наказания, придавали таким преступлениям характер крайней греховности. Князь Тугаев сознавал это и долго мучительно боролся со своею страстью, но не в силах был победить ее. Через Федьку Кряжа он подкупил Дарью, сенную девушку княжны, и она стала змеиным языком нашептывать ей обольстительные речи, волнуя ее кровь и кружа ее голову.

Сытая, спокойная теремная жизнь, развивая женщин физически, давала избыток здоровья и силы, которые искали выхода; строгое затворничество развивало воображение, вольные разговоры сенных девушек будили

страсти, и первый встретившийся пробуждал к жизни сердце девушки.

Князь Тугаев был красив и молод. Слава о его ратных подвигах дошла и до терема. Немудрено, что у Анны закружилась голова, когда она услышала Дарьины речи.

Дарья говорила про его силу и богатство, про его молодость и красоту, про его безумную любовь к Анне. Заревом вспыхивали щеки молодой княжны, туманились глаза, прерывисто дышала грудь, когда она слушала речи своей обольстительницы. Наступила душная летняя ночь, луна трепетно светила в окошко, запах сирени и акации стоял в воздухе, трелями заливались влюбленные соловьи, и княжна томилась в своей душевной горнице, разметавшись на постели. Видела она князя. Он протягивал к ней руки, он говорил о любви, И вставала она утром усталая, измученная ночными грезами. Розовые щеки ее бледнели, вокруг глаз темнели круги, звонкий смех раздавался все реже и реже, и княгиня, с тревогою смотря на дочку, ласково спрашивала ее:

— Аннушка, али тебе недужится? Скажи, ласковая! Лекаря недолго позвать.

— Нет, матушка, я здорова! — тихо отвечала княжна, и голос ее вздрагивал от волнения.

— Пожди, — говорила княгиня, — ужо к деду съездим. Он за тебя помолится. Ишь побледнела как; ровно снег весенний!

Княжна Дарья Васильевна, жена Терентия, усмехалась и говорила:

— Что вы, матушка, беспокоитесь? Просто с жиру бесится об эту пору. Все мы так же изводимся. Погодите, найдется жених, и все как рукой снимет.

Княжна вспыхивала и убегала к себе, а молодая княгиня звонко смеялась.

Как ржа точит железо, как вода капля за каплей долбит камень, так вкрадчивые речи сенной девушки делали свое дело. Анна беспомощно только шептала:

— Да ведь он женатый. Грех!..

— И что за грех человеку по-божески на его любовь ответить? Ведь тебя не убудет от этого, а уж он и любит! — И она передавала его страстные речи.

Не устояла Анна и вышла на свидание к Тугаеву.

Это была ночь безумств. Страсть неудержимую силою охватила Анну. Порывистый Тугаев покорил ее, и она отдалась ему со всею доверчивостью своей невинной души.

Еще сильнее стал мучиться Тугаев, чем ранее от невысказанной любви. Тогда казалась она ему мечтою, недостижимую грезю, а теперь, когда он уже держал Анну в своих объятиях, когда целовал ее глаза, щеки, губы, — не обладать ею было для него мучительной пыткой.

Страшно ему было и за себя, и за жену, и за бедную Анну, а та, пламенея к нему, горько сетовала:

— На свою погибель встретила я тебя, Павел! Лучше было бы нам не знаться с тобою, чем идти на такое греховное дело.

— Не говори так! Не терзай меня, — ответил он, зажимая ее рот поцелуем, — сил моих нету переносить муку эту!

И нередко их любовные свиданья походили на свиданья людей, плачущих о дорогом покойнике.

Долго мучился Тугаев и наконец решился. Может быть, не созрел бы так быстро в его

уме план, если бы Петр не упомянул про колдуна, а теперь колдун все решил. Смотри в воду под его припевы, Тугаев увидел свое счастье: он стоял под венцом с любимой Анною. А расставаясь, колдун дал ему такого зелья, от которого, когда захочет князь, тогда и станет вдовцом.

И князь мрачно думал: «Увезу и буду хоронить ее ото всех, а там сделаюсь вдовцом и будто найду ее и повенчаюсь», — и при этих мыслях лицо его озарилось мрачною улыбкою.

Но, склоняя Анну, он все же не решался поведать ей свои сокровенные думы.

Зачем ей знать? Для чего и ее невинную душу тянуть к сатане в лапы? Пусть уж лучше он один за свою любовь и несчастье отдаст дьяволу душу!

На другое утро воплями и стоном огласился терем князя Теряева. Даша завыла первая, а там сенные девушки, а там молодая княгиня и старуха мать.

Из терема исчезла Анна! Нет ее нигде, словно в воду канула.

Князь снизу в горнице у себя услышал кри-

ки и плач и только хотел послать наверх холопа, как сама княгиня Ольга Петровна, несмотря на свою тучность, вбежала в горницу и упала князю в ноги.

— Князь-батюшка, — завопила она, — казни меня, старую! Секи мою голову неразумную!

Испуганный князь поднялся с лавки и шагнул к жене.

— Что случилось? Говори толком, старая!

— Позор на наше голову, срамota на наш дом! — вопила княгиня, не вставая с колен. — Дочушка наша, Аннушка наша, свет очей моих...

— Что с ней? — нетерпеливо крикнул князь.

— Сбежала, — едва слышно окончила княгиня.

Ко всему подготовился старый князь, только не к этому, и удар поразил его, как кистенем в голову. Он упал на скамью, прислонился к стене и застыл в этой позе, бессмысленно вытаращив глаза. Лицо его налилось кровью, и, раскрыв широко рот, он едва переводил дыханье. Княгиня испуганно вскочила на но-

ги и бросилась к мужу, но он уже оправился, и лицо его стало бело как мел, а глаза вспыхнули как яркие молнии.

— Сбежала! — закричал он не своим голосом. — Ты врешь, старуха! Она утопла, она умерла! Эй, люди! — голос его раздался громом на весь дом. В один миг горница наполнилась холопами. Уже все знали о происшедшем и, бледные, дрожали от страха.

— Дочь искать! — сказал князь. — Весь сад по травке переберите, весь дом во всем щелям осмотрите, реку обшарьте! ну!

Слуги быстро скрылись и рассыпались по всему дому. В ту же минуту в горницу вошли Петр и Терентий.

— Слыхали? — спросил он.

Терентий молча кивнул головою, а Петр только махнул рукой.

— Прокляну ее, если так, — сказал князь, — а вы, вы должны крест целовать, что станете искать ее и обесчестившего нас! Клянетесь?

Терентий и Петр стали на колени и твердо ответили в голос:

— Клянемся и на том крест целовать гото-

вы!

Князь взглянул на жену.

— А ты, старая, иди наверх и на глаза мне не кажись до времени. Стара ты, чтобы учить тебя, а поучить бы надо. Я теперь до царя поеду, ты, Терентий, за людьми пригляди, а ты, Петр, пока что накажи всем, чтобы языками не звонили. Да что, — сказал он с горечью, — все знают, чай!

Он тяжелою поступью вышел из горницы и, казалось, сразу обратился в старика.

Княгиня со стоном поплелась наверх.

Терентий ушел, а Петр бессильно опустился на лавку.

Вчера он был счастлив, а сегодня как пыль разлетелись его мечты.

Мыслимо ли, чтобы князь Куракин отдал дочь свою за него, из опозоренной семьи.

— Ах, Анна!

Глаза его злобно вспыхнули.

Кабы он знал их обидчика!..

А люди тем временем искали по всему дому, по саду, в воде и нигде не находили следов пропавшей княжны.

Как потерянная ходила Дарья и вздрагива-

ла, как испуганный заяц, при всяком оклике. Она боялась взглянуть на Федьку Кряжа, чтобы не выдать себя нечаянным воплем, а Федька ходил везде как ни в чем не бывало и только покрикивал на людишек.

А тем временем верные холопы Тугаева мчали княжну по дороге на Рязань, где на сороковой версте от Москвы стояла одинокая усадьба князя.

Там он думал схоронить княжну до поры до времени — и она, послушная, пораженная случившимся, в полубесчувственном состоянии сидела в тряской колымаге.

XI. Опозоренные

Царь Алексей Михайлович с глазу на глаз выслушал жалобы Михаила Терентьевича, князя Теряева, и скорбно покачал головою.

— Чего же бабы твои глядели, — с укором сказал он, — что допустили такое бесчестие?

— Ох, и не скажу, государь! Придет беда, все виноваты, а до того и в голову никому! Ведь монастырским уставом жили бабы-то у меня. Разве что сноха вот к царевнам наверх езживала, а то никуда! А молю тебя, царь, коли я или дети мои сыщут нашего обидчика, отдай его нам на суд.

— Твоя воля на то, Михайло! — сказал он. — Твоя обида, твой и суд. А теперь вот что, друже, — и голос его принял ласковый тон, — не говори ты никому про такое дело зазорное, а говори, что сгинула, что злые люди скрали. Клич кликни, чтобы искать кто вызвался. И опять, — окончил он, — не что тебе ведомо, что она вольной волею убегла?

— Не, государь! — ответил князь, и лицо его просветлело.

— А коли нет, так и на имени твоём порухи нет. Жаль девку, а коли найдется, все ладом кончится. Обидчика ищи, отдам его тебе со всеми животами! — И царь отпустил князя.

Он вернулся домой успокоенный и тотчас позвал к себе сыновей. Запершись в горнице, они с час времени толковали про срамное дело и потом, уговорившись, разошлись.

В тот же день ввечеру по городу ходили бирючи [25] от князя и громким голосом выкрикивали:

— Князя Теряева дочку скрали, и тому, кто вора укажет и ее сыщет, от князя награда положена в сорок рублей!..

— Князя Теряева дочку скрали, слышь! — пошли по Москве толки, и все сочувственно вздыхали и жалели старого князя.

Друг за другом ехали к нему князья и бояре и утешали его. Князь Голицын, первый щеголь того времени, зять молодого князя Терентия, сказал ему:

— Ты не хмурься, царь сказал, что нет порухи на вашем имени, и я не в обиде, искать же сестру не буду!

Терентий презрительно взглянул на него.

— Честь тебе и роду вашему, — сказал он гордо, — что породнились с нами, а ты не в обиде!

Голицын вспыхнул.

— Наш род старше вашего!

— Да ты глуп больно! — ответил Терентий и отошел от него.

Князь злобно посмотрел ему вслед и промолвил:

— Добро! попомню я тебе это!

Петр рыскал по городу, мыкая свое горе; ему казалось, что теперь Катерина Куракина не посмеет и думать о нем. По виду только все сочувствуют, а сами завтра же загнушаются ими.

Рыская по городу, он заехал и в полк.

Там он встретил Тугаева. Петру показалось, что Тугаев побледнел при виде его и словно бы хотел скрыться.

«Началось», — подумал Петр и с горечью сказал:

— Али, Ильич, меня чураться хочешь?

— Что ты? Что ты? — испуганно произнес Тугаев. — Я к тебе еще больше с дружбой сво-

ею. Беда у вас?

— Ой, беда! — ответил Петр, опускаясь на лавку. — Коли бы встретил я обидчика нашего, кажись, руками бы горло перервал ему!

Тугаев вздрогнул.

— Серчает батюшка? — тихо спросил он.

Петр махнул рукою.

— Чего ж? Нешто сердцем горю помочь? Известно, сторожей передрали, девок тоже, да что в этом!

— А ее... — Тугаев запнулся, — сестру-то твою... прокляли?

— Нет, — ответил Петр, — может, она силком взята! Разве можно такое на душу брать! Ты чего? — изумленно спросил он Тугаева, который вдруг бросился ему на шею.

Тугаев не мог совладать со своею радостью при этой вести. Всем ведомо, что не будет счастья и покоя, если проклянут отец с матерью, и он замирал от страха за любимую Анну. И вдруг — нет этого страха!

— Брат ты мой названный, друг любезный, — заговорил он, обнимая Петра, — и горько мне за вас, и хотел бы я помочь вам в беде вашей!

Петр просветлел.

— Ищи сестру! — сказал он и, опять затуманившись, прибавил: — А мне горе какое! Тебе как брату родному поведаю! — И он рассказал про свою внезапно вспыхнувшую любовь к княжне Куракиной и про свои разрушенные надежды.

— Их род и так стариннее нашего: местами не потягаешься, а тут еще как-никак, а все ж поруха на имени!

Тугаев вспыхнул.

— Николи этого быть не может! — громко сказал он. — Слышь, царь обелил вас, а он куражиться будет. Нет, Петр, не бойся! Хочешь, я сватом пойду к князю?

Петр повеселел.

— Сегодня узнаю!

И вечером он виделся с княжною и, жарко целуясь, говорил с ней.

— Что же? Не отречешься от меня за такой срам в доме нашем?

Княжна нежно прильнула к нему.

— А в чем срам? И батюшка говорит, что грех да беда на кого не живут! Слышь, твоего отца, сказывают, в детстве скоморохи скрали?

Правда?

— Правда, моя рыбка! — ответил радостно Петр и спросил: — Так говорить батюшке, засылать сватов?

— Шли! — прошептала она, жмурясь от его поцелуев.

И Петр повеселел.

Терентий по-иному взглянул на это дело, поразившее его ужасом. Он увидел в этом перст Божий, наказующий их за отступничество, за никонианство поганое. И в этом мнении его укрепили Морозова и Аввакум.

— Со всеми такое будет, — говорил Аввакум с пророческим жаром, — иному позор, иному болезнь тяжкая, смерть, иному пожар или увечье, а всем голод, мор, смятение! Идет антихрист и несет с собою печали и скорби, а Господь распаляется гневом! Так-то, миленький! — окончил он и ласково прибавил: — А ты в семье своей за всех молельщик, молись за их пакостность и проси у Господа отпущения им, а сам исподволь, полегонечку науцай их, указуй, наставляй!

И Терентий, вернувшись домой, с жаром молился, чтобы Господь отпустил их роду ви-

ну отступничества.

— Не ведали, что творили! Отпусти им, Господи! — твердил он, усердно отдавая поклоны.

В то же время на службах и на дворе княжеского дома шли непрерывные разговоры. Говорили о наказанных холопах и девках, говорили об объявленной княжей награде и обсуждали возможность побега или кражи.

— Известно, убегла, — шептали холопы, — нешто такую девку скрадешь? Да она крика такого поднимет! ух!

— Ну, вы! — покрикивал на слуг дворецкий. — Не больно языками-то трепите. Того гляди, прижгут их вам!

Антон побежал в общую службу и сказал:

— Петька, Мишук, идите в клеть и Дашку волоките. Князь ей снова допрос чинить хочет!

— Опять драть, значит! — вздохнув, сказал Кряж.

Петька и Мишук вышли, взяв ключ от Антона, и через несколько минут вернулись бледные и дрожащие.

— Что ж одни? — нетерпеливо спросил их

АНТОН.

— Нету ее, — пробормотал Петр, — убегла!

— Как?

— Убегла! Стенка подкопана, и ее нет! Все обшарили!

Антон хлопнул руками о полы своего кафтана и опрометью бросился к князю.

— С чего ж ей бежать было? — заговорили промеж себя холопы.

— Не иначе как батожья побоялась!

— Сказал! Потому бежала, что пособницей княжне была, вот и сказ весь.

— И будет же ей! — пробормотали более робкие.

В избу снова вбежал Антон.

— Погоня! — закричал он. — Петька, Мишка, Осип, Влас и ты, Григорий, все на коней и по разным сторонам. Чтобы до ночи была она тут. Князь приказал!

Холопы быстро выбежали и стали седлать коней.

Князь ходил по горнице большими шагами и то и дело схватывался за волосы.

Позор! Теперь уже нет сомнения, что княжна убежала, коли объявилась и ее по-

мощница.

— Нашли? Привели? Вернулся кто? — спрашивал он у Антона через каждые пятьдесят минут, на что Антон неизменно отвечал:

— Нет еще, государь!

Поздно ночью вернулись друг за другом посланные в погоню холопы. Вернулись усталые, на измученных конях, все с одной вестью, что нигде и следа Дашкиного не видно. И нещадно бил их за эту весть батогами разъяренный князь, бормоча:

— Все вы, собаки, заодно с ними были!..

XII. В Коломне и городе

Было начало июля 1660 года. Царь Алексей Михайлович проснулся веселый и радостный. Ясный день еще более развеселил его.

— Ишь, благодать какая, Господи Боже мой! — сказал он своему постельничему. — Небо-то, что лазурь. Кажется, видишь самого Господа и ангелов, славословящих Его! Ишь, солнышко!

И он с улыбкою зажмурился от жгучего летнего солнца. Отстояв службу и выслушав по обычаю доклады, он усмехнулся и сказал окружавшим его боярам:

— Не можем здесь оставаться! Из терема на волю хочется. Чтобы завтра, Борис Иванович, — обратился он к Морозову, своему шурина, — нам в Коломенское ехать. Снаряди поезд!

Старик Морозов низко поклонился.

— Как милость твоя прикажет, — ответил он.

Царь кивнул.

— До сентября уедем! Пусть и царевны едут с нами, чего им тут киснуть. В городе

останутся... — царь оглядел бояр и сказал: — Ну ты, Михайло, у тебя горе, так оно и на руку. Не печалиться тебе на наших глазах. Да еще Куракины!

Куракины и Теряев поклонились.

— А сынов твоих возьму непременно! Петр на охоте первый товарищ! Без него никак нельзя. Ну да и к Терентию приобык я тоже. Умный он, рассудительный, и вести с ним беседу зело радостно.

Лицо старого князя осветилось улыбкою. Похвала его детям неволью радовала его.

— С царем в Коломенское поедете, — сказал он сыновьям, стоявшим в сенях, — царь, вишь, хвалил вас!

Терентий молча кивнул. Ему было безразлично. Князь же Петр затуманился. В эти летние ночи, ночь в ночь, он привык видеться с княжною, и теперь ему тяжело было лишиться себя этих свиданий.

В ту же ночь, расставаясь с княжною, он жаркими поцелуями осушал слезы с ее лазоревых глаз.

На другое утро все в Москве были в хлопотах. Готовился царский поезд, и старик Моро-

зов выбивался из сил, зная, как строг государь ко всякому порядку в церемониях. Подбирались кони, подбирались колымаги, скороходы, стрельцы, вершники, поездная прислуга.

Все должно было быть чин-чином, на своем месте, в своем уборе, с должной торжественностью, как в церковном обряде.

Суетились и те, которые должны были сопровождать царя, и те, которые оставались. Одни снаряжали свои поезда, другие отдавали распоряжения по дому, третьи хлопотали о порядке и торжественности царских проводов.

Князь Теряев с неизменным Кряжем снарядил весь свой охотничий убор и потом поехал в свой полк передать временное начальство над ним другому.

Приехав в полковую избу, он вызвал тысяцкого и сказал ему:

— Еду я, так за порядком князь Тугаев присмотрит!

— А коли и он уехал? — ответил тысяцкий.

— Куда, когда? Надолго?

— А не сказывал. Знаю только, что на вотчину, а на какую, неведомо. Так спешно

уехал, что даже и людей, сказывают, не взял с собою. Одного Антропку стремянного, и все!

«Диво! — подумал Петр, выходя из избы. — Куда ему так спешить надо было, что и мне не сказал. Ну, ужо вернется, скажет!»

На дворе он увидел немца Клинке и поручил ему надзор за полком.

— Карошо, — ответил тот, — я и так им муштру делайт!

— Ну, делай им, что хочешь, немец, — сказал Петр, — лишь бы они сыты были!

Длинной пестрой лентой потянулся царский обоз необыкновенной роскоши и пышности. Бежали скороходы рядами, за ними ехал отряд стрельцов и шестериком цугом запряженная золотая колымага, в которой ехал царь. Она окружена была вершниками и отрядом стрельцов с блестящими бердышами. Дальше на конях ехали ближние царя, а там опять скороходы и конные стрельцы и колымага царицы, позади которой верхом на лошадях ехал женский штат: постельницы, златошвейки, ткачихи, сказительницы, портомойки; дальше снова скороходы и, уже без конных, стрельцы, в одной колымаге — царь.

ские сестры, красавицы Ирина и Анна Михайловны. Царским сестрам невместно было выходить замуж за своих бояр, а за иностранцев, нехристей, выдавать было не в обычай, и они, пышные, цветущие, обречены были на девичество, на тяжкое теремное житье, про которое сложено так много грустных песен.

А за ними уже тянулись колымаги иных боярынь и, наконец, длинные повозки с шатрами, разным скарбом и целою кухнею на время переезда.

Поезд двигался медленно, вызывая изумление и восторг народа, который при приближении царской колымаги валился на колени и падал ниц на землю, не смея поднять головы.

Выехав из Москвы, царь вышел из колымаги, сел на коня и, окруженный свитою, выехал вперед, а поезд продолжал двигаться по дороге, подымая пыль, гремя, звеня своими металлическими частями и сверкая на солнце.

Вот по знаку царицы сенные девушки затянули песню. Она звонко полилась в ясном воздухе и вздымалась под самое небо.

Царь прислушался к ней и тихо засмеялся.

— Хорошо на свете жить! — с умилением произнес он.

Трое суток двигался поезд к Коломенскому, делая привал по дороге на целую ночь. Разбивались драгоценные шелковые палатки: для царя, для царицы, для царевен; вспыхивали костры, сутились в темноте люди, и царь наслаждался картиною тихой летней ночи.

Наконец приехали в село Коломенское, и потекла обычная дворцовая жизнь.

В четыре часа вставал царь и слушал заутреню, потом выходил на крылечко и здоровался со своими боярами. В эту пору должны были все уже быть налицо, и кто опаздывал, того Тишайший, шутки ради, купал в своем озере, называя его Иорданью. Тут же изредка выслушивал он челобитные, тут же, случалось, устраивал потешный бой, а иногда, вместо боя, при нем тут же батогами наказывались ослушники.

Потом царь шел слушать обедню, а там садился обедать и ложился на час времени спать.

После обеда выезжал он в поле с соколами,

а ввечеру играл в тавлеи [26], слушал сказочников или шел в терем поговорить с женою или сестрами.

Так тихо и мирно протекала его жизнь, а в это же время вся Россия колыхалась едва сдерживаемым волнением. По иным городам и селам стон стоял от сотен людей, выводимых на правез, и в самой Москве кипело недовольство.

Князь Куракин виделся с Теряевым и говорил ему.

— Что-то неладно у нас, соседушка, на Москве!

— А что? — спрашивал Теряев, весь погруженный в свое семейное горе.

— Да что! Воров развелось гибель! Письма разные подметные что ни день пристава по десятку приносят, голытьба шумит.

— Отряди каждому приставу десять стрельцов. Пусть ходят да гультяев батогами бьют, — спокойно ответил Теряев.

Куракин угрюмо покачал головою.

— Эх, чует мое сердце, что быть беде!

— Ну, чего там!

Действительно, в Москве уже что-то дела-

лось. На Козьем болоте от палачей отбили двух преступников, не так давно разнесли царский кабаk, всюду собиpался народ, больше гультяи, голытьба кабацкая да посадские, и о чем-то шумели. Приставы, врываясь в такую толпу, хоть и ругались и грозили палками, но уж в ход их пускать боялись, и приказные дьяки с опаской ходили по улицам.

Дьяк Травкин, тот прямо поселился в разбойном приказе и, напиваясь от страха пьяным, говорил боярину Матюшкину:

— Не, боярин! Я знаю этот воровской народ. Кого-кого к ответу потянут, а нас первыми. Помнишь Плещеева?

— Тьфу! Язык твой паскудный! — вскрикивал, бледнея и вздрагивая, боярин, а дьяк хихикал:

— Так-тось! А теперя только и говора на Москве: ты, да Милославский, да гость Шорин. Куракину вкатят тож! Ну так я уж тут лучше. Авось за меня наши молодцы заступятся, да опять и застенок претит им, прощельгам! Ха-ха-ха!

— С нами Бог, — говорил, качая головою, толстый Матюшкин. — Тебе, дураку, эти стра-

хи с пьяных глаз мерещатся. Где им супротив нас идти?

— А тогда шли?

— Тогда! За то и было им!

— Ну и Плещееву было тоже, и иным досталось!

— Тьфу, тьфу! Наше место свято! — плевался Матюшкин.

XIII. Перед грозой

Гроза надвигалась.

В ночь на 24 июля на Москве-реке за рыбным рынком в рапату Кузьмы Прокаженного собирались разные люди, один вид которых внушал опасение. Были это все статные, здоровые молодцы, кто в кафтане, кто в простой сермяге, кто в поддевке; сидели они вокруг длинного стола с чарками водки перед собою, но не было подле них женщин, и не играли они в зернь, а вели тихую беседу.

Во главе стола сидел знакомый нам Мирон, прозванный Кистенем. Волосы его поредели и поседели, но в лице сказывалась прежняя удаль разбойника, только время наложило на него печать угрюмости.

Рядом с ним по обе стороны стола сидели Никита Свищ, Ермил Косарь, Семен Шаленый, Федька Неустрой, Панфил и Егорка, а далее сидели посадские с разных концов Москвы, несколько рядных людей и просто кабацкая голытьба. Мирон говорил:

— Теперь до нас самая пора. Бояре разъехались, людишки их без дела ходят Ратные люди пьянствуют. Теперь и начинать надо!

— Покажем им кузькину мать! — вскрикнул Неустрой. — Вспомнит боярин Егор Саввич мою ногу!

Панфил мрачно стукнул огромным кулачищем по столу и сказал:

— Уж помянет и меня за все добро, за холопское житье, за плети и батоги!

— Пустое, — перебил их Мирон, — Матюшкин мой.

— Бросьте! — сказал высокий чернобородый посадский. — Полно перекоряться, кому кто достанется. Лучше разберем, как нам дело вести.

Старик в чуйке, сверкнув глазами из-под седых бровей, ответил:

— Чего ж и разговаривать? Дело ясное! Все

уж налажено: подымать народ с разных концов да и шабаш!

— А где собираться? А куда идти?

— А собираться, — ответил тот же старик, — на Красной площади, у лобного места, да на Козьем болоте, да в Охотном ряду; а идти прямо на дворы к Матюшкину, да в гости к Шорину, да к Милославскому.

— Пусть так и будет! — сказал Мирон. — Ладно надумал, Михеич. Только сговориться надо, чтобы все враз было. Завтра этим делом и заняться. Ты, Михеич, — кивнул он на старика, — народ к Охотному ряду соберешь. Ты, Сидор Карпыч, — сказал он посадскому, — на Козье болото, а я на Красную площадь, ее себе возьму. Вы, — кивнул он на своих приятелей, — завтра весь день по кабакам, кружалам да рапатам звоны звонить будете! И все чтобы на двадцать пятое к утру на места собирались. Двадцать пятого и ударим!

— Ну ин! — сказал старик. — Вот и уладились.

— И жарко им будет, волчьей падали, — сказал один из сидящих, — я уж этому Шорину попомню!

— Всем есть что им попомнить, — сказал хмурый мужичонко, — меня вон на правеже семь раз били. Не знаю, как душу не выбили.

— Никому, брат, теперь не сладко. Всякому и без соли солоно.

И они продолжали говорить между собою о тяжелых временах этого царствования. Жить было правда тяжело.

Внутри государства господствовало расстройство и истощение. Военные дела требовали беспрестанного пополнения ратных людей. Служилых людей то и дело собирали и отправляли на войну. Они разбегались. Сельские жители постоянно поставляли даточных людей, и через то край лишался рабочих рук. Народ был отягчаем налогами и повинностями. Поселяне должны были возить для продовольствия ратных людей толокно, сухари, масло. Торговые и промышленные люди были обложены десятою деньгою, а в 1662 году на них наложена была и пятая деньга. Налоги эти производились таким образом: в посадах воеводы собирали сходку, которая избирала из своей среды окладчиков; эти окладчики прежде складывали самих себя, а потом всех

посадских по их промыслам, сообразно сказкам, подаваемым самими посадскими, причем происходили бесконечные споры и доносы друг на друга. Тяжела была эта пятая деньга, а финансовая реформа, до которой додумалось правительство, желая поправить свои дела, произвела окончательное расстройство. Правительство, стремясь скопить как можно больше серебра для военных издержек, приказало всеми силами собирать в казну ходячую серебряную монету и выпустить вместо нее медные копейки, денежки, грошовики и полтинники. Чтобы привлечь к себе все серебро, велено было собирать недоимки прошлых лет, а равно десятую и пятую деньгу не иначе, как серебром, ратным же людям платить медью. Вместе с тем правительство издало указ, чтобы никто не смел подымать цены на товары и чтобы медные деньги ходили по той же цене, как и серебряные. Но это оказалось невозможным: стали на медные деньги скупать серебряные и прятать. Этим поднялась цена на серебро, а затем на все товары. Служилые люди, получая жалованье медью, должны были покупать себе продовольствие

по дорогой цене. Кроме того, легкость производства медной монеты тотчас искусила многих: головы и целовальники из торговых людей, которым был поручен надзор за производством денег, привозили на денежный двор свою собственную медь и делали из нее деньги; сверх того, денежные мастера, служившие на денежном дворе, всякие оловящики, серебрянники, медники делали тайно деньги у себя в погребах и выпускали в народ; таким образом медных денег делалось больше, чем было нужно. В одной Москве было выпущено поддельной монеты на 620 000 рублей. Медные деньги были пущены в ход в 1658 году и по первое марта 1660 года дошли до того, что на рубль серебряных денег нужно было прибавить десять алтын; к концу этого года прибавочная цена дошла до 26 алтын 4 деньги; в марте 1661 года за рубль серебряных денег давали два рубля медью, а летом 1662 года возвысилась ценность серебряного рубля до восьми рублей медных. Правительство казнило нескольких делателей медной монеты; им отсекали руки и прибавали к стене денежного двора, заливали растопленным

оловом горло. Но тут распространился слух, что царский тесть Милославский и любимец Матюшкин брали взятки с преступников и выпускали их на волю. По Москве стали ходить подметные письма; их прибывали к воротам и стенам.

Москва волновалась.

24 июля по кружалам и кабакам шел невиданный разгул. То здесь, то там появлялись запрещенные скоморохи и разыгрывали грубые фарсы.

Выходил один скоморох, важно садился наземь и кричал:

— Я воевода! Кто ищет суда несправедного, идите ко мне!

И тотчас выходили два скомороха, будто жалобщики. Один плакался, что его другой избил, и животишки, и женку отнял, а другой только молча показывал воеводе в тряпицу завернутый камень, и воевода решал дело в его пользу.

Тогда обиженный вскрикивал: «Так я ж тебя, жмох, обидчик!», — прыгал ему на плечи и, нахлестывая жгутом, начинал гонять.

Мнимый воевода вопил, а неприхотливые

зрители дружно гоготали.

— Так его! Жги!

— Истинно, судья неправедный!

— Брюхо толстое, совесть краденая!

— Всех их бить так-то бы!

— Ну, вы! Не очень! — время от времени покрикивал на них целовальник, когда они уж очень энергично высказывали свое мнение. — Неравно пристав придет!

— Небошь будет им всем завтра! — выкрикивали из толпы.

Это «завтра» стоустой молвой шло по Москве, как вода в половодье, разливаясь по всем улочкам, закоулочкам, по всем кутам.

— Завтра!

В торговых рядах говорили:

— Ужо Шорин попомнит нашу пятую деньгу!

По посадам шли оживленные толки. Народ собирался кучками, и шмыгавшие то тут, то там люди что-то оживленно шептали.

Куракин снова пошел к Теряеву и взволнованно говорил ему:

— Беда, Михаил Терентьевич, впору стрельцов собирать!

— Да что такое?

— А то! Ты вот в хоромах сидишь, а послушал бы, какие речи ведутся. Вон Матюшкин боярин ко мне цидулу прислал. Слышь, вчера опять двух колодников отбили. Пристава что ни час кого-нибудь в приказ за буйные тащат речи. Беда идет!

Теряев выпрямился.

— А коли беда, Иван Васильевич, — просто сказал он, — так неужто мы ее с тобой и отстранить не сумеем! Не бойсь!

— Не за себя и боюсь, а за иных прочих. Слышь, Милославские народу не любы, Матюшкин, Шорин.

— И пусть! Мздоимцы!

Все же Теряев на время отрешился от своей печали и поехал по стрелецким полкам. Их стояло в Москве три, не считая рейтарского.

Стрельцы жили по своим домам, со своими семьями, занимаясь кто торговлею, кто хозяйством.

Князь объехал полковников и наказывал им беречься.

Ему теперь и самому начало казаться, что

В воздухе чем-то пахнет.

То и дело по дороге ему встречались недовольные лица, и толпа не оказывала ему того почтения, какое обыкновенно оказывало всякому боярину, а тем более временно правящему городом.

Несколько раз до него донеслись злобные возгласы.

«Да, что-то есть, — думал он, внимательно вглядываясь в толпу, — прав мой Терентий: больно уж прижимают этих людишек...»

XIV. Гроза

Наступило ясное, светлое утро рокового 25 Июля. Огромная толпа народа стояла на Красной площади, и Мирон, стоя на какой-то бочке, кричал во все горло:

— Довольно, православные! Натерпелись! Теперь наш черед.

Толпа отвечала ему нестройным гудением. В это время два пристава с малыми отрядами стрельцов врезались в толпу с криками:

— Эй вы, государевы ослушники! Расходитесь подобру-поздорову, а не то я вас батогами!

Толпа молча сдвинулась вокруг них и зарокотала:

— Довольно! Не фордыбачь! Не то разложим да самому всыплем!

— Чего, братцы, смотреть на него, толстопузого? Бей! — раздался чей-то визгливый голос в толпе.

И не успел пристав оглянуться, как сильные руки взметнули его наверх, и он, ошалевший от страха, как мяч стал перебрасываться с рук на руки над головами под дикий рев тысячи глоток:

— Вот так! Важно! Вот как мы его, брюхана! Гуляй, Душа, не хочу! — И последние руки с силою швырнули его на землю. Пристав лежал некоторое время неподвижно, а потом вскочил и опрометью бросился бежать, позабыв все свое степенство.

А толпа тем временем с глухим ревом раздельвалась со стрельцами. Мирону нечего уже было делать. Он слез с бочки. В толпе раздавались голоса:

— По боярам! По боярам!

— На Куракина, на Матюшкина!

— К царю, в Коломенское! Будем ему че-

лом бить! — И толпа волною хлынула по площадям и улицам.

То же самое происходило и на Козьем болоте, и в Охотном ряду. Толпа, двинувшаяся с Козьего болота, разбила ближнее кружало и перепилась даровою водкой, потом с нестройным гиком двинулась по берегу Москвы-реки, направляясь к Кремлю. В Охотном ряду все единодушно порешили идти на Коломенское и густою толпою пошли к заставе. Стон стоял в воздухе. Встречавшиеся по дороге бояре, дьяки, приказные и стрельцы подвергались глумлению.

— Ужо вам, наши обидчики!

— Будет! Похозяйничали!

— А ну, братцы, как это они батогамы лущили нас? — и толпа била их, заушала и бросала на улице полумертвыми.

— Эй, жги, жги, говори, говори! — визжал Неустрой, вертясь перед отдельной ватагой.

— Не все ненастье, выглянет и солнышко! И на нашей улице праздник! Братцы, не разбить ли нам еще кабака?

— Го-го-го! — заревела ватага. — Хорошо умыслил!

— Идем на Балчуг!

— На Балчуг! На Балчуг!

— Стой! — ревела толпа в ином месте. —

Никак боярские хоромы?

— И то!

— Ломись в ворота, ребята!

— Эй, холопишки, отворяй ворота! — И толпа стала ломать крепкие дубовые ворота.

Князь Куракин, князь Теряев, дворянские и боярские дети, приказные и воеводы, все смутились и растерялись, хотя и были подготовлены к волнению.

Князь Теряев оправился одним из первых и стал распоряжаться:

— Ты, Никитин, — обратился он к дворянскому сыну, — садись на коня и, коня не жалея, гони в Коломенское. Пусть царь бережется, а Милославский хоронится. А вы, Чуксанов, Дмитриев, Сергеев, по стрелецким полкам спешите, чтобы все они сюда шли, а городские ворота везде запереть.

Дворянские и боярские дети поскакали по назначению, а Теряев тронул коня и поехал к толпе. Ему встречались то тут, то там кучи народа, и он уговаривал их:

— Православные, чего шумите? Царь узнает, осердится, прикажет искать ослушников и наказывать! Никого не пощадит. Расходитесь лучше с миром, каждый по своему делу!

В толпе узнавали Теряева и отвечали ему:

— Уходи, князь! Не твое тут дело. Теперича мы всему голова!

Уже несколько боярских домов было разбито, а от царевых кабаков не осталось памяти. Пух из выпущенных перин, словно снег, летал по воздуху; народ опьянел и с диким криком носился по улицам, а густая толпа волною шла на Коломенское, чтобы жаловаться царю на своих притеснителей. Ворота не успели закрыть вовремя. Стрельцы собирались неохотно, боясь за себя, и восстание разрасталось и охватывало всех, кто не стоял у правления.

Царь вернулся с охоты и весело разговаривал со своими приближенными, сидя на кресле в своем саду.

Князь Терентий Теряев стоял в задних рядах, не желая выдвигаться вперед, и думал свои мрачные думы. Царский тесть, Мило-

славский, и старый Морозов стояли подле царя. Петр Теряев стоял неподалеку и отвечал царю:

— Вестимо, государь, противу твоих соколов нигде в мире других не найдется!

— Я тоже так мыслю, — ответил царь, — а теперь вот мне от Строгановых соколов везут. Так, сказывают, таких больших и сильных не видано. — И лицо его сияло тихой радостью.

Известно, что царь Алексей Михайлович очень любил соколиную охоту, тратил на нее все свои досуги и огромные деньги. Соколы доставлялись ему со всего света. Для них были отведены просторные помещения. К ним были приставлены особые люди, и нередко эти люди отвечали головой за пропавшего сокола. Государь заботился о них больше, чем о своих подданных, и каждое утро царский сокольничий подавал ему отчет о состоянии здоровья его любимых соколов.

В момент перерыва разговора боярин Ртищев ввернул свое слово.

— Государь батюшка, — сказал он, кланяясь, — дозволь твою душу потешить! Здесь у нас, в Коломенском, силач оказался. Дозволь

его с Антропкою свести!

Царь засмеялся. Глаза его вспыхнули оживлением.

— Хорошо удумал, боярин! — сказал он ласково. — Веди их обоих сюда. Потешимся!

Боярин поклонился и торопливо пошел из сада. Он вернулся через несколько минут, ведя с собою запыленного, усталого на вид юношу. Царь с изумлением посмотрел на него.

— Это и есть твой боец? — спросил он насмешливо.

— Нет, — тихо ответил Ртицев, — из Москвы.

А юноша упал перед царем на колени и громко заговорил:

— Я, государь батюшка, твой холопишко, дворянский сын Никитин. А послали меня к тебе князя Теряев и Куракин из Москвы.

— Али что случилось? — тревожно спросил царь.

— Случилось, государь! — ответил Никитин. — Людишки замутились; голытьба поднялась. Шумят на Москве — половина двинулась к тебе в Коломенское. Я обогнал их в пути. Князь Теряев наказывал тебе беречься, а

князю Милославскому припрятаться.

Словно грянул гром с ясного неба, так поразила всех весть, раздавшаяся внезапно среди общего веселья. Бояре побледнели и понурились. Князь Милославский стал белее полотна, а лицо государя приняло скорбное, страдающее выражение.

— Вот они, слуги мои верные, — тихо произнес он, — второй раз меня с моим народом ссорят!

Он опустил голову. Потом поднял ее и сказал:

— Князь Хованский! — Красивый мужчина лет сорока вышел из толпы и преклонил колени. — Поезжай не мешкая. Успокой, спроси, чего надобно? Скажи — мы рассудим, чтобы всем хорошо было, и сейчас сами на Москву будем!

Князь поклонился и пошел из сада. Из толпы выдвинулся молодой Петр и упал царю в ноги.

— Государь батюшка, — произнес он, — дозволь мне вместе с Хованским ехать! Там мой полк стоит!

Царь ласково кивнул ему головой.

— Добро! — сказал он. — Поезжай!

Князь Петр стукнул лбом и побежал догонять Хованского.

Его сердце трепетно билось и замирало. Княжна Куракина оставалась в Москве, и он трепетал, думая об опасности, которой она подвергалась; а Никитин все время стоял на коленях, пока царь не обратил на него внимания.

— Встань, добрый молодец, — сказал он ему ласково, — спасибо тебе на службе. Хоть и не радостную весть мне принес. Жалую тебя к руке! Поди к нам в покои, отдохни и подпишись!

Никитин приблизился к царю, поцеловал руку и пятясь пошел к выходу. Царь встал. Веселье окончилось.

— Пойти, — сказал он Морозову, — подумать, что делать тут! — И он тяжелой, медленной поступью пошел ко дворцу. Часть бояр осталась в саду. Всем было не по себе. Всякий знал, по примеру прошлого, что теперь идет в Москве разгром их животов, и никто не смел в то же время отлучиться от двора.

Терентий тихо осенил себя крестным зна-

нением и подумал: «Вот и идет наказание за отступничество. Верно говорил Аввакум: тяготеет над нами карающая десница Господа...»

XV. Продолжение

Ни слова не говоря друг другу, пригнувшись к шеям коней, мчались во весь дух Хованский и князь Петр Теряев в сопровождении Кряжа и нескольких слуг.

Москва шумела, как море в осеннюю непогоду. Целый день громили боярские хоромы, целую ночь шло пьянство; то тут, то там вспыхивали пожары. Стая диких зверей, выпущенных на волю, не так страшна, как разъярившаяся чернь, а она разжигала себя криками, убийствами и вином. Мирон, увлеченный мстью, ни о чем не думал, кроме как о Матюшкине; зато его товарищи вспомнили ремесло и грабили везде, что можно и где можно. Они уже оделись в дорогие кафтаны ярких цветов, опоясались саблями и выглядели молодцы молодцами. Пьяная голытьба из боярских погребов выкатывала бочки с вином и медом и пила хмельное из серебряных

ковшов и драгоценных кубков.

Князя Теряев и Куракин сидели в осаде. Их дома со всех сторон окружила бунтующая чернь и с гамом ломала ворота, а князя заперлись в домах, окружили себя немногими верными холопами и готовились умереть в неравном бою.

Княгиня Теряева, обнявшись со своею невесткою, плакала и дрожала в своем терему.

В терему Куракиных происходило то же.

Княжна, бледная, как весенний снег, княгиня, дрожащая как осиновый лист, плакали и кричали, им вторили мамка с санными девушками, а со двора неся гул пьяной и буйной черни и резкие удары бревен в ворота.

Стрелецкие полки снарядить не успели, и отдельные их отряды тревожно метались по городу, затевая стычки, в которых иной раз были побеждаемы, иной раз побеждали сами — и тогда волокли своих пленных в приказы, которые отстаивались заплечными мастерами.

Хованский и Петр влетели в город, чуть забрезжил день.

Было еще три часа утра, а Москва уже шумела, как морской прибой.

— Я к своим рейтарам! — сказал Петр.

— А я на площадь! — ответил Хованский. — Прощай!

— Князь, — промолвил Кряж, — накинь мой зипун, а то нас, как пить дать, с коней сволокут.

— Давай!

Кряж быстро отвязал от седла свой серый зипун и накинул его на князя. И было самое время. Прямо навалила огромная толпа, запрудив всю улицу.

Они прижались к забору. Их кони насторожили уши и пугливо вздрагивали. Толпа приближалась.

Впереди шел огромный детина в парчовом кафтане и, махая бобровую шапкою, кричал:

— Всех бояр изведем, братцы! Поклонимся царю-батюшке и скажем: будь сермяжным, а не боярским царем!

— Го-го-го! Карачун боярам! — гремела толпа.

— Эй, жги, говори! Над боярами что хочешь, то твори! — визжал чей-то голос.

— Кого бить теперь?

— Куракина с Теряевыми добивать надо!

— К ним, к ним!

И с этими криками толпа поравнялась с нашими всадниками.

— Это что еще за птицы? — закричали из толпы. — На конях народ давить, а? Чьи холопы?!

Кряж толкнул Петра и тотчас ответил:

— Теряевские! От них убежали и коней увели. Все хоть есть чем их попомнить.

— Верно, — закричал кто-то.

— Что, братики, луцат их? — спросил во-жак.

— Во как! — наудачу ответил Кряж.

— А соседа окаянного?

— Тоже!

— Ребята, гайда! На помогу! — И толпа ринулась бегом.

Вскоре улица опустела. На Кряже и его господине лица не было.

— Плохо, Кряж; может, их и в живых нету!

— Спешить, князь, надо!

— Скачем! До полка недалеко!

И они поскакали к своему полку.

Там шли сборы.

Немец Клинке не поступил как прочие начальники и не решился разбивать полк на отряды, а хотел собрать его в полном составе и весь вчерашний день разыскивал солдат.

Петр влетел на двор и бросился к нему.

— Много народу?

— О та! — торжествующе ответил немец. — Пошти все, окромя тех, что с бунтовщиками ушли!

— Сбирайте их!

— Они собраны! Здесь! Бей в тулумбас! — велел он дежурившему. Тот стал колотить палкою по огромному барабану, и на его гром стали сбегаться солдаты.

— Здравствуйте, други! — сказал им Петр. — Идем скорее своих спасать.

— Здрав будь, князь! Идем! — закричала толпа солдат.

Клинке поспешно выстроил их.

— Ну, с Богом! — сказал князь, становясь впереди них на коне. — Идти тесно, не разбиваться. Отдельных драк не затевать! Придем на место, так команду слушать. Да зарядите пищали!

Спустя несколько минут рейтарский полк числом 400 человек плотною массой двигался по кривым улицам, спешно направляясь к домам Теряева и Куракина.

Петр вел их и замирал от страха.

Что он увидит? Что застанет? Может, уже обгоревшие стены и обугленные трупы.

Он бледнел и вздрагивал при одной этой мысли.

— Скорее, скорее! — торопил он. Им навстречу попадались кучки пьяного народа, при виде силы поспешно разбежавшегося в разные стороны.

Наконец, широкою лентою сверкнула Москва-река. Петр увидел небольшой холмик, на котором стояли дорогие ему усадьбы, взглянул на них и замер.

Словно муравьями, они были облеплены кругом бунтовщиками.

— Ломи! ломи! — доносились среди гула отдельные возгласы.

— Огня бы!

— Смерть им, окаянным!

— Покажем им, как наши за царя правят!

— Налегай!

— Эй, ухнем! Праз!

— Тащи, братцы, смолы да пакли!

Петр остановил полк, подозвал Клинке и еще двух офицеров и стал с ними советовать. Потом они разделили полк на три части. Одна осталась на месте ожидать сигнала для помощи или бить беглецов, другая пошла низом по берегу реки в обход к дому князя Куракина, а третья, с Петром во главе, пошла напрямиком на холм.

Князю Теряеву и Куракину приходилось плохо. Чернь разломала ворота и волною хлынула на дворы. Забор был разметан, и оба дома соединились в один. Часть толпы побежала в погреба, часть бросилась к домам, где встретила отпор, но недолговременный. Силы были слишком неравны. Слуги Куракина в смятении бросились наверх в терем.

— Переряжайтесь, голубушки! — кричала растерявшаяся мамка. — Одевайтесь сенными девушками! Авось от них, нахальников, нашу пташку спасем!

Княжна лежала почти без чувств, пораженная ужасом. Княгиня выла на весь терем. А внизу ревела буйная толпа. Вдруг по всему

двору пронесся крик, почуялось смятение. Раздались выстрелы. Послышались боевые крики.

Мамка бросилась к окошку, заглянула в него и закричала.

— Спасены! спасены! И опять наш голубчик тут!

— Кто? — спросила княгиня.

— Да все он, Петруша, князь Теряев! — И, смотря в окошко, она продолжала рассказывать:

— Ишь, как мечется на коне, словно молния! Так и бегут от него разбойники. Вон теперь метнулся на отцовский двор!

Княжна очнулась от слов своей мамки и жадно вслушивалась в ее слова. Сердце ее трепетало и билось, лицо покраснелось, и она вполголоса говорила:

— Он, мой сокол! он, мой голубчик. Это ему Мать Царица Небесная на сердце послала!

Князь Петр поспел в самое время. Едва хлынула толпа во дворы, он ворвался следом за нею и клином врезался в нее со своими рейтарами. Раздался залп из пицалей, и полупьяная безоружная толпа с воплями ужаса

заметалась по двору. Рейтары били направо и налево; княжеские слуги выскочили из засады дома и стали вязать веревками попадавших им. Пораженные отчаянием бунтовщики бросились прочь из дому, но там по дороге их перехватили оставшиеся в засаде отряды. Князь Теряев, мысленно обрешив себя на гибель, со слезами радости обнял сына:

— Петруша, — сказал он, — и жизнь твою, и честь спас!

Петр освободился из его объятий и торопливо промолвил:

— Постой, батюшка, я к соседям наведаюсь!

С этими словами он бросился на двор Куракиных и на полдороге столкнулся с самим князем. Тот обнял его и горячо сказал:

— Как отблагодарить тебя, добрый молодец, и сам не знаю. Допреж жену мою и дочку спас от разбойников, а теперь нас всех от смерти неминуемой избавил. Чем отблагодарить тебя, не ведаю!

Петр вспыхнул и, запинаясь, проговорил:

— Скажи князь, что с княжною? Перепугалась, поди!

Князь широко улыбнулся и, взяв Петра за руку, сказал:

— Пойдем вместе, посмотрим, что с ними случилось. Мне, признаться, не до них было, а теперь и самому посмотреть охота!

Петр, замирая от радости, пошел следом за князем. Они прошли сени, миновали ряд покоев, поднялись по узкой деревянной лестнице и вошли в терем.

— Ну, как вы тут? — произнес весело князь Куракин.

Княжна оглянулась, увидала Петра и, не в силах сдержать своей радости, бросилась к нему с криком:

— Петруша ты мой!..

Но тут же застыдилась, закрыла лицо руками и убежала в свою светелку. Петр поднял было руки, но тотчас опустил их и смущенно потупился.

— Ахти, срам какой! — воскликнула, всплеснув руками, княгиня, а князь громко засмеялся и, потрепав Петра по плечу, сказал:

— Вот ты молодец какой, выходит! И сватов засылать не надо. Сами про себя сговоры устроили. Ну-ну, что тут? Дело молодое! Пой-

дем к отцу пока что!

Петр порывисто поцеловал его в плечо, а он, обняв Петра, повел его из терема, говоря по дороге:

— Добро, что ты вернулся. Мы, признаться, с князем проморгали беду-то! Все: авось да небось, а беда тут как тут. Пойдем теперь, покалякаем, что делать нам.

Они вошли в дом князя Теряева, и Куракин издали закричал:

— Ну, князь Михайло Терентьевич, не будь сына твоего, пропадать бы нам!

— Что ж, — с тихою улыбкой ответил князь, — он свое дело делал.

Они вошли в горницу и сели за стол, на котором стояла уже еда, и начали разговаривать о текущих событиях.

XVI. Крутая расправа

Мирон с Панфилом, едва только начались беспорядки, прямо двинулись ко двору боярина Матюшкина. Их сопровождала огромная толпа гультьев.

Не доходя до двора Матюшкина, Мирон остановился и сказал:

— Братцы, тут нас для этого пса много. Пущай половина идет на разбойный приказ да колодников выпустит, а я тем временем боярина пощупаю, а добро делить потом приходите!

Толпа с гулом разделилась на две части, и одна двинулась на разбойный приказ, это ненавистное всем, проклятое место, а другие, во главе с Мироном, на двор Матюшкина.

Боярин, ничего не подозревая, медленно прохлаждался за обедом и тянул вторую ендову меда, когда в горницу вбежал испуганный отрок.

— Боярин, — закричал он, — ты тут сидишь, а в Москве бунт. Народ, вишь, к тебе валит. Беда!

Боярин даже поперхнулся медом и вско-

чил с лавки. Босой, распоясанный, бросился он в терем, прямо к жене, и закричал:

— Матушка, Лукерьюшка, спасай меня от воров! — и с этими словами лег на кровать, прикрывшись перинами, но перина вздулась горою, и за версту можно было догадаться, что здесь спрятался человек. Он соскочил с постели и полез под кровать.

— Закидай меня какой рухлядью, — прохрипел он оттуда.

Лукерья Даниловна заметалась по тесной горнице.

А двор уже заняли гультяи. Мирон и Панфил с несколькими молодцами ворвались в хоромы и яростно шарили по всем углам, ищи боярина.

— И куда ему деться, собачьему сыну? — рычал Мирон, перебегая из горницы в горницу.

— Пройдем наверх, — предложил Панфил, и они бросились по лестнице в терем.

— Куда вам? Чего вам? — закричала, загроживая им дорогу, толстая баба в повойнике.

— Пусти, Лукерья Даниловна, — сказал ей

Панфил и шепнул Мирону:

— Беспременно тут.

Мирон рванулся вперед. Боярыня вцепилась в его бороду. Мирон с яростью толкнул ее в грудь, и она отлетела от него, сделала несколько скачков, грузно упала, ударилась виском об угол железного сундука и обмерла, заливая пол кровью. Мирон бросился к постели, сорвал полог, сбросил перины и, не найдя боярина, стал смотреть по углам. В это время Панфил заглянул под кровать и радостно закричал:

— Здесь он! здесь!

Мирон нагнулся тоже и увидел ничком лежавшего боярина.

— Эй, ты, волчья сыть, — закричал он, — вылезай честью! — Боярин не шевелился. Мирон повторил оклик и потом сказал Панфилу:

— Тащи его!

Панфил тотчас нагнулся и ухватил боярина за ноги.

— Егор Саввич, — заговорил он насмешливо, — вылезай, пожалуйста. Девки тебя давно уж ждут! — И он потянул боярина за ноги, но боярин ухватился за ножки тяжелой кровати,

и она потащи́лась вместе с ним.

— Ишь, песий сын! — проговорил Панфил. — И тут кочевряжится. А ну, я ж тебя! — И он освободил одну руку, уперся ею в дубовую кровать, а другою с такой силой рванул боярина за ногу, что тот до половины выкатился из-под кровати. Лицо его ударилось о ножку и окровавилось.

— Не хотел честью, пес! — сказал Панфил с укоризною.

Боярин лежал недвижим.

— Вали его на себя, — сказал Мирон, — и тащи к девкам.

Взвалить семипудовую тушу боярина себе на плечи для Панфила не представляло никакого затруднения. Он ухватил его за руку и за ногу, крикнул, вскинул себе на плечо, как мешок, и поволок вниз по лестнице. Мирон пошел за ним следом, а Лукерья Даниловна, не приходя в сознание, лежала на полу с проломленной головой.

Тем временем гультяи, ворвавшись в погреб, с жадностью пили мед и пиво и пьяные выбегали на двор снова. Мирон с Панфилом перешли двор, сад и подошли к одинокой ба-

не, где когда-то томилась Акулька. Сильным ударом чекана [27] Мирон сбил замок и, распахнув дверь, вошел в просторную горницу. Четыре девушки при их входе испуганно забились в угол.

— Уф! — сказал Панфил, опуская на землю боярина.

Мирон обратился к девушкам и сказал:

— Не бойтесь, милые! Не обидчики мы вам! Принесли мы вам в подарочек боярина, чтобы с ним за ваши слезы рассчитаться!

— А вы сами кто? — спросила одна из девушек.

— А мы вольные люди; тоже счет с боярином имеем. Так вот и привели его сюда, чтобы со всяким посчитаться можно было.

Девушки оправились и вышли из угла, пугливо смотря на огромную тушу недвижно лежащего боярина.

— Сбегай-ка, Панфил, за водою, — сказал Мирон, — да заодно достань прутьев с батогами, угольев, ежели найдешь, а то просто венников пару!

Панфил ушел, а Мирон остановился над боярином и со злобной радостью смотрел на

него.

— Сократился, — прошептала одна из девушек, — довольно насильничал над нами, срамник!

— Давно вы у него? — спросил Мирон.

— Шестой месяц! — ответила одна.

— Четвертый месяц! — ответила другая.

— А я уж год, как мучаюсь! — сказала третья, а четвертая только пронзительно завывала от обиды и горя.

И полились их жалобные рассказы. У всех у них была одна история с Акулиной. Так же их взяли в застенок, а из застенка перевели сюда.

— Не сдается которая, ту секут. Вона одну, рассказывают, насмерть засек, разбойник!

Мирон вздрогнул и сказал:

— Это была моя любовница!

— Горемычный ты! — воскликнула одна из несчастных.

Мирон усмехнулся:

— Теперь он горемычный! — и ткнул боярина ногою в бок.

Тот давно очнулся, но нарочно не двигался и сдерживал дыханье, слушая эти разговоры

и думая о своей горькой участи. От толчка в бок он простонал. Мирен обрадовался и нагнулся.

— А, боярин, прочухался?

В это время вошел Панфил с пучком розог, несколькими плетями и пачкой веников. За ним следом вошло несколько холопов.

— На боярскую расправу поглядеть! — сказали они просительно.

— Что же, можно! — усмехнулся Мирон и снова толкнул боярина. — Ну-ка, поворачивайся, что ли! Братцы, — сказал он холопам, — скиньте-ка с него рубашку!

Холопы бросились и в один миг сдернули с него рубаху. Мирон роздал девушкам кому плеть, кому розгу и сказал: — Считайтесь с ним, а я опосля!

Девушки пришли в неистовство. Они вспоминали лихому боярину все свои обиды и хлестали его нещадно под прибаутки холопов, а Мирон тем временем разжигал веники.

— А это тебе за Акульку! — сказал он, когда девушки устали хлестать, и начал водить пылающим веником по истерзанной спине боярина. Тот лишился чувств, но от этой адской

боли очнулся, закричал не своим голосом и снова лишился чувств.

— Не нравится! — усмехнулся Мирон.

— Пусти-ка и меня! — сказал Панфил и, ухватив ус боярина, вырвал его с мясом.

Девушки побледнели от ужаса и с криком выбежали из бани. Холопы оторопели, и только Панфил с Мироном продолжали свою дикую расправу, радуясь каждому стону, вырывающемуся из полурастерзанного тела боярина.

Когда они оставили его, тело Матюшкина представляло кровавую обугленную гору, в которой не было даже признака человеческого.

Панфил и Мирон вышли мрачные, торжественные и, миновав двор с бушующими гультиями, вышли на улицу.

Им навстречу бежала толпа; среди всякого сброда виднелись то тут, то там страшные лица колодников.

Несколько человек, составлявших ядро толпы, высоко поднимали на палке отрубленную голову и кричали:

— Со всеми так будет! Ладно, поиграли на-

ми, пошутим и мы!

— Берегись, спесь боярская!

Мирон взглянул на отрубленную голову и узнал в ней голову дьяка.

— Всем один конец, это верно! — произнес он злобно.

— Эй, вы! Куда ж теперь идти хотите? — закричал он толпе.

Толпа остановилась. Многие узнали в нем своего вожака и закричали:

— Куда поведешь нас! Мы за тобою!

— Тогда к Шорину!

— К Шорину! к Шорину!

— Гайда, ребята!

В это время со стороны города подбежала ватага.

— Братцы! — закричали они. — Бежим на площадь! Там от царя гонец!

— На площадь!

— От царя гонец!

Голова Травкина, сброшенная с палки, полетела на землю и глухо ударилась.

Толпа ринулась по улицам, давя и толкая друг друга, прямо на Красную площадь.

Мирон с Панфилом медленно шли позади.

— Не улестил бы народ он только, — озабоченно говорил Мирон.

По дороге встречались отдельные ватаги; они присоединялись к толпе и текли на площадь, как лавина.

XVII. Безумие

Хованский на взмыленном коне стоял посреди Красной площади и надрывался от крика. Кругом его, куда ни глянь, виднелись головы, лица и шапки, и только огромная любовь москвичей к Хованскому разрешала ему такую безумную отвагу.

Он не думал об опасности и кричал, надрываясь:

— Православные! Народ московский! Что вы затеяли? Очнитесь! Царь-батюшка милостив и ваши вины пока что отпустит. Не одумаетесь, поздно будет! Ни за что пропадете. У царя немало войска и верных слуг!

— Мы не на царя, а на слуг его! — закричали из толпы.

— Мы тебе зла не желаем! Оставь нас!

— Православные, люди добрые! — надрывался Хованский. — Успокойтесь! Царь за

мною в Москву будет. Все рассудит!

— Пусть бояр-изменников выдаст! Пусть собаку Милославского нам отдаст!

— Оставь, Хованский, ты человек добрый, в наше дело не вмешивайся.

— Братцы! — раздался зычный голос Мирона. — Да чего ждать? Идем на Шорина!

— К Шорину! к Шорину!

— Хованский, уходи!

— Прочь с дороги!

И, как вспененное непогодой море, толпа вдруг заволновалась, метнулась направо, налево и потекла.

— К Шорину? — раздались крики.

Хованский направил коня к дому Теряева и стал медленно пробираться в толпе.

Князь Теряев с сыном Петром и князем Куракиным держали совет, когда приехал Хованский.

Он слез с коня и неслышно вошел в горницу. Строгие до внешнего этикета московские бояре теперь и не подумали о нем.

— Что, упарился? — спросил его Куракин, зная от Петра об его приезде. — Уговорил?

Хованский только качнул головою.

— Дай испить, — попросил он Теряева, — всю глотку надорвал!

Теряев хлопнул в ладоши и велел подать меду и кубок.

— Тяжелые времена переживаем! — сказал он. — Беда отовсюду! И война, и голод, и дома нелады.

— И не скажи! — Хованский махнул рукою. — Слышь, выдай им Милославского. Теперь на Шорина пошли. Хорошо, коли убежит!

— Не грех и Милославского трепануть, — сказал Куракин.

Хованский усмехнулся и погрозил пальцем. Потом сказал:

— Ну, я сейчас и назад к царю! А вы что делать будете?

— Мы-то? Да вот наш воин, — князь Куракин указал на Петра, — берется стрельцов собрать да свой полк, и по малости укрощать будем. Где можно. Дворец побережем, казну...

— Ну, ин! — сказал Хованский. — Я еду. Князь, нет ли коня у тебя? Мой угнался!

— Бери любого, — ответил Теряев и приказал приготовить коня.

Мятежники бросились к дому гостя Шорина, разбили его, разграбили, искали самого Шорина и не нашли его. Вместо него они схватили его пятнадцатилетнего сына.

— Где отец? — кричали они, встряхивая его.

— Он еще на неделе уехал!

— Куда?

— А не знаю.

— А, щенок! падаль! врать еще! Говори, что в Польшу уехал, с письмами от бояр, чтобы царю изменить!

— Не знаю!

— Говори, как наказываем; не то живьем сожжем!

Мальчик заплакал.

— Ну, куда твой отец уехал?

— К полякам с боярскими письмами, чтобы царя известить! — ответил он, дрожа от страха.

— Го-го-го! — загудела толпа.

— Братцы, к царю его! В Коломенское! Пусть на бояр докажет!

— К царю! к царю!

— Всех бояр-изменщиков на виселицу!

— В Коломенское! — И, подхватив мальчишка Шорина, толпа хлынула из Москвы.

Хованский выехал от Теряева, увидел движение толпы и вернулся.

— Все бегут из города, — сказал он, — вероятно, в Коломенское. Вы, как они уйдут, ворота закройте, а потом следом войско пустите!

— Хорошо! — согласились градоправители и сделали так, как сказал Хованский.

Ворота заперли, едва вышла толпа.

Петр поручил немцу Клинке ловить со стрельцами оставшихся воров, а сам, собрав свой полк и прихватив еще стрелецкий, три часа спустя двинулся в тыл бунтующим и шел за ними следом, готовя им поражение.

— Не иначе как на Москву ехать! — решил государь со своими боярами, поднимаясь с кресла.

Милославский робко заметил ему: — Боязно, государь!

Царь взглянул на него и вспыхнул как порох. Глаза его сверкнули.

— Мне боязно? — воскликнул он. — Царю боязно идти к своему народу? Отцу к детям?

Да в уме ли ты, боярин? Тебе надо хорониться нонче, — добавил он спокойно. — А цари от народа никогда не прятались!

В это время, забыв придворный обиход, дворянские дети вбежали в палату и закричали:

— Идут, идут! Берегитесь!

Бояре заметались. Милославский бросился в покои царицы и там забился в дальний угол. Вспомнил он, как в 1648 году разъяренный народ шарил Морозова, как расправился с искупительной жертвою, Плещеевым. Вспомнил и затрепетал от ужаса и позора.

Вспомнили это и бояре и бросились кто куда. Царь оглянулся и увидел подле себя только князя Терентия Теряева да дворянских детей.

Он горько усмехнулся и сказал:

— Знает кошка, чье мясо съела. Пойдем, князь! — и твердым шагом пошел к выходу.

Тысячная толпа бежала с гамом и криком, неистово махая руками.

Увидев государя, она бросилась к нему и вмиг окружила его со всех сторон.

Дворцовая стража только ахнула и не ре-

шила, за своей малочисленностью, идти к царю для охраны.

Царь, тихий, улыбающийся, совершенно спокойный, в сознании правоты своей, стоял среди возбужденного народа.

Из толпы раздались отдельные крики, которые вскоре слились в протяжный гул.

Царь поднял руку.

— Ничего не слышу! — сказал он. — Говорите выборные!

— Отдай нам Милославского! Он вор и всем ворах потатчик! — раздался отдельный возглас.

Наиболее смелые выдвинулись к царю.

— Царь-батюшка, — заговорили они, — житья не стало. Окружили тебя псы бояре, и не слышишь ты стога нашего, не видишь слез! Сперва десятой, а теперь уж и пятой деньгой обложили, за все берут! За воз берут, прорубное берут, посошное, на правеже забивают! Жить нельзя!

— Ямчужные, городовые, подможные, приказные — все плати! — закричали другие голоса.

— На завод селитряный дрова вози!

— Серебром давай, а откуда оно, коли его все к рукам прибрали!

— Воеводы ходят да кричат: кого хочу, того в тюрьме сгною!

— Смилуйся, государь!

— Теперь тесть твой да собака Матюшкин людей в приказ берут да с дыбы казны добиваются от них!

— Выдай нам Милославского!

Толпа волновалась и, тесня царя, хватала его за руки, за подол платья, за пуговицы.

Царь стоял недвижим. Лицо его то принимало выражение страдания, то вспыхивало стыдом за своих бояр.

— Ну-ну! — заговорил он наконец, совладав с собою. — Успокойтесь, детушки! Теперь вы до меня дошли. Я все узнал! Вот сейчас на Москву поеду и сам сыск учиню.

— Выдай нам бояр твоих!

— Выдай Милославского!

— Не могу! Сами судите, кто над всеми старшой? Я, милостью Божьей! Мой и суд, моя и расправа! Коли сыщу вины на них, никого не помилую!

— Чему нам верить?

— Мне верить, царскому слову моему! — гордо ответил царь и выпрямился с величественным жестом. — А теперь идите с миром назад, в Москву! Я туда сегодня же выеду. Там и суд будет! Выберите от себя челобитчиков!

— А в чем зарок?

— Богом клянусь вам и своим царским словом!

Из толпы выдвинулся здоровенный детина и протянул царю свою огромную руку.

— Бей, государь, по правде рукою! — сказал он.

Царь вспыхнул, потом засмеялся.

— Ну, ин быть по-твоему! По рукам! Вы в Москву, я за вами! — И он опустил свою руку в широкую лапу мятежника.

Тот в неистовом восторге обернулся к толпе и, показывая всем свою правую руку, закричал:

— Бил государь по рукам! Теперь верно! Домой, братцы!

— Назад! в Москву!

— Многие лета государю-батюшке!

— Здравствовать тебе на радость нам!

— Слава царю!

Толпа с криками ликования двинулась назад, и до царя доносились возгласы:

— Теперь добились правды! Слава царю!

Царь долго смотрел вслед удаляющейся толпе. Потом обернулся к Терентию и с тихой улыбкою сказал:

— Что дети!

— Да, что дети! — ответил Терентий и сурово прибавил: — А обидеть их — что детей обидеть. Одна защита у них — это ты!..

Царь кивнул головою и тихо пошел во дворец.

XVIII. Сила и правда

— **З**автра в утро на Москву собиратья, — сурово отдал приказ царь, входя в палаты.

Бояре видели всю сцену царя с народом и теперь, успокоенные, повылезли из щелей и окружили царя. Он чувствовал себя героем и развеселился.

— Эй, вы! — шутил и смеялся он над их страхом. — Царские слуги!

— Ну а где ж твой силач? — обратился он к Ртищеву.

Ртищев низко поклонился царю и быстро выбежал из палаты, все оживились и повеселели. Царь снова пошел в сад и там смотрел на кулачный бой, а после всенощной остаток вечера провел у царицы. Идя на покой, он сказал Теряеву:

— Ну, князь, хоть и не спальник ты нонче, а думный боярин, все ж с тобою мне побыть хочется. Идем ко мне в опочивальню!

Терентий молча поклонился царю, а все с завистью поглядели на князя. Царь отпустил бояр и пошел в опочивальню. Отпустив спальника, он разделся с помощью Терентия и лег в постель, отпахнув полог кровати.

— Не буду спать нонче, — проговорил он, — взволновали меня дела эти! Тяжко, князь, царем быть! Немила эта корона самая! Подчас иному сокольничему завидуешь: нет у него ни тревог, ни забот; нет ответа перед Богом такого страшного!

— Господом помазан на царство; Господь и силу даст, — тихо промолвил Терентий.

— Эй! силу, силу, — вздохнул государь. — Да коли она вся на бояр идет? Вот хоть бы теперь? Тестюшко мой, знаю, народ грабит, а

что поделаю? Другой, может, хуже, будет. Были Морозовы, согнал их, поставил Милославского — и того хуже. Его прогонишь и Бог весть на кого наткнешься. Нету ни царских, ни Божьих слуг; всяк только о себе думает, а я за всех! — Он вздохнул и замолчал. На душе его было горько.

Он ли не отец для народа своего? Он ли не молещик? На церкви жертвует, нищую братию оделяет щедро, принимает и сирого, и убогого. Не гнушается ни больным, ни колодником, а Господь словно отворачивается от него. Голод, мор, войны, пожары, бунты! Всего вдоволь — и нет только мира да спокойствия.

— Господи! — тихо прошептал он. — Вразуми, но не оставь милостию!

Его кроткая душа скорбела. Ему было больно видеть оскудение своего народа, и в то же время он не знал, чем помочь своему горю.

Князя Теряевы, Ордын-Нащокин, Шереметев да Матвеев, Артамон Сергеевич, — вот и все! — перебрал в уме царь своих слуг, в честность которых он мог поверить.

— А остальные? — И царь горько усмехнулся.

Терентий лежал на широкой лавке и думал свою думу.

Вот оно! Начинает сказываться! Не проходит даром отступничество! Господь видит и карает. Все стали слугами антихриста — на всех печать его, а устами говорят: «Господи, Господи». Никонианцы презренные! И ему вспомнилась моленная Морозовой, Аввакум с его горячею речью, юродивые с их жаждою пострадать за веру, и сама Морозова, презиращая всю суету.

Любовь смешивалась с благоговением, и Терентий с умилением думал: «Скоро увижусь с нею».

Ночь прошла спокойно. Рано, чуть свет, стали собираться в дорогу: выкатывали колымаги, запрягали лошадей, выстраивались вершники и скороходы.

Тем временем толпа, идущая из Коломенского, встретила с бегущими из Москвы.

— Назад! — закричали первые. — Государь-батюшка сам на Москву приедет сыск делать!

— Нет! — закричали из встречной толпы, — мы государю языка ведем: на бояр дока-

зывать!

— Что на бояр?

— А то, что они с Польшею дружат! Батюшке-царю измену готовят!..

— Вешать их! Топить!..

— За тем и к государю идем! Поворачивайтесь за нами! Государь нам их сейчас головой отдаст!

— Назад! Назад! — закричали в толпе, и все, соединившись вместе, двинулись снова в Коломенское, таща с собою и малолетнего Шорина.

Мальчик был ни жив ни мертв. От страха он плакал и просил отпустить его, а мятежники говорили:

— Ужо, ужо! Сперва царю правду докажи!

В чем была правда, они не понимали и сами. Слишком была велика ненависть, накопившаяся за много лет, против бояр, и теперь она вылилась в такой безобразной форме. Царь вышел на крыльцо, собираясь ехать в Москву, когда ему с испугом доложили о приближавшейся грозе.

Царь нахмурился.

— Опять! — грозно воскликнул он. — Чего

ж им от меня надо? Неужто не поверили?! — И прежде, чем могли опомниться бояре, он вскочил на своего коня и поскакал прямо на несметную толпу.

Толпа увеличилась почти в два раза. Она занимала всю ширину дороги и черною тучею тянулась на добрых полверсты. Царь осадил коня и тотчас был окружен шумящей толпою. Он был один. Позади него из бояр находился только Терентий. Все оружие царя составлял поясной нож, но он и не подумал о том. Подняв шелковую плеть, он грозно закричал на толпу:

— Что ж вы, крамольники, опять вернулись? Мало вам моего царского слева? Чего вам надобно?

— Милости, царь! Правды! — закричали в толпе. — Не мы, а бояре твои — крамольники! Выдай их нам на расправу!

— Слышь, государь, они полякам прямят!..

— На тебя зелье готовят!..

— Мы за тебя заступники!..

Царь смутился.

— Что еще? С чего вы брешете?

— А вот, изволь сам допросить пащенка

этого!

Толпа всколыхнулась, раздался крик, и к царю приволокли и перед ним поставили мальчика, сына Шорина. Кафтан его был изорван, синяя шелковая рубашка разорвана тоже, волосы растрепаны, из рассеченной, распухшей губы сочилась кровь, и по лицу лежали грязные полосы от слез, смешанных с пылью. Царь с состраданием взглянул на него и спросил у толпы:

— Что вам от него надобно? Али он в чем провинился?

Из толпы выделился чернобородый посадский и ответил:

— Он тебе все на бояр докажет!

— Что он знает? — спросил царь.

Посадский толкнул мальчика, а другой стоявший тут же встряхнул его за плечи.

— Говори, сучий сын!

Мальчик всхлипнул и начал несвязно рассказывать. В страхе он плел на отца и на всех знакомых ему бояр разные небылицы. Отец-де уехал в Польшу, а потом в Швецию, повез письма от бояр, что они-де Москву без бою отдадут.

— Куда ж поехал отец твой, — спросил царь, — в Польшу или в Швецию?

— В Рязань! — ответил мальчик, всхлипывая.

— Врешь, в Польшу! — закричал на него посадский.

— В Польшу! — поправился несчастный мальчик.

Царь невольно улыбнулся, но тотчас нахмурился и поднял голову:

— Ну ну! — сказал он. — Этого мальчика под стражу возьмем. Идите теперь домой, а за вами и я в Москву, сыск сделаю, его спрошу!

— Подавай нам бояр! — заревели в толпе.

— Там видно будет! — ответил царь.

Толпа забушевала.

— Подавай добром, не то силой возьмем, по обычаю!

И толпа надвинулась на царя и стиснула его с конем.

Царь растерянно оглянулся и вдруг позади толпы, на пригорке, увидел стройные ряды войска. То был князь Петр Теряев со своими рейтарами и стрельцами. Глаза царя вспыхнули гневом. Он выпрямился на коне и

взмахнул плетью.

— Добро, — сказал он, — не хотели честью, так ничего вам не будет! — и закричал громовым голосом: — Бить их, мятежников!

В тот же миг раздался военный клич; в воздухе загремели выстрелы, и на безоружную толпу с остервенением бросились солдаты. Мятежники дрогнули, завыли от страха и бросились врассыпную.

— Бей, лови! — кричал царь в исступлении и, сидя на коне, мял и топтал бегущих.

Из двора выскочили бояре и дворцовая стража, и началось кровавое побоище. Безоружных, перепуганных бунтовщиков давили и топтали конями, били мечами и секирами, топили в реке и частью забирали в полон и вязали веревками. Только немногие успели спастись бегством.

Царь подъехал к Петру и горячо обнял его, не сходя с лошади.

— Спасибо! — сказал он ему. — Жалую тебя вотчиной, выбирай любую! Проси чего хочешь, для тебя ничего не жалко!

Петр спешился и поклонился царю в землю.

— Рад за царя живот положить, и твое ласковое слово выше всякой награды! — сказал он.

— Добро! — ответил царь, улыбаясь. — Я твоей услуги не забуду, а теперь на Москву.

Лицо его грозно нахмурилось.

— Князь Милославский, — сказал он, — с бунтовщиками расправься! Не знай к ним жалости! Всех их перевешай, да здесь, вокруг Коломенского, им виселиц нагороди, чтобы всем памятно было!

И с этими словами он повернул коня и медленно въехал на Москву чинить суд скорый и немилостивый. Недавно мягкое сердце теперь трепетало от гнева. Князь Милославский остался в Коломенском и стал спешно готовить для бунтовщиков лютую казнь.

XIX. Суд и расправа

Царь вернулся в Москву. Немногие оставшиеся из народа встретили его далеко за городом на коленях, моля о пощаде.

Царь молча проехал мимо преклоненных рядов и, подъехав к воротам, спешил. Патриарх Иосиф с духовенством, иконами и хоругвями встретил его у Иверских ворот.

Царь распростерся перед иконами ниц, потом принял благословение и вошел в Москву. Здесь его встретили князя Теряев и Куракин.

Царь милостиво поздоровался с ними и сказал Теряеву:

— Жалую тебя своим столом, князь! Жалую за то, что взрастил сыновей таких! Соколы они у тебя!

Князь поклонился царю в ноги.

— И я, и дети мои со своими животами слуги твои верные!

— Ну, а что без меня сделали?

Они вошли в палаты. Царь прошел в молельную и помолился с умилением, потом, переодевшись, вернулся.

— Ну говорите, — сказал он, садясь в своей

деловой палате в кресло.

Князь Куракин повел свой рассказ, не забыв упомянуть о подвиге Петра. Царь улыбнулся.

— Сокол, сокол! — повторил он, и лицо Куракина просияло.

— Ну, а что ж мятежники?

— С два ста изловили и до твоего повеления по приказам рассадили. Что скажешь делать с ними?

Царь грозно ударил ладонью по налокотнику кресла.

— Никому пощады! — сказал он. — Вы и вершите! Ни суда, ни сыска не надо. Всем виселица!

Князья молча поклонились и вышли из покоев, чтобы отдать по приказам распоряжения.

В тот же день ввечеру по всей Москве застучали топоры, сооружая страшные виселицы. Делались они и «глаголем», и «покоем» [28]; и для одного, и на двоих, и на троих. Ставились они длинными рядами на Красной площади, на Козьем болоте, на базарных площадях и у каждых ворот по нескольку. Чтобы

В другой раз помнили холопы, как бунтовать против бояр. Хитрые бояре говорили «против царя», но у русского народа никогда и в помышлениях не было подымать руку на Божьего помазанника.

На другое утро начались казни.

Со скрипом растворились ворота приказа тайных дел, и, окруженные стрельцами, вышли недавние бунтовщики толпою человек в сорок.

Жалок и убог был их внешний вид. Босые, в рваных кафтанах и рубахах, с выкрученными назад руками, бледные и окровавленные, они шли понуриив буйные головы, тупо смотря в землю потухшими глазами, эти недавние победители, дикие герой трех дней, теперь беспомощные и слабые.

Спасшиеся от поимки их товарищи смотрели на них со страхом и состраданием.

Они шли унылою толпою, а сзади них, весело гуторя и пересмеиваясь, шло человек десять палачей с пучками веревок через плечо.

Их провели всех на Красную площадь и остановили на Лобном месте. Дьяк вышел к ним и громко прочел им их вины, что, де-

скасть, «царю докучали, разбой и грабеж чинили, крестное целованье нарушали. А за то Ивашку Степанова, Клима Беспалого, Семена Гвоздыря, — он перечел все имена, — отрубив правую руку, повесить»...

Толпа вздрогнула и загудела. Слишком жесток показался ей этот приговор, но палачи уже приступили к делу.

Они быстро хватали преступников и тащили их к плахе. Двое держали несчастного, третий вытягивал над плахою его руку, а четвертый одним взмахом отделяя ее в локтевом суставе.

Раздавался нечеловеческий вопль, в ответ тяжко охала толпа, а полубесчувственного казнимого двое других молодцов уже волокли к виселице, накидывали ему на шею петлю, вздергивали и, натянув веревку, ловко обматывали конец ее вокруг столба.

Преступник корчился, вздрагивал, а из обрубленной руки его струею лилась алая кровь, напитывая собою сухую землю.

И час времени спустя сорок трупов на страх народу качались на виселицах, и вороны уже с зловецким карканьем кружились

над ними, ожидая темной ночи.

Была широкая масленица, и наступил великий пост.

В день казнили по сорок, по пятьдесят человек, и таких ужасных дней, казалось, бесконечное количество. Более недели вешали и казнили бунтовщиков. Стон стоял над Москвою, земля площадей пропиталась кровью, и воздух был заражен запахом гниющих на виселицах трупов. Куда ни глянь-езде торчали они, эти виселицы!

Так было в Москве, а Милославский такое же устроил вокруг Коломенского. Более ста пятидесяти виселиц понастроил он красивым узором, и на каждой качались два, три, а то и четыре трупа.

— Будете помнить, как буянить, волчья сыть, — говорил он со злорадством и бил мятежников плетьюми, прежде чем их повесить.

Смута кончилась. Бояре успокоились и стали устраивать свои хоромы, даже не подумав чем-нибудь облегчить народную тяжесть.

Мирон и Панфил быстро шагали по дороге к Новгороду, и Мирон говорил Панфилу:

— Нет! С сильным не борись, не осилишь, брат! Бери его из-под тиха, бери в одиночку! Вот мы с тобой выйдем на Волгу, доберемся до Астрахани, а там — гуляй, душа! Кто подвернется, над тем потешимся. Там у меня приятелей сколько хошь. Еще от того времени, как царь Михаил помер!

Панфил кивал головою и говорил:

— Ни одному боярину не спущу! Во!

Все их товарищи качались на виселицах, и только они вдвоем успели спастись от общей участи.

Петр ликовал. Царь обласкал его, сделал своим ближним и наградил его и вотчиной, и шубой, и перстнем, и даже давал воеводство, но Петр отказался, сказав:

— Государь, дозвожь мне только при твоей милости бессменно быть!

— Ну, добро! — сказал ему царь. — Женись, и я тебя ближним боярином сделаю!

Петр упал царю в ноги. Царь засмеялся.

— Али уж приглядел кого?

— Есть, государь!

— Кто же?

— Княжна Катерина Куракина, дочь князя Василия!

— Что ж, совет да любовь. Правь свадьбу, мы у тебя пировать будем!

Петр еще раз поклонился в ноги и поднялся сияющий счастьем и радостью.

Нечего и говорить, что Теряев не противился такому браку, а Куракин уже ранее благословил Петра и дочь свою.

Свадьбу решено было праздновать после Петрова дня, а до того времени, что ни день, у Куракиных в терему справлялись девичники. Сбирались знакомые девушки-подруги и пели подблюдные и иные песни. Заезжал на эти девичники и Петр, щедро одаривая девушек и деньгами, и сладостями, и лентами.

За версту по его сияющему лицу можно было узнать в нем счастливого жениха, и когда с ним встретился князь Тугаев, он невольно спросил его:

— Что с тобою?

И князь Петр рассказал и про свои успехи в укрощении мятежа, и про награды, и про близкую свадьбу.

Лицо Тугаева омрачилось, но он крепко об-

нял Петра и расцеловал его.

— Стой, — сказал ему Петр, — а отчего у тебя лицо такое хмурое? Да еще: где пропадал ты?

Тугаев усмехнулся.

— На вотчине был, — ответил он, — делишки завязались там малые. Теперь часто ездить буду туда!

— А хмур отчего?

Тугаев вздрогнул, потом пристально посмотрел на Петра и сказал:

— Сам знаешь! Мог бы и я быть таким же счастливым, как и ты, да не судил мне Бог этого! На постылой женат... Ну и завидки берут!..

Петр сочувственно вздохнул.

— Э, не все и не всем счастье. Гляди, и у нас в доме. Вон сестра пропала: следов ее нету...

Тугаев опять вздрогнул.

— Брат Терентий ходит туча тучей. С женой у него нелады. Нигде, друг Павлуша, счастья нет!..

Тугаев только кивнул головою. Он вернулся домой и был мрачнее ночи. Некрасивая же-

на его осторожно сошла к нему и ласково сказала:

— Друг Павел, супруг мой, скажи, где ты был? Все я очи свои проплакала, на дорогу глядячи, тебя поджидаючи!

Князь взглянул на нее с ненавистью и ответил:

— Уйди, супруга моя любезная, Бога для, пока я плети со стены не снял.

Княгиня заломила руки, жалобно завывла и ушла к себе.

— Эх, горькая жизнь! Постылая жизнь! Было бы и счастье, и радость, и покой, и довольство, а теперь?... — И он с ужасом думал о своем положении.

Устроил он Аннушку, как птичку в гнезде, у себя на вотчине, а все ж она тоскует, голубка, что птичка в клетке.

Еще спасибо, что девка Дашка к ней перебежала. Все ей теперь легче будет. А как любит, как любит его, окаянного!..

Князь закрыл голову руками и заплакал.

А сверху до него доносился вой ненавистной ему жены.

Вой этот наконец достиг его слуха. Он

вскочил, и глаза его вспыхнули сухим блеском.

— О, будь же ты проклята!

Он поднял кверху сжатый кулак, и в это мгновение в голове его мелькнула мысль о порошке, что дал ему Еремейка.

Лицо его стало белее полотна.

— Нет мне спасенья, — пробормотал он, — погибать у сатаны все едино!.. Ну так уж я...

Он не договорил своей мысли и судорожно засмеялся.

В голове его созрело адское решение.

Пусть сделается так, как он порешил. Не будет ему счастья, но ей, Анночке, оно будет. Поженится он на ней, вымолят они прощение, а то и обманет он всех, коли она тоже на обман пойдет, а с этой?... И он презрительно махнул рукою.

XX. Скорбные духом

Благоговейное молчание в моленной Морозовой. Сидит Аввакум, лицо скорбное, грозное. Невдалеке сидит сама Морозова с ликом преблагой девы; смотрит на нее не насмотрится князь Терентий, а юродивый Федор, в одной рубахе, с веригами под нею, стоит неистов и рассказывает по приказу Аввакума о своих претерпенных страданиях.

Был он за свое упорное староверство отдан под начало рязанскому архиепископу Иллариону и бежал оттуда, не перенесши мучений...

— ...И зело он, Илларион сей, мучил меня, — хрипло рассказывал Федор, — редкий день, коль плетьми не бьет, и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинству. И я уже изнемог...

У Морозовой лицо выражало благоговейный трепет: она уже знала, что будет дальше, а Терентий весь замер.

«Господи! — думал он. — Истинно твои подвижники! За что бы иначе их мучили так и гнали! В Писании сказано: за Меня претерпи-

те, будут гнать вас и мучить за имя Мое, — и вот сбывается!»

А Федор продолжал монотонным, хриплым голосом:

— ...В ночи моляся, плачу, говорю: «Господи! Аще не избавишь меня, осквернят меня и погибну. Что тогда мне сотворишь?...» И вдруг, милостивцы и госпожа моя, железа все грянули с меня, и дверь отперлась и отворилась сама. Я, Богу поклонясь, встал и пошел. К воротам пришел, и отворены, и стражник спит. Я по большой дороге и в Москву!..

«Чудо! Чудо Господнее въявь!» — думал в умилении Терентий и изумленными глазами смотрел на юродивого, а Морозова тихо плакала и крестилась.

Аввакум говорил:

— Видит Господь наш, у кого правда, и указывает нам пути ко спасению!

«Видит Господь», — думал Терентий. А Аввакум продолжал:

— Вот теперь бунт этот! Поднялись на бояр, на царя с дубьем и дрекольем. Како не знаменье? И что ж! Не вняли! Я в те поры ходил и взывал, а ноне меня взашей из дворца про-

гнали, а патриарх этот (тьфу! антихристово отродье) наказал беречься. Инако и в железа закуют и опять сошлют. А мне что? Я за Бога моего! Мне и мучиться лестно!

«А я малодушен, — думал с огорчением Терентий, — познаю их мерзость, а сам у них в церкви стою, их пение слушаю, на пяти просфорах обедню служу вместе с ними и иногда троеперстно крещусь!»

Эти мысли терзали его, мучили.

Мысль об общей греховности охватила его с неудержимою силою.

В последнем бунте он видел карающую руку Господню и ужасался, что дальше будет.

В семье Господень гнев разразился пропажею сестры.

Кругом голод, мор, оскудение, а царь и бояре не видят и видеть не хотят. В душе над его речами смеются...

Он делался все мрачнее. Отец с тревогою смотрел на него и думал: «Гибнет, и гибели его не пойму». Молодая жена с ненавистью смотрела на мужа и жаловалась брату:

— Нешто муж? Не прибьет, не приласкает. Глядит зверь-зверем и не видит, в горнице

есть я или нет. Хоть с холопом слюбись, ему не горюшко!

Князь Василий Голицын пробовал было намекнуть Терентию, но тот только грозно посмотрел на него и ответил:

— В дому у себя муж голова. А что сестра твоя на меня жалобилась, так ее за это учить надо, да ин не охоч я до бабьего крика!

— Черт какой, прости, Господи, — пробормотал Голицын, отходя от него.

И жизнерадостный, любвеобильный царь стал сторониться мрачного Терентия и не звал его уже к себе так часто. Молодой Петр был ему милее.

Радостный и счастливый Петр не мог выносить мрачного вида своего брата и однажды сказал ему:

— Брат мой, Терентий Михайлович, поделись ты со мною своей думушкой! Что с тобою? От самого похода, как мы вернулись, ты совсем иной стал. Помнишь, бывало, мы вместе на охоту езживали. Ты меня добру поучал, а ныне словно чужие мы. Ты даже моей радости не рад.

Слова брата тронули Терентия. Он горячо

обнял его и ответил:

— Не то, Петр! Брат ты мне любезный, как и был ранее. А только дороги наши разные! Я познал свет истины, а ты во тьме и все наши, и скорблю я о том и не знаю выхода!

Он вздохнул и провел рукою по побледневшему лицу.

— Почему мы во тьме? — тихо спросил Петр.

Терентий ответил:

— Никонианцы вы! Душу антихристу продали!

Петр вздрогнул.

— Как?

— Говорю, душу антихристу продали!

И Терентий с жаром начал передавать поучения Аввакума, рассказывать про виденное у Морозовой, говорить о знаменьях, что свидетельствуют о гневе Божьем.

Петр слушал, ничего не понимая из его слов, а потом беспечно ответил:

— Про то знают царь, патриарх да наши духовники! А мне в это дело не мешаться. Слышь, для того собор был. Греческий и антиохийский патриархи были. Им ли не

знать?

Терентий гневно топнул ногою.

— Им что? Их прельстил тогда Никон, они и согласились. У себя, небось, «Исус» с одним «и» пишут, и аллилуйя поют как надобно, и все прочее, а мы — погибаем! Им на радость, что антихриста нам оставили...

Петр покачал головою.

— Мудрено все это! Мое дело саблю знать, да своих соколов, да Катюшу!

— То-то и есть, — с укором ответил Терентий, — что дороги у нас разные. Ты по одной, а у меня другая. Не о хлебе едином жив будет человек, а вы все только о хлебе!..

Петр вздрогнул и отошел от Терентия. Действительно, дороги их были разные. Князя Голицыны — вот это приятели ему. Тугаев только стал что-то больно уж мрачен да пасмурен.

Неделю здесь, неделю на усадьбе где-то, а дома у него жена какою-то немочью больна. Сказывают, и доктора, и ворожеи, и знахарки были — нет от них помощи! Лежит да охает!

Понятно, после того не до радостей Тугаеву.

Тугаеву и впрямь было не до радостей.

Ехал он в вотчину к себе, видел Анну, миловался с нею и не мог забыть даже подле любимой девушки. Мысль о своем окаянстве уже начала мучить его с того момента, как, целуя жену, он напоил ее медом, после чего с ней приключилась немочь.

Вернется он домой, слышит ее тяжкие вздохи, иногда стон, и нет сил ему побороть свои мученья. Схватится он за волосы, выбежит в сад, упадет ничком на траву и рвет ее руками и колотится головою о землю.

А иногда велит подать вина заморского и пьет его чару за чарой, пока в бесчувствии не упадет под лавку.

Анна, в тишине и одиночестве, не раз говорила с Дашей:

— Ах, девонька, не в радость нам окаянство наше! Гляди, прежде веселый был Павел, а каким нонче стал? Узнать нельзя. Гляди, то меня как безумный целует, то бормочет что-то об аде такое страшное, то вдруг плакать начнет!

— В закон с тобой вступить хочет, а нельзя, моя ясная княжна. С того и печалится! — объ-

ясняла Даша.

— Ох, и чем это кончится, — вздыхала княжна, — и люб он мне, и за себя страшно! Коли отец проклянет, не видать мне ни покоя, ни счастья!..

— Не проклянет, драгоценная! Коли по началу не проклял, теперь и подавно. Они все думают, что тебя силою увезли. По сию пору ищут!

— А вдруг найдут?

— Тут-то? — Даша качала головою. — Кому и в ум взбредет у князя Тугаева на вотчине искать? Нет! Тут покойно!

Но не была покойна духом Анна. Над нею постоянно висел страх проклятия и мысль о своем безумном поступке.

Случилось раз, поздно ввечеру приехал на вотчину князь Тугаев.

Анна вышла ему навстречу, взглянула на него и вскрикнула: — Что случилось?

— Анна, рыбочка моя, — прохрипел князь, — жена побывчилась! Волен я, как сокол!

— Упокой, Господи, ее душу! — прошептала Анна, набожно крестясь, а князь Тугаев об-

нял ее, стал целовать и заговорил, как безумный:

— Ну ее! Теперь ты моя! Я скажу на Москве, что нашел тебя и за себя возьму! Ох, ласточка! И мучилась она! Ой, ой! Корчило ее всю. Померла черная-черная... Ох, нет нам с тобой радости!..

Часть третья. Концы и начала

I. Через семь лет

Прошло семь лет, наступил 1669 год. Немало перемен произошло за это время в жизни наших героев. Князь Тугаев женился. Он поехал будто на охоту, будто отнял Анну из рук разбойников и привел ее домой плачущую, испуганную. Все наперерыв спрашивали ее, что с нею было. Она путалась, рассказывала небылицы и под конец плакала. Все слушали, качали головами и единогласно решали:

— Что она может, бедная, знать? Известно, перепугалась до смерти; всю память отшибло. И разбойники взяли не иначе как для выкупа.

Сам Тугаев рассказывал одно и то же.

— Залетел у меня сокол, и поехал я его искать. Лес густой, огромный, я и запутался; только смотрю — поляна, а на поляне двор стоит, тын такой ли высокий; я к нему, а ворота на запоре. Прочел я молитву, привязал коня, влез на дерево, а с дерева по суку на

тын, а с тына на двор. Гляжу, изба стоит, такая крепкая; я к ней. Ковры, оружие всякое, кубки, такое ли богатство; а в избе ни души. Я в горницу, и там никого. Я по лестнице во светелку. Глядь, а там княжна Анна Михайловна. Увидала меня, так и встрепыхнулась вся. Уходи, говорит, отсюда, здесь разбойники! Ну, а я и ее с собою прихватил! — скромно оканчивал он свой невероятный рассказ.

— Не иначе, как для выкупа, — говорили все слушатели.

Петр обнимал Тугаева и клялся ему в вечной дружбе; старый князь кланялся ему поясно, обнимал его, плакал от радости и говорил:

— Проси чего хочешь!

Князь Тугаев отвечал Теряеву:

— Коли я вам мил, отдайте за меня Анну Михайловну!

И их обвенчали.

Только не было у них счастья. Анна мучилась всеми обманами, которые взяла на свою душу, а Тугаев своим преступлением. Оба попали в пучину лжи и не могли из нее выбиться...

Терентий делался все утрюмее. Он уже бес-

поворотно сделался ярим врагом всякого новшества и проклял никонианцев. На его глазах ссылали Аввакума, заковав его в железо.

В те поры Аввакум, не вынося лжи и все более ярясь на отступление от старинных обрядов, дважды писал к царю письмо и под конец надоел всем своею исступленной проповедью. Возвращение в Москву совершенно сбило его с толку, и он решил, что в нем нуждаются; решил и добился второго изгнания.

Закованного, с кляпом во рту, везли его из Москвы, а за ним, увязая в снегу, бежали его ученики, и в том числе Терентий. Все они плакали и проклинали гонителей, а Аввакум, подняв кверху руки с двумя сложенными перстами потрясал ею в воздухе, как знаменьем.

Вернулись все ученики его к Морозовой и там, вспоминая о нем, давали обет постоять за старую веру.

Терентий стал верным другом Морозовой, но оставался тайным старовером, не решаясь объявиться и тем постоянно терзаясь.

— Куда рвешься, чего мучаешься? — говорила ему Морозова, когда он изливал перед ней свою исстрадавшуюся душу.

— Пострадать хочу! — пламенно отвечал Терентий.

— Еще будет время! — отвечала Морозова, и лицо ее озарилось таинственной улыбкой.

В жизни ее произошла значительная перемена. Глеб Иванович скончался, и она стала вдовою. Первые годы вдовства она жила как большая и богатая боярыня, обыкновенным обычаем. В доме у нее служило до пятисот слуг, выезжала она и во дворец, и к знакомым, и к родным, и только втайне, как и прежде, приравнивала свою жизнь к монастырской, но мало-помалу стремление к иноческому подвигу победило суетность. К прежним юродивым и нищим она приютила у себя пятерицу изгнанных инокинь, поставив во главе их мать Меланью. Так образовала она подле себя тайный монастырь, отказавшись от мирской суеты. Вся проникнутая жаждой подвига, она весь досуг свой употребляла в пользу убогих и нищих, шила для них рубахи; а ввечеру, со старицей домочадицей Анной Амосовой, одевалась в рубище, ходила по улицам и площадям города, по темницам и богадельням и раздавала подаяния. Уже на ее

поведение стали обращать внимание во дворце. До царя дошло известие о ее приверженности к старой вере, и к ней послали чудовского архимандрита Иакима и соборного ключаря Петра, чтобы испытать ее в вере. Она открыто высказала им свои мысли, и за то государь отписал от нее на свое имя половину всех вотчин.

В ужас пришли все ее родные, а она только улыбалась.

Михаил Алексеевич Ртищев, царский постельничий, приходившийся дядей Морозовой, с дочерью своей Анною, не раз старался поколебать упорство Морозовой. Старик Ртищев говорил ей:

— Чадо мое, Федосья! Что ты это делаешь? Зачем отлучилась от нас? Посмотри: вот наши дети; об них нам надо заботиться и, смотря на них, радоваться и ликовать. Оставь распрю, не прекословь ты великому государю и властям духовным! Знаю я, что прельстил и погубил тебя злейший враг, протопоп Аввакум. Не могу без ненависти и вспоминать о нем. Сама ты его знаешь.

Лицо Морозовой озарялось неземной

улыбкою, и она отвечала:

— Нет, дядюшка, не так! Неправду вы говорите; горьким сладкое называете. Отец Аввакум истинный ученик Христов, ибо страдает он за закон своего владыки, а потому всякий, кто хочет угодить Богу, должен послушать его учение.

Анна Ртищева плакалась над нею и грозила ей царевым гневом, заклинала и именем ее любимого сына, а Морозова ей отвечала:

— Если хотите, выведите моего сына на лобное место и отдайте его на растерзание псам, устрояя меня, чтобы отступила от веры, но не помыслю отступить от благочестия, хотя бы и видела красоту, псами растерзанную!..

В 1669 году она постриглась. Чин этот совершил над нею старовер, бывший тихвинский игумен Досифей, нарек ее в пострижении Феодорою и отдал в послушание той же Меланье. Всему этому был близкий свидетель Терентий, который все более укреплялся в своих убеждениях. Только время задерживало роковую развязку.

И в доме князей Теряевых только и радо-

стен был князь Петр со своею женою Катериною.

С той поры, как мятежники разломали тын, его совсем уничтожили, и дворы князей Теряева и Куракина соединились в один.

У Петра с Катериною было двое детей, и старики, ставши дедами, уже гордились своими внуками.

— Кабы не они, — говаривал князь Теряев, — не знаю, чем и красна была бы моя жизнь...

И во дворце были перемены. Второго марта 1669 года скончалась царица Мария Ильинична, родивши дочь, которая померла через два дня после рождения. Со смертью царицы семья Милославских пала, а в силу стал входить Артамон Сергеевич Матвеев. Государь приблизил его к себе, ища сочувствия в своих потерях.

Беды сыпались на него. Через три месяца после царицы умер царевич Симеон, а за ним и царевич Алексей.

Артамон Сергеевич Матвеев был человеком нового покроя, сознававшим пользу просвещения, любившим чтение, ценившим ис-

кусство. Посольский приказ, в котором он был начальником, он обратил в ученое учреждение. Там под его руководством составлялись книги: «Василиологион» — история древних царей; «Мусы, или Семь свободных учений»; и, наконец, первая русская история под заглавием «Государственной большой книги». Вообще это был человек нового течения, и дружба его с царем была не по сердцу ревнителям старины.

II. Царская невеста

Однажды царь захотел навестить Матвеева и сказал Петру:

— Князь, завтра ввечеру собирайся. К Артамону Сергеевичу в гости поедем!

Петр поклонился и в тот же вечер оповестил Матвеева. Жена его всполошилась, а он только улыбнулся и погладил бороду.

— Рады гостю дорогому, — ответил он Петру и сказал жене:

— Ништо, Григорьевна! Царю ведома наша скудость и наше убожество; отличить нас захотел от прочих. Ты, чем охать, подумай лучше о том, чтобы царя честно встретить!

И на другой день с раннего утра в доме Матвеева шла хлопотливая суетня. Встретить царя и принять его было в то время немалое дело. Царь — это был полубог, и приезд его к кому-нибудь на дом считался небывалым отличием. Царь знал это и весело смеялся с Петром, направляясь к дому боярина Матвеева. Они ехали в легких санках. Рослые кони быстро мчали их по первому снегу, скороходы бежали впереди, разгоняя народ палками; вершники, громко вскрикивая, едва поспевали бежать рядом с санями, позади которых стояли два боярина и угрюмо смотрели впереди себя. Никому не нравилось такое отличие Артамона Сергеевича от прочих; все чувствовали силу в этом будущем временщике и досадовали еще сильнее потому, что был он не боярского рода. Бояре, стоя на запятках, слушали речи царя и зеленели от злости. Царь говорил Петру:

— Много ли есть людей, что сердце мое радуют, что в печалях моих мне сочувствуют и душу понимать могут? А коли и есть такие, так каждый по-своему. Одно есть, так другого нету. Вот боярин Ордын-Нащокин: у того ума

палата, в делах государских первый муж; тоже и брат твой, Терентий. До других ему далеко, а правду любит. Ты, к примеру сказать, веселишь мое сердце, ибо млад и радостен, в охоте человек дотошный и в ратном деле сведущ. Ну а Артамон Сергеевич — тот все: сердцем он радостен, умом обширен, уста истинно медоточивые... За то и люблю его.

Петр широко улыбнулся и кивнул головой.

— Действительно добрый человек! Я с ним под Смоленском познакомился, когда он в стрельцах головою был. И все его любят. Теперь, когда ты велел ему палаты строить, к нему народ московский валом валит; пришли выборные и ему камнем на целый дом поклонились, а Артамон Сергеевич брать не хотел, а купить хотел, а они ему говорят: «Продать не можем, потому камни эти с гробов отцов и дедов наших», — и Артамон Сергеевич плакал тогда...

Царь улыбнулся в свою очередь. Он знал эту историю, но ему приятно было выслушать ее лишний раз.

— Да, да, — сказал он, — праведный муж! Уж при нем Москва не замутится, как при

Милославских или Морозовых... Ну, вот и приехали! Артамон Сергеевич, встречай гостей!..

Палаты Матвеева, каменные, двухэтажные, с просторным двором и высоким подъездом, находились у Никиты на столпах. Рабочие из Немецкой слободы строили эти палаты, и они имели совершенно европейский характер.

Сам Артамон Сергеевич встретил царя без шапки, далеко от дома.

— Милость неизреченная! — говорил он царю, низко кланяясь. — Осчастливил ты своего холопишку до конца дней!..

Царь вышел из саней, опираясь на плечо Матвеева, и вошел во двор, где для встречи выстроились все холопы хозяина. У самого крыльца стояла Авдотья Григорьевна, жена Матвеева, держа на руках ручник и поднос с кубком заморского вина. Царь отхлебнул из кубка и, радостно посмеиваясь, вошел в покои. Вошел и вдруг остановился словно ослепленный. Да и Петр диву дался. Видал и раньше он племянницу Артамона Сергеевича, но никогда она не казалась ему такой красави-

цей.

С подносом в руках, на котором была чара вина, стояла впереди сенных девушек племянница Артамона Сергеевича, Наталья Кирилловна Нарышкина, в ту пору семнадцатилетняя красавица. В парчовом сарафане, с белой как у лебедя шеей, с черной косой ниже пояса, стояла она, смело и радостно глядя в очи восхищенного царя.

Лицо ее, не набеленное, не нарумяненное, как требовала тогдашняя мода, дышало здоровьем и поражало нежностью красок. Царь оправился и подошел к ней.

— Кто ж ты будешь такая, красавица? Как величать тебя?

Она поясно поклонилась и ответила:

— Племянница Артамона Сергеевича, Наталья, твоя раба...

Царь засмеялся.

— Ай-ай-ай! Стыдно тебе, Артамон Сергеевич, такую ли красавицу и взаперти держишь. Стой, стой, Наталья. Мы с тобой, по древнему обычаю... — И, отпив вина, он трижды поцеловался с красавицей. Она вспыхнула вся заревом и от этого стала еще милее.

Развеселившийся царь обратился к Матвееву:

— Ну, Артамон Сергеевич, показывай мне теперь свои хоромины да жену с красавицей не гони в терем!

Артамон Сергеевич улыбнулся.

— У меня нет этого в обычае, государь!

— Чего этого? — спросил царь.

— Терема этого самого. Спим по своим покоем, а когда днем — завсегда вместе.

Царь покачал головою:

— Ну, кажи свои диковины!..

Матвеев повел его по своим покоем. Бояре, приехавшие с царем, с изумлением оглядывались вокруг и только гладили бороды. Царь же смотрел и радовался. Действительно, все было на иной лад. Окна были стеклянные, а не слюдяные; вместо лавок стояли стулья, кресла и табуретки; столы на тонких ногах; везде ковры, а по стенам развешаны картины. На тех картинах — горы, леса и реки; на иной — олень стоит, как живой; на иной — город какой-то иноземный. В других покоем зеркала висят. Бояре взглянули, увидели свои лица и даже плюнули. Царь смело обратился к девушке:

— Здесь ты, что ли, на красу свою любишь-ешься?

Она улыбнулась и ответила:

— Нет, для этого у меня в светелке свое есть!

Они пошли дальше; вошли в особую палату, и царь с удивлением спросил Матвеева:

— Что у тебя тут такое?

— Комедийная хоромина, — ответил Матвеев, — здесь мои людишки комедии ломают.

— Это что же? — спросил государь.

— Разреши показать, — ответил Матвеев.

Царь кивнул головою.

— Что ж, покажи!

Матвеев указал ему на высокое кресло. Царь сел, позади него стали бояре, а рядом Петр. Жена и племянница Матвеева и сам Матвеев стояли по другую сторону. Перед ними возвышался полукружием помост. Матвеев ударил в ладоши, и вдруг заиграла тихая музыка. Царь с изумлением оглянулся, но не увидел музыкантов.

— Откуда это? — спросил царь.

— Орган у меня тут есть; завести — он сам играет.

Вдруг на сцену выступили люди; они расположились на полу в полукружие и говорили: «Вот идет брат наш, Иосиф, которого отец любит больше всех нас; возьмем и убьем его!» И тут же появился прекрасный юноша, и все бросились на него; только один сказал: «Не будем убивать его, а посадим в яму». Потом приехали купцы, и братья продали Иосифа в рабство; со смехом поделили между собой деньги, а сорванные с него одежды замарали кровью убитого козленка.

И перед изумленным и восхищенным царем сцена за сценою прошла вся история Иосифа.

Когда он открылся братьям своим и бросился с ними целоваться, царь не выдержал и заплакал от пережитых волнений.

Он с умилением взглянул на Матвеева и сказал:

— Ничего такого я еще не видал. Уважил ты меня, Артамон Сергеевич! — и вдруг спохватился: — Только не грех ли это, комедии эти?

— Никакого греха тут нет, государь! — ответил Матвеев. — Цари византийские смот-

рят на такие же комедии, и патриархи не видят в том соблазна!

Царь успокоился и сказал:

— Устрой и мне такую хоромину, Артамон Сергеевич!

Матвеев низко поклонился и ответил:

— Когда прикажешь, государь!

Радостный и довольный возвращался государь домой и все время говорил о Матвееве и его племяннице. Она поразила воображение царя.

III. Царские смотрины

Года не прошло еще со смерти царицы Марии Ильиничны, а государь уже удумал жениться. 2 марта 1669 года умерла царица, а в ноябре уже бирючи ездили по городу и объявляли царские смотрины, а по всем воеводствам были разосланы грамоты, чтобы девиц-красавиц везли в Москву для царева выбора.

Милославские, Голицыны и их сторонники собрались и говорили между собою:

— Позор и поношение! Года еще не минуло!.. Что делать? Концы нашему роду, — ска-

зал Голицын, — ублюдок идет на смену. Сам Артамошка с немецкою нечистью!..

Старый Милославский покачал головою.

— Пожди еще каркать, князь. Умен Артамон Сергеевич, а и не с такими справлялися!

— Чего! — ответил боярин Стрешнев. — Коли тут дело в евойной племяннице. Она обошла царя. Ты думаешь, — вдруг разгорячился он, — смотрины будут? Как же! Так, одна видимость только! Царь эту Наташку берет, и все тут! Ну а тогда уж нам...

— Ну, тоже, — усмехнувшись, ответил Соковнин, — а коли вдруг да покраше ее найдется, а с ей какая немочь приключится? Так ли, Илья Данилович?

Старик Милославский кивнул и проговорил:

— Что ж? Такое было с Всеволожской! Ну да там видно будет! Пока что, а теперь и мы с силою, — решительно сказал он, и все поняли, что надо бороться, надо отстаивать свое влияние при дворе против этого слетка, Матвеева.

Везде говор был о царских смотринах.

В терему дочери царя да его сестры шуме-

ли, словно пчелы в улье.

— Слышь, — шептались они, — государь облюбывал Матвееву племянницу, нам сверстницу. Вот умора! Сказывают, что ни день у них...

— Тсс... вы, глупые! — останавливали их тетки. — Не в том соблазн, что молода она, а не наших обычаев. Вот что! Слышь, и терема не будет!

— Ахти! Как же нам тогда?

— А так вот! Будет каждый мужчина глаза таращить. Кто хочешь, тот и сглазит, и болезнь напустит... Вот оно, милые, что страшно!..

И в тереме тоже готовились противиться царскому выбору.

А в Москву тем временем со всех концов ехали отцы и матери со своими дочерьми-невестами. Ехали и из ближних, и из дальних мест.

Петр, Соковнин и Голицыны уморились, по приказу царскому размещая всех на житье и следя за продовольствием их.

Много их понаехало в ту пору. До нас дошел список всех девиц, бывших на этом по-

следнем в истории царском смотре.

28 ноября вышел царский указ, и уже в то же число приехали: дочь Голохвастова, Оксинья; дочь Демлева, Марфа; дочь Викентьева, Вептилина; Анна Кобылина, Марфа Апрелева, Авдотья Ляпунова. А там каждый день приезжали новые и новые — вплоть до 17 апреля, и наехало, не считая московских невест, ни много ни мало как шестьдесят шесть девиц!.. Одною из последних привезли дочь Ивана Беляева, Авдотью. Привез ее дядя, Иван Жихарев, и сказывают, что красоты эта Авдотья была неопишущей: рослая, крепкая и лицом что ясный месяц. Нравом весела и приветлива...

Что ни день государь ходил и осматривал невест. Все они были красавицы на подбор, но ни одна не казалась ему краше Натальи Кирилловны. Видел он ее теперь и в богатом уборе, и в домашнем, заходил нечаянно и в светлицу, когда все привезены были на верх.

— Эх, трудное дело царское, — говорил он Петру полусмеясь, — ты вон невесту, что сокол голубку, с лету убил, а мне все голову морочат!

— Нет краше Натальи Кирилловны! — отвечал ему Петр.

— Вот-вот! — радостно соглашался государь: — Я и сам так же мыслю. Завтра погляжу еще, да и будет!..

И на 18 апреля он устроил последние смотрины. В этот раз увидел он и Беляеву, что привезли только накануне, и не мог не признать за ней достоинств будущей царицы.

— Их и взять на верх. Авдотью Беляеву да Наталью Нарышкину, — решил царь, — а остальные и по домам ехать могут.

Смотрины кончились.

Выбранными остались только две, и никто не знал окончательного решения царя.

— Теперь во дворце страх что идет, — смеясь, говорил на другой день Петр, когда после трапезы мужчины сидели еще за вином.

— Жихарев-то этот уже у Милославских в руках, — сказал князь Куракин, — в силу войдет!

— Коли Авдотья в царицы выйдет!

— Красива! — сказал Петр.

Теряев мотнул головою.

— Зато за Натальей стоит Артамон Сергеев-

вич. Не захочет царь его обидеть!

— Всем тогда гибель будет! — мрачно сказал Терентий.

— Это почему?

Терентий метнул вспыхнувшим взором на всех и угрюмо сказал:

— Потому что и теперь поганства у нас много, а тогда вовсе опоганимся. Слышь, у него комедии на дому строят, скоморохами дом полон, а церковь немцами (тьфу!) списана! Сам-то на выкресте женат, на Гамильтонше... Знаем, куда гнет слуга антихриста!

Князь Теряев замахал руками.

— Цыц! Замолчи, глупый ты человек! Ах, голова неразумная! Ты знаешь, как нонче царь таких речей не жалует.

Петр укоризненно взглянул на брата.

— Неразумное говоришь, Терентий! В землях заморских лучше нашего живут, и нет греха взять у них хорошего!

— Ради отречения от Христа! Вот-вот, — почти закричал Терентий, — все вы скоро души дьяволу продадите!

— Очнись, Терентий! — закричал отец.

— Давно очнуться надо, да силы нет! —

горько ответил Терентий и вышел из горницы.

— Порченный! — скорбно произнес князь Теряев.

Князь Куракин сочувственно взглянул на него.

— Все Морозова строит! — сказал он. — У себя монастырь завела, Аввакумова послушница! Всюду мутит только!

В эту минуту в горницу вошел Кряж и обратился к Петру:

— Государь, за тобой от царя засыл. На верх зовет!

Петр быстро вышел из-за стола, переоделся и в тот же час скакал во дворец. Царь ждал его в своем покое для дел. Он был мрачен.

— Вот, — заговорил он гневно, ударяя рукою по столу, на котором лежали какие-то исписанные листы, — началось уже! На тебе! Вот два подметных письма, Хитрово мне их подал. Нашли в сенях, а другое на сенных дверях в шатерной палате. И такие ли письма скаредные да похабные! И на мою честь, и на память жены упокойницы! Господи, зла сколько в людях этих!

Царь помолчал, а потом поднял голову и сказал:

— Вот для чего звал тебя. Возьми сейчас боярина Хитрово да Шереметева, и идите к этому Жихареву, дядьке Авдотьи, сыск у него сделайте, а потом в приказ возьмите. Не иначе, думаю, как он эти письма писал! Потом мне скажешь!

Петр поклонился и тотчас пошел искать бояр, чтобы ехать с ними по душу Жихарева.

«Истинно, что началось, — думал он, — однако и корысть немалая: с царем породниться. Ну да ин! Сами себе яму вырыли! Теперь Милославским уж не подняться. Я постою за Артамона Сергеевича!» — и он даже засмеялся от предвкушения победы над Милославскими.

Началось страшное сыскное дело. У бедняги Жихарева при обыске ко всему нашли травы и стали его пытаться и мучить на все лады, доискиваясь правды о письмах и о зельях.

Жихарев оговорил рейтара Вологжанина. Тот указал на Смолянина с племянником.

Все от писем отказались, а передавали речи Жихарева, будто его племянница на верх

взята «и тем похвалялся много».

Захватили заодно двух писцов приказных, доктора Данило, жида, и без счета холопов. Царь следил за ходом дела и был мрачнее ночи.

Петр не выходил из застенка, чуть не через час донося царю о новых и новых показаниях.

Возвращаясь домой, он говорил отцу и брату:

— Конец теперь Милославским! Государь чувствует, откуда ветер дует. Слышь, Авдотью уже с верху отправили, одна Наталья Кирилловна осталась. За нею сила. Быть ей женою государя, нашею царицей...

IV. Поворот на новое

Ладаном и нагаром от свеч пропитан весь воздух в покоях боярыни Морозовой. В моленной ее тихо, душно. Горят лампы и свечи перед иконами, курится ладан. Дневной свет едва пробивается сквозь тусклые стекла и борется с желтым светом свеч и лампад, отчего в молельной странное освещение. И в этой полутьме-полусвете, как изваянные, стоят коленопреклоненные фигуры женщин: то сама боярыня Морозова и инокини ее на послушании. Чуть слышно шепчут их губы молитвы, чуть слышно шумят листовицы в их руках, и время от времени раздается возглас:

— Оох, горе мне, грешнице!..

Наконец, после трех часов непрерывной молитвы мать-домочадица, Анна Амосова, поднялась с колен первая и, покрестившись, крадучись вышла из моленной.

Следом за нею, друг за другом, стали вставать с колен усердные инокини и выходить в смежную горницу, обращенную теперь в трапезную.

Последнею поднялась Морозова. Прекрас-

ное лицо ее было изнурено, на лбу выступил каплями пот; она подняла для крестного знаменья руку и застонала от боли, но тотчас нахмурилась и насильно вытянула руки дважды.

В эту минуту к ней неслышно подошла старица Меланья.

— Феодора, почто страдаешь? — спросила она.

Морозова вздрогнула, оглянулась и тотчас ответила:

— Потрудиться хочу во славу Христа!

— Мало ли трудишься? — с упреком сказала Меланья.

— Пострадать хочу!

— Гордые мысли, суета! — строго остановила ее Меланья. — Захочет Господь и пошлет, а без Его воли самой не след тщиться. Гордыня это! Вот и власяница твоя. На что?

Она указала рукою на рубаху. Морозова потупилась.

— Я никому ее не казала. О ней не говорила. Коли видел кто, не моя вина. Не горжусь я этим!

Меланья покачала головою.

— А тело изодрано и гниет, и в крови!

— Мать Феодора, — сказала, входя, инокиня Марфа, — сестрица твоя Евдокия Прокофьевна прибыла.

— Сейчас!

Лицо Морозовой осветилось приветливой улыбкой. Она любила сестру, по мужу княгиню Урусову, и видела в ней свою верную ученицу и страстную заступницу.

Евдокия порывисто бросилась ей навстречу, преклонила колени и поцеловала ей руку; Морозова благословила ее, подняла и ласково поцеловала.

— Ну что, сестрица, что, желанная моя, с чем пришла?

— Плохие вести, сестрица! — ответила Евдокия. — Слышь, государь решил на этой люторке, дочери антихристовой, жениться. Нет теперь у тебя ни заступы, ни силы!

Морозова тихо улыбнулась.

— Благословил бы Господь венец мученический принять только!

— Я тебя теперь, сестрица, не оставлю! Так и сказала мужу своему. Пусть будет что будет!

— Ты?!

Лицо Морозовой озарилось неземным счастьем.

— Ты, моя пеночка, ты, моя голубица! Тебе ли искус такой?

— Я решила, решила! Ты только подкрепи меня, если малодушество выкажу!

Морозова страстно обняла сестру свою.

— Ну, пойдем теперь в трапезную! — сказала она. — Чай, истомились мои старицы.

Они вошли. В трапезной за столом в унылом молчании сидели инокини. Поодаль за особым столом, с Киприаном и Федором во главе, сидело несколько нищих.

— Кушайте, сестрицы, кушайте, милые! — сказала всем Морозова, а сама, взяв мису, пошла к столу нищих и стала оделять их пищею.

— Милостивица наша! Благодетельница! Мати убогих и сирых! — гнусили они на разные тоны, а Евдокия глядела на свою сестру и умилялась душою.

Морозова оделила нищую братию и сказала келейнице:

— Приведи, милая, мне Ивашу!

Она удалилась с поклоном и скоро верну-

лась с хорошеньким мальчиком лет десяти.

Морозова обняла его и жарко поцеловала.

— Ну что, мой птенчик, — нежно заговорила она, — хорошо почивал, миленький?

— Хорошо, матушка! — ответил Иваша. — Видел я во сне высокие хоромы да светлые: Вошел я туда, а меня некий светлый муж взял за руку и говорит: пойдём, Иваша, я покажу тебе такое ли чудесное! Тут я проснулся, и муж исчез.

Морозова упала перед ним на колени.

— Сын мой, Ивашечка, отчего мне такие сны не снятся?

— Потому душа у него ангельская! — наставительно сказала Меланья.

Морозова обнимала сына и не знала, как ласкать его, а Евдокия смотрела на него и говорила:

— Боже мой, Боже мой! Да как же мне не идти по следу твоему, сестрица! У тебя рай тут, боголепие, покой и тишина! О, не надо мне этих царских да боярских утех. Срам на миру!

Морозова кивнула ей головою и, не поднимаясь с пола, сказала:

— Близится час судный, сестрица! И там разберут, кто праведный, кто виновный. Недолго владычество антихриста. Пожди, протрубит труба ангельская, и все содрогнется! Знаменья Господни о том свидетельствуют, а им все гусельки да сопели!..

В трапезную вошел Терентий. Он истово помолился на иконы и потом поклонился всем.

Теперь у Морозовой он был свой человек. Дня не проходило, чтобы он не побывал у нее, принося с собою, как и Урусова, дворцовые новости. День он считал бы не в день, если бы не повидал боярыни, не послушал бы ее пылких речей, обличений, не отдохнул бы у нее душою.

— Всякому свой крест положен, — говорила ему боярыня, — тебе при царе быть надо, и ты не беги. В миру-то, поди, еще больше искуса. Бес-то тебя и так, и этак пытается, а ты борись!.. Ну, что жена твоя?

Терентий угрюмо махнул рукою.

Да, коли была бы промеж них любовь, может, он и уговорил бы ее, а теперь она его и не слушает, да и ему-то мерзко. Белится, румя-

нится, что гроб повапленный [29].

Действительно, с женой он разошелся.

Она словно примирилась со своей горькой участью и что ни день ездила на верх, в царские терема. Там, сойдясь с царевнами, она без устали жаловалась на свою горькую долю, на свое соломенное вдовство.

Вскорости после размолвки с мужем приглянулся ей царский постельничий, Троекуров, сын боярина; перемигнулась она с ним раза два в царских сенях, а там, глядь, не побоялся он ни тына высокого, ни собак дворовых — и очутился в княжеском саду.

С той поры княгиня Дарья Васильевна и совсем мужа в покое оставила, не переставая всюду на него жаловаться.

А Терентий ничего не видел. Он весь отдался своему настроению, страстной натурой своей готовый сделаться фанатиком. Душа его чуяла, что скоро наступит роковой момент, и он трепетал в ожидании резкого перелома.

Любимая им когда-то Морозова, боготворимая теперь сподвижница — с одной стороны, а с другой — царь, обойденный Матвеевым и

его племянницей, царь, разрешивший и потехи, и скоморохов, и машкеры, царь-никониец, антихрист...

И Терентий трепетал.

Каждый день его наблюдательному уму являлись новые факты, свидетельствующие о близости катастрофы. Царь окружил себя потешниками да скоморохами, царь невесте своей позволил без покрывала ходить, царь все веселится, а речей наставительных уже не терпит, богоспасительных бесед не ведет.

Иосиф патриарх, что скоморох, во всем ему угождает.

Клир весь с этим хитрым патриархом наговаривают царю на Морозову, на ее имение зубы точат, а царь того не видит и преклоняет к ним свое ухо.

Недавно сумрачный такой при всех боярах сказал:

— Не бабьего ума дело о решениях соборных судить! Слышь, наша боярыня Федосья Прокофьевна вслух хулит и нас, и патриархов! Укоротиться бы ей надобно!

Сжалось сердце Терентия при этих словах и почувствовал он в них как бы раскаты при-

ближающейся грозы.

«С тобою вместе на муку пойду!»— думал он, умиляясь при мысли о боярыне.

Князь Теряев сумрачно качал головою, глядя на сына, и однажды сказал ему:

— Не сносить тебе, Тереха, здесь своей головы! Есть у нас вотчина под Саратовом. Я царю скажу. Он тебя туда на воеводство посадит. Уезжай!..

— Не могу, батюшка, — твердо ответил ему Терентий, — мое место тут, и дело мое от Бога!

Князь вздохнул и только покачал головою. «Что-то будет? — думал он. — Распалит царя глупостью своею. Эх, хоть бы опала мимо нас прошла!..»

V. Свадьба

Царь выбрал окончательно Наталью Кирилловну Нарышкину, но страх новизны был настолько велик, силы Милославских столь значительны, что только через два года царь мог назначить венчание. Все это время Наталья Кирилловна сидела наверху, каждый день опасаясь за свою жизнь. Царь был угрюм и мрачен. В царских теремах без перерыву шли толки и пересуды, а в застенках пытки и казни.

Старая партия видела в лице Матвеева и Нарышкиной новую силу, которая перевернет их обычный строй. Многие с неохотой приняли новшества Никона, а тут уже шла прямая иноземщина...

— Слышь, и орган, и музыка, и комедийные представления! Сама невеста без покрывала ходит, и словно бы в ней никакого стыда нет!..

Но царь крепко любил Артамона Сергеевича, успел навидаться этой иноземщины, и новая жизнь манила его своими прелестями.

Эти Милославские, Урусовы, оставшийся в

живых Морозов казались ему каким-то черными воронами и столь изрядно надоели, что он готов был кончить с ними одним ударом.

По дворцу закипела работа. И в обыкновенной жизни обряд венчания обставлялся по возможности пышно; при дворце же, да еще в царствование Алексея Михайловича, готовились торжества неопиcуемые. Государь сам следил за устройением торжества. Кравчие, постельничие, боярские и дворянские дети метались как угорелые из конца в конец Москвы. Готовилось народное угощение, готовились забавы и игрища.

Было видно, что царь хочет отпраздновать свою свадьбу с полным весельем.

Петр хлопотал едва ли не больше других, почти все время проводя с государем, в то время, как жена его, Катерина, близко сошлась с Натальей Кирилловной. За три дня до свадьбы государь, распределяя порядок шествия, сказал Петру:

— Глянь-ко, Петр, наистарше боярыни Морозовой при нашем терему никого нету. Съезди к ней, князь, и скажи, что определил я ей стоять во главе боярынь и царице титул гово-

рить! Съезди не мешкая и с ответом назад ворочайся!

Петр поклонился и вышел. В сопровождении Кряжа он поехал на двор Морозовой. Он был заинтересован и чего-то боялся. Ворота во двор были наглухо заперты.

Кряж сошел с коня и начал греметь кольцом. Во дворе глухо залаяли собаки. Потом в калитке поднялось волоковое оконце, и выглянувший привратник спросил:

— Кто там?

— Царский гонец! — сердито ответил Кряж. — Отворяй, что ли.

— Сейчас! — ответил привратник, захлопнув окно, и скрылся.

Наступило томительное ожидание.

Кони нетерпеливо фыркали и топтались на месте. Кряж ворчал:

— Ишь, воронье гнездо! Не боярыня, слышь, а черница какая-то! Коли ты юродивый — настезь ворота, а царский посол — так от ворот поворот!..

Наконец заскрипели ворота; князь Петр въехал на широкий двор и по обычаю тотчас спешился. Когда он подошел к крыльцу, ему

навстречу вышел Терентий.

Это было так неожиданно для Петра, что он даже отшатнулся.

— Терентий, ты? — воскликнул он изумленно.

— Сам видишь! — ответил Терентий и спросил: — С чем к боярыне приехал? Али опала какая?

Петр оправился и ответил:

— Самой боярыне сказать приказано. Коли ты встретил меня, так и проводи до нее. Скажи, царский посол!

Терентий усмехнулся.

— Ей это не в удивление. У нее один царь: Христос. Ну да ин пойдем!

Петр вспыхнул от презрительного тона Терентия, но сдержался и пошел следом за ним по горницам, пропитанным запахом ладана. Терентий оставил его в одной из горниц, сказав:

— Подожди здесь. Сейчас выйдет! — и скрылся за маленькой дверью.

Петр остался один и с негодованием встряхнул головою.

«Позор всему роду Теряевых! Старший

брат словно келарь послушник при опальной боярыне!» Никогда не ожидал, он такого зазора. За дверью раздавался сдержанный шепот, потом отворилась дверца, и в комнату вошла Морозова. Петр взглянул на нее и невольно смутился. В ее фигуре столько было величавой простоты, в ее лице столько суровой гордости, что Петр сразу почувствовал себя ничтожным мальчиком перед нею. Однако он оправился, поклонился ей наотмашь и сказал:

— Великий государь прислал меня до тебя, боярыня, чтобы быть тебе по чину на свадьбе во главе прочих боярынь и царице титул сказать!

Морозова склонила голову, потом выпрямилась и ответила Петру:

— Благодарю государя за честь, а только не могу я идти и дьявола радовать. Не могу потому, что служба у вас не Божья, а антихристова, что свадьба у царя скоморошья и что неместно мне, смиренной рабе Божьей, на скоморошьи игры взирать. Вам радость, а мне скорбь, потому — вижу, как вы, неразумные, все антихристу продались.

Краска залила лицо Петра. Он считал себя верным царским слугою. По его понятиям, царь был земной владыка, и оскорбление царя было для него оскорблением святыни. Он с изумлением воззрелся на Морозову и сказал:

— Так ли слышу?

Она усмехнулась и ответила:

— Так, миленький, все так! Так и царю перескажи...

Петр, не поклонясь, повернулся и вышел от Морозовой, смущенный, взволнованный. Он уже собирался сесть на коня, как вдруг к нему спешно подбежал Терентий и, ухвативши его за руку, взволнованно сказал:

— Брат! Как старший после отца, заклинаю тебя: не передавай царю ее речи! Не ускоряй конца ее!.. Скажи царю как-нибудь иначе; скажи просто, что недужится ей; пусть, коли будет что с нею, так не от нашего рода! — Голос его дрожал, и гордый Терентий умоляюще смотрел на брата.

Брат вспыхнул.

— Как она смела так на царя говорить? — Но доброе сердце его отошло тотчас при виде волнения Терентия.

— Хорошо, брат! — сказал он Терентию. — Скажу по-иному!

И, приехав во дворец, он сказал:

— Государь, боярыня отказалась. Просит слезно простить ее, потому, дескать, что ногами зело прискорбна: не может ни ходить, ни стоять...

Царь нахмурился и гневно ударил по налокотнику кресла.

— Знаю, знаю! — закричал он. — Она загордилась. Ну да попомнит она меня!..

А в это время у Морозовой происходила трогательная сцена. Инокнии окружили Морозову и жалобно говорили:

— Отпусти нас, мати, чтобы не пострадать нам здесь!

А Морозова утешала их:

— Нет, голубицы мои; не бойтесь, мои миленькие, еще теперь за мной не будет присылки.

Она ушла в моленную и долго молилась там, с исступлением повторяя:

— Господи, сподоби меня пострадать за истину!

Терентий мрачно возвращался домой и ду-

мал, что близко время, когда он сбросит с себя маску притворства.

VI. Свыше сил

Темная зимняя ночь. В опочивальне князя Тугаева душно и мрачно. Большую комнату с низким потолком и с широкою печью слабо освещает трепетный свет лампадок. Высокая кровать под пышным балдахином кажется катафалком. На пуховой постели раскинувшись спит княгиня Анна Михайловна. Косы ее разметались. Она чему-то улыбается во сне и прерывисто дышит, а рядом с нею, облокотись на подушку, без сна лежит князь Тугаев, и лицо его с расширенными глазами изображает страх и страдание. Сбросил он с себя одеяло, расстегнул ворот рубахи, а все ему душно, жарко и невозможно. С той роковой ночи, как приехал он к Анне с вестью о своем вдовстве, не было у него покоя ни на день, ни на час. Все видится она, постылая жена-покойница, искушение дьявола в образе Еремейки, вспоминаются страшные дни и часы страдания и смерти жены...

Как она мучилась! Как стонала! Как мета-

лась перед смертью, а потом вся скорчилась, почернела, словно спалил ее огонь...

Не простится такой грех вовеки! Обречен он на окаянство, на геенну огненную, на муки адские...

Глаза его расширились еще больше, и он в испуге вскочил с постели.

— Что это?...

В углу за печкой что-то зашевелилось; от стены отделилась какая-то тень, всколыхнулась и двинулась... Тугаев вытянул вперед руки и закричал не своим голосом. Анна проснулась и в испуге поднялась в постели.

— Павел, очнись, что с тобой? — закричала она.

Он тяжело вздохнул, провел рукою по лицу и огляделся растерянным взглядом.

— А? Что? — спросил он.

— Ты кричал; тебе что-то привиделось. Что с тобой? Отчего тебе снятся такие тревожные сны? Ты совсем изменился, мой сокол!

Он опустил в постель и лег навзничь. Капли холодного пота орошали его лоб.

— Ничего, Анна, ничего, голубка моя! Спи спокойно.

— Но ты тревожишься? Твое лицо в поту? — Она нежно притронулась к его лбу рукою. — Не спрыснуть ли тебя водою? Не почитать ли псалтырь?

Он слабо покачал головою.

— Нет, ничего не надо! Только укрой меня. Мне страшно.

Она обняла его, прижала его лицо к своей груди, и он, мало-помалу забылся тяжелым сном. Не спала теперь Анна Михайловна. «Что с ним такое, — думала она. — Неужели Господь так карает нас за ложь перед батюшкой с матушкой?» И она решила перед ними покаяться. Хотя и знала она, что наступит день, ночные страхи ее развеются и у нее не хватит духу привести в исполнение свое решение, но все же теперь она успокоилась и забылась сном рядом с мужем.

Невесела была их жизнь. Они почти никуда не выезжали, и у них почти никого не бывало. Она все время проводила в неустанной работе у себя в терему или ездила по монастырям, развозя дорогие вклады и молясь всем святым и угодникам. Он ездил только в свой полк, виделся только с Петром, постоян-

но был угрюм и мрачен, а иногда вдруг седлал коня, брал своего стремянного и уезжал из города на два, на три дня.

— И у Аннушки нашей нелады какие-то! — с горечью говорила княгиня Ольга Петровна своему мужу.

— Не говори! Только один Петр меня и радует.

— Терентий в староверцы отошел, а те словно отрезались. Другие времена настали! Так тяжело, что и сказать нельзя! Веселиться бы, радоваться, а они ровно в схиму готовятся...

Князь Тугаев не находил себе покоя. «Хоть бы перед кем покаяться, перед кем-нибудь душу излить! Впору иной раз идти на пожар, поклониться народу да и покаяться!»

Однажды в таком настроении он медленно ехал берегом Москвы-реки, когда встретился с князем Терентием, который возвращался от Морозовой. Уже давно влекло Тугаева к этому странному человеку, который казался ему загадочным. Он подъехал к нему и окликнул. Терентий поднял голову.

— А? Ты, князь? — сказал он Тугаеву, ра-

душно с ним здороваясь. — Куда?

— А так! Промягся выехал, — ответил Тугаев и вдруг сказал: — Дозволь, Терентий Михайлович, с тобой перемолвиться словом!

Терентий взглянул на него и молча кивнул головою. Они поехали рядом. Тугаев тихо заговорил:

— Жить мне тяжело, Терентий Михайлович. На душе у меня туча черная. Извелся я совсем, измучился!..

Князь Терентий маяча посмотрел на него, и во взгляде его сверкнул луч участия.

Тугаев оживился и продолжал:

— Тайна у меня на душе. Давит она меня и мучает. Хочу тебе душу свою открыть...

Терентий произнес:

— Только потом не кайся. Иногда так-то бывает. Выложит человек перед человеком свою душу, а потом и сам не рад, и прежний друг в одночасье злым врагом делается. Подумаешь, а потом говори.

Тугаев встряхнул головою и с решимостью ответил:

— Все тебе как на духу поведаю! — и дрогнувшим голосом начал свою страшную исповедь.

ведь...

Сперва рассказал он, как повенчали его, не смысля, по обету родительскому с нелюбимой женою. Как страдал он с нею и мучился, взяв на плечи свои непосильный крест. Как сломал он походы и сдружился с Петром. Как вернулся и увидел сестру их Анну, как любил ее. Как виделись они. Как колдовал он у Еремейки и что сделалось потом.

Голос его дрожал и доходил до шепота.

Князь Теряев давно уже остановил коня, и они стояли посреди дороги, оба взволнованные, бледные от ужаса внезапно раскрытой тайны.

— И нет мне теперь покоя, — тихо проговорил Тугаев, — и вижу я загубленные жизни, и свою, и Анны! И не знаю выхода. Вот я встретил тебя, поведал как на духу, тайну свою и теперь в твоей власти! Хочешь, иди в приказ и скажи о моем окаянстве!..

Терентий скорбно покачал головою и ответил:

— Господи! Господи! Греха-то сколько! Не знамение ли это антихриста? Что могут сделать люди с тобою? Бог наказует тебя! Загу-

бил ты две жизни, двух жен своих; над душой сестры моей насмеялся. У людей нет на тебя наказания. Иди в монастырь и там свой грех замаливай!

— Тяжко мне! Тяжко, — застонал Тугаев и склонил голову на шею лошади.

Терентия охватила жалость к этому человеку. Он положил руку на его плечо и сказал ему задушевым голосом:

— Бог простит! Он все видит, и ни одна покаянная слеза твоя не упадет даром. Время теперь страшное, пришел антихрист со слугами своими, и благо тому, кто вовремя успел принести покаяние! Иди в монастырь, не мешкай...

Тугаев встрепенулся и, взглянув на Терентия, сказал:

— Спасибо тебе, князь! Указал ты мне путь истинный!..

Князь сложил двуперстно руку и осенил Тугаева крестным знаменем.

— Мир с тобою, мой бедный брат! — сказал он. — Иди и поборай дьявола!..

Князь порывисто поцеловал Терентию плечо и погнал коня во всю его конскую

VII. Гроза

На другой день после этой беседы князь и княгиня Тугаевы, простившись со стариками Теряевыми, тронулись в дальний путь.

— С чего надумались? — спрашивал у князя Петр. — Теперь у нас самое веселье. Вскоро сти весна начнется, охоты!

— Не до того нам, — ответил Тугаев, — поездим по святым монастырям, за грехи свои помолимся. До сей поры одна Аннушка ездила, а теперь и я с нею.

И они поехали в двух возках, взяв с собою только десяток слуг.

— Дела! — говорил жизнерадостный Петр своей жене. — Людям бы веселиться, а на них грусть-тоска так и лезет! С чего?

— Грехи, надо быть, одолели, — задумчиво отвечала Катерина.

— У них-то грехи?...

Катерина тихо кивнула головою.

— На верху-то слухи ходят, что жена его первая неспроста померла!

Петр вздрогнул, и глаза его сверкнули гне-

ВОМ.

— Катерина! — грозно сказал он. — При мне таких слов не говори! Не учил я тебя еще; как бы не начал!..

Дела!

Это слово теперь переносилось с уст на уста. С новым встретилось старое в лице боярыни Морозовой и все с напряжением и тревогой следили за ее неравной борьбою.

— Боярыня, — говорил Терентий Морозовой, — во дворце царь что ни день ждет тебя с поклоном. Чего не идешь ты? Грозу на себя кликаешь!..

— Сестрица, голубушка, — говорила ей княгиня Урусова, — муж сказывал, царь больно на тебя сердчат. Иди скорее, поклонись!..

Морозова улыбалась им обоим в ответ.

— Ах вы, мои заступники! Миленькие вы мои! Как же, подумайте, золотые, я к царю поеду? Приеду, войду, тут меня архиереи благословлять троеперстно станут, приму ли на душу такое поругание? Войду, говорить стану. Поначалу царя благоверным наречи. Благоверным! Подумайте, милостивцы. А какой же он благоверный, коли он слуга антихриста? А

там ему и руку целовать надо. Тьфу! Не возьму на душу греха такого!

Терентий молчал, чувствуя правоту ее, а княгиня, сестра ее, умиляясь, говорила:

— Не оставлю я тебя, страстотерпица! С тобою муку приму!

— Мати Феодора, отпусти нас! — просили трусливые инокини.

— Подождите, милые! Придет беда, сама укажу вам, а теперь скучно мне без вас будет!

— Царский посол! — доложила однажды испуганная Меланья.

— Что ж, пусть войдет, — ответила Морозова, и в горницу к ней вошел боярин Троекуров, лицом красный как свекла, толстый как боров, с рыжею бородою и рыжими бровями кустиками.

— Уф! — заговорил он, отираясь платком. — Что ж это ты, боярыня, супротивничаешь? Ась?

— Ты хоть лоб-то перекрести, слуга антихристов, — спокойно заметила ему Морозова.

— Лоб? Ах ты! Вот вошел, и сейчас лукавый попутал!

Боярин истово помолился на образа и сно-

ва обратился к Морозовой.

— Что ж это ты строишь, мать? — грозно заговорил он. — Царь поженится, в радостях, а ты хоть бы челом ему побила, на радости поздравила. Вишь, на свадьбу не поехала и теперь кочевряжишься!..

Боярыня слушала его с кроткой улыбкой.

Он был ровесник ее покойного мужа, пировал на ее свадьбе, помнил ее красу и величие, и теперь приходил прямо в раж.

— Эх, живи боярин Глеб Иванович! Взял бы он плеть шелковую... Ты что думаешь себе? Перед царем ты козявка малая. Царь повелит, и тебя на цепях притащат! Чего молчишь, гордячка? Али не дело говорю? Вот что! Царь прислал меня, чтобы я тебя честью уговорил. Так сказывай теперь: приедешь к царю или нет?

— Нет!

— Как? — боярин даже попятился и сел с размаху на коник.

— Так, Степан Трофимович, нечего мне у царя твоего делать. Он так думает, а я так! Зла царю я не делаю и дивлюсь только, за что такой гнев на мое убожество!

— Тьфу! — обозлился Троекуров. — Ради Ивашки одумайся!

— А что могут младенцу сделать?

— Ну-ну! Однако и заноза ты, Прокофьевна! Теперь уж на себя пеняй, распрекрасная!

— Челом тебе, боярин! Чего в случае, помяни меня, убогую, в молитвах!

— Помяну, помяну! — пробормотал боярин, уходя от Морозовой, и тяжело вздыхая влез на своего коня.

После него был с таким же увещанием князь Урусов, муж ее сестры.

— Эх, сестрица, — говорил он ей, — что тебе? Съездила, поклонилась, а там опять у тебя и келейницы, и юродивые, и весь обиход. Веруй себе по-своему!

— Ах, князь, князь, — с укором сказала ему Морозова, — чему учишь? А? Господа моего обмануть учишь! Разве от Него скроюсь?!

Князь сконфузился и ни с чем вернулся к царю. Царь сидел в думе. С ним, кроме бояр, сидели патриарх, его духовник, архиереи и настоятель Чудовского монастыря. Царь выслушал доклад Урусова и гневно нахмурился.

— Тяжело ей бороться со мною, — глухо

сказал он, — один кто из нас беспременно одолеет!

Терентий побледнел в страхе.

— Ну-ну! Будем ее из дому изгонять и на суд ваш, пастыри, отдадим. Пусть уж напрямую скажет, како верует?...

— Давно говорили тебе, государь, про это, — вкрадчиво сказал чудовский архимандрит Иоаким, — гордыню ее с корнем вырвать надобно, как сорную траву из злака!

— Так и будет! — решительно сказал царь, вставая. — Не то она только всю Москву мне мутит! Ин быть по сему. Ты, старец, — обратился он к Иоакиму, — и сыск над ней учинишь! К тебе дьяка дам!

Терентий, себя не помня, выскочил из дворца и помчался к Морозовой.

— Берегись, боярыня! Царь на тебя распалился лютым гневом и на тебя людей посылает! Спасайся!

Морозова просияла и словно выросла. Она протянула руки Терентию и братски его поцеловала.

— Весть принес ты мне радостную, голубь мой! Пострадать за Господа — великая честь!

Терентий затрепетал от восторга и умиления, и лицо его сразу оросилось слезами.

Морозова спешно пошла по кельям своих инокинь.

— Матушки вы мои, — говорила она им, — время мое пришло. Идите! Может, Господь где вас и сохранит, а меня благословите на дело Божье и помолитесь обо мне, чтобы укрепил меня Господь!

— Сестрица! — вбежала к ней княгиня Урусова. — Час, не более, к тебе с сыском придут!

— Господь с ними! Я готова! — ответила Морозова.

— И я с тобою!

— Благослови тебя Бог, миленькая!

Старицы спешно оставили дом Морозовой, юродивые и нищие разбежались, оставив двери и ворота раскрытыми настежь.

Князь съехал со двора Морозовой, но не мог покинуть ее и остался на улице следить за домом в темноте ночи.

Он знал, что теперь об эту позднюю пору царь с думою сидит в Грановитой палате и заметит его отсутствие, но страх за Морозову, за свою первую любовь, осилил страх вины пе-

ред царем, и он оставался за углом дома.

VIII. Во славу господя!

Долго ждал Терентий. Подошла уже глухая полночь, когда к раскрытым настежь воротам неслышно подъехали пошевни, и из них вылезли друг за другом три человека.

Терентий стал всматриваться в их лица и при ясном лунном свете сразу узнал архимандрита Иоакима.

— А этот — дьяк Ларион Иванович, думный дьяк. А этот, — Терентий перегнулся в седле, — этот — дьякон Иосиф. Ишь, сколько их наехало!

Они с шумом пошли во двор, громко сказав слугам:

— Подержите коней!

Их голоса и шага слышали Морозова с сестрою и задрожали от страха, но через мгновение оправились.

— Сестрица, — сказала княгиня, — помоги нам Господь и ангелы. Совершим метание!

Они совершили семь поклонов, потом бросились в объятия друг друга и крепко поцеловались.

— С нами Христос! — сказала Морозова. — Теперь ляжем, княгиня!

И, задув огонь, они полегли: Морозова в свою постель, а княгиня торопливо скрылась в ближний чуланчик, где до того спала Меланья, и легла на лавку.

Почти тотчас вошли к ним посланные.

— Эй, огня! Кто там есть! — закричал в темных горницах дьяк. Испуганный слуга принес светец, и они вошли в опочивальню боярыни.

Архимандрит прямо подошел к ней.

— Ты боярыня Морозова?

— Я! — не вставая, ответила боярыня.

— Государь до тебя прислал спросить: как крестишься? Встань и ответствуй!

Морозова протянула руку с двуперстным сложением и твердо ответила:

— Так!

— Гм! — ответил несколько смущенный архимандрит. — А были у тебя тут старица Меланья и прочие инокини. Они где? Сказывай без утайки!

— По милости Божьей и молитвами родителей наших, по силе нашей, в убогом дому

нашем были завсегда отворены настежь ворота для странных, убогих и нищих. Были тогда и Меланьи, и Степаниды, и Карпы, и Александры. Ныне ж никого нет!

— Ну-ну, поищем! Ларион Иванович, делай сыск!

Дьяк Иванов, худой как щепка, с острой козлиною бородкою, щурясь и шмыгая носом, стал шарить по всем углам, вошел в чулан и вдруг нащупал женское тело.

— Здесь! — закричал он и поспешно спросил: — Кто ты есть?

— Я князя Петра жена, Евдокия Урусова!

Словно ошпаренный выскочил дьяк из чулана. Был он думным дьяком и хорошо знал, что за сила князь Петр.

— Чего ты? — спросил архимандрит.

Дьяк только тряс головою.

— Тамо... тамо... княгиня Урусова!

— Княгиня Урусова! — воскликнул изумленный архимандрит, но тотчас принял важный вид и грозно сказал:

— Спроси, как крестится?

— Не смею! — ответил дьяк. — Нас до Морозовой посылали!

— Спрашивай, волчья сыть! — заревел Иоаким.

Дьяк трусливо заглянул в чулан.

— Кккак... крестишься, княгинюшка? — замирающим голосом спросил он.

— Так! — твердо ответила Урусова и вытянула руку со сложенными двумя перстами.

— Ай-ай-ай! — загнутил дьяк. — Что же теперь делать?

— Побудь да поблуди их, а я живо! — сказал архимандрит и, выйдя из дому, спешно поехал во дворец. Царь ждал его со всею душою.

— Государь, — сказал Иоаким, кланяясь, — как повелишь: там сестра ее Евдокия, княгиня Урусова. Обе сопротивляются крепко.

— Возьми и ту! — угрюмо ответил царь и глянул на князя Урусова. Тот не повел и бровью [30].

Иоаким вернулся.

— Ну, боярыня, — сказал он ей строго, — понеже не умела жить ты в покорении, но в прекословии своем утвердилася, а потому царское повеление постигнет тебя, и из дому ты изгоняешься. Полно тебе жить на высоте,

сниди долу, встань и иди отсюда!

— Скорбна ногами зело, старче, — насмешливо ответила Морозова, — ни стоять, ни ходить не могу!

— А ты, княгиня?

— И я тож!

Иоаким покраснел от досады.

— Эй! Посадите их на стулы и вон несите!

Люди тотчас ухватили сестер, посадили их на кресла и понесли вон из горниц.

— Матушка! — раздался крик ее сына, и он подбежал к ней.

— Иди прочь! — закричал на него дьяк.

— Дайте проститься! — в первый раз взмолилась Морозова и обняла своего сына.

— Прощай, Иваша! Прощай, сокол мой!

Мальчик плакал. Их разлучили насильно.

Потом заковали обеих сестер и вместе с креслами посадили их в подклети.

Терентий тотчас въехал во двор, едва скрылись царские слуги. Он подбежал к клетям и страстно прижался лицом к двери.

— Мати, благослови и меня на страдания! — вскричал он.

— Благословляю тебя на жизнь в миру! —

нежно и ласково ответила Морозова. — Иди, Терентий, прочь теперь. Неравно увидят, и тебе худо будет!

Через два дня взяли Морозову в Чудов монастырь и привели в палату.

Там заседал целый синклит. Митрополит Крутицкий Павел был во главе, сидел тот же Иоаким, думные дьяки и много попов.

— Феодосия, чадо мое! — ласково заговорил Павел. — Опомнись! Наговорили это тебе старцы и старицы, а ты довела себя до такого поношения!

— Не старцы и старицы, а слуги Христовы! — ответила Морозова, не вставая со стула, на котором сидела.

— О, овца заблудшая...

— Вы заблудшие, а не я!

— Не перебивай речи...

— И слушать вас зазорно!

— Истинно ты бесом обуяна, — с горечью сказал Павел, — ответствуй спроста. По тем служебникам, по которым царь причащается, и благоверная царица, и царевич, и царевны, причащаешься ли ты?

Морозова только усмехнулась.

— Известно, нет! Потому я знаю, что царь по развращенным Никоном изданиям служебников причащается.

— Как же ты об нас всех думаешь? — с гневом спросил Павел. — Что? Мы все еретики?

— Ясно, что все вы подобны Никону, врагу Божию, который своими ересьюми как блевотиною наблевал, а вы теперь его скверненье подлизываете!

— Так ты не Прокофьева дочь, а бесова!

— Я дочь Христова!

— Врешь, бесова! В железа ее!..

Ее ухватили и, спешно заковав в кандалы, надев цепи на шею, повлекли через весь Кремль в подворье Печерского монастыря, где и посадили в яму.

Она же пела и славила Господа.

Княгиню Урусову заточили в Алексеевском монастыре, где ее мучили и терзали старицы, заушая ее, лишая пищи и всячески глумясь над нею за ее упорство.

Терентий страдал и уже не мог скрыть от людей своих страданий. Лицо его осунулось, глаза загорелись лихорадочным блеском.

Царь пытливо посматривал на него и ка-

чал головою или хмурился. Прежде Терентий прикрывался бы улыбкой или отвел взгляд. Теперь же он дерзко, вызывающе взглядывал в ответ, словно ожидая опалы и радуясь.

Царь говорил Петру:

— Что брат твой? Никак, и он старой веры и за Морозову мне супротивник!

Петр вспыхивал, но не решался сказать правды.

— Не знаю о нем ничего. Сторонится он нас. Одно знаю, что все мы, Теряевы, за тебя готовы животы положить.

— Все ли? — недоверчиво говорил царь и задумывался.

Борьба со староверами все более и более омрачала его, нарушая его тихий покой, расстраивая его веселье, забавы и игры с молодой женой.

IX. Небесная кара

Грех смертоубийства, грех волхвования. И в наше безверное время убийство ближнего считается преступлением и против общества, и против духа. В ту же пору не было ужаснее греха, чем отравление жены мужем или мужа женою; равно и волхование казалось тяжким преступлением.

Воспитанный в таких традициях, князь Тугаев не мог вынести на своей совести этих страшных грехов.

Они давили и терзали его.

Лицо его потемнело и осунулось, глаза глубоко ушли в орбиты и взгляд сделался тревожен и пуглив.

— Анна, — говорил он иногда ночью жене своей, — не оставляй меня одного. Не уходи от меня. Мне мерещатся призраки умерших!

Анна трепетала.

— Сокол мой ясный, что с тобою? Какая кручина у тебя? Скажи мне!

Он слабо улыбнулся однажды и сказал:

— Коли я открою тебе душу свою, ты стоишь, как от полымя!..

Анну объял ужас. Что сделал ее Павел?
Молиться, молиться!

Так же думал и Тугаев, и они ездили из монастыря в монастырь, и не было ни одного старца, ни одного схимника, у которого не исповедовался бы князь.

— Постой, золотая моя, — говорил он жене, — я к старцу схожу. А ты молись!..

И он шел и каялся в своем страшном грехе. Слушали его старцы и схимники и в ужасе качали головами, а потом говорили:

— Иди в монастырь, схиму прими — и замаливай грех свой. Велик он зело! Не помогут молитвы без дел!

Он возвращался к жене бледный как смерть и говорил ей:

— Молись, Анна, обо мне!

— Скажи, что на душе у тебя?

Он молчал. Сказать ей — это значит покаяться и идти в монастырь, отречься от нее, от всего того, ради чего он принял такие муки. Это было ему не по силам. Любовь к молодой жене побеждала ужас вечных загробных страданий.

— Что сказать тебе, Аннушка, кроме любви

моей к тебе безмерной, — говорил он ей в редкие минуты спокойствия, — ради любви этой пошел бы я на всякие муки.

— Для чего же муки, милый? — со стоном говорила Анна. — Смотри, другие любятя и веселы, и детки есть, а мы... Только изводимся с тобою.

— Ну, ну! Вот я слышал, в Ипатьевском монастыре пресветлый старец Иннокентий есть. Всякий, говорят, грех разрешает. К нему поедем!

Но и старец Иннокентий не отпустил греха Тугаеву.

Анна терзалась; в ее простом уме слагались ужасы без всяких определенных мыслей, но однажды она вдруг словно просветлела.

Это было в странноприимном доме при Черемнецком монастыре. В просторной горнице лежали они на кровати. Анна не спала, взволнованная печалью мужа, и думала тоскливые думы.

Князь спал тревожным, тяжелым сном. Он стонал, метался во сне и бормотал несвязные речи.

Вдруг он вскочил с исступленным криком. Глаза его расширились, он вытянул вперед руки и закричал:

— Ты? Ты? Опять!..

В ответ на его крик раздался другой. Князь очнулся и растерянно оглянулся. И вдруг замер в новом ужасе.

Анна соскочила с кровати и в одной сорочке стояла в углу горницы, дрожа от страха и с ужасом смотря на князя.

Он сделал к ней шаг вперед, взглянул на нее и встал как вкопанный. В ее взгляде он прочел, что она все знает...

— Ты?... — с бесконечным ужасом и страданием произнесла Анна.

Он вздрогнул.

— Да, да! Вот он, мой грех! Вот мое окаянство! Анна, милая!

Он упал на пол, и в несвязных словах полилась его ужасная исповедь.

Ах, не встречаться бы им здесь вовеки! Не волен он был в сердце своем! Все мутилось, не в себе он был. Дьяволы томили его, дразнили и мучили! Видит Бог, он боролся...

Анна слушала и трепетала.

Вон он, грех лжи и обмана! До чего дошла она! Ведь и она в той душе загубленной повинна.

— Иди в монастырь! Я тоже уйду!

— Но я люблю тебя, Анна!

— Прочь! Прими руки... окаянный!

— Что?

Князь вскочил как ужаленный и схватился руками за голову.

— Прочь, прочь, прочь! Не скверни меня руками своими! — твердила, дрожа, Анна.

Князь дико вскрикнул, захохотал и бросился из горницы.

— Куда? — остановил его привратник.

— Прочь! — оттолкнул он его с силою и выбежал за ограду.

Была весна в начале. Огромное озеро, что окружало монастырь, почернело и вздулось, готовое сломить лед при первом порыве ветра.

— Проклят, проклят! — бормотал князь, бегом спускаясь на зыбкую поверхность талого льда.

— Братии, душа гибнет! Спасайте! — закричал испуганный привратник.

— Боже, спаси и помилуй!

— Проклят, проклят! — твердил князь, увязая в снегу, попадая в лужи талой воды. Вдруг перед ним мелькнул словно призрак его умершей жены.

— Опять ты! — закричал он истуупленно и рванулся вперед.

— Сгиб! — раздался вопль с берега.

При свете луны привратник увидел, как князь на всем бегу словно провалился. Он упал в прорубь. Крик привратника огласил уснувшую обитель.

Несколько иноков выбежали на берег. Отважные монахи бросились следом за князем, дошли до проруби, но не увидели его труп.

— Затянуло под лед, — толковали они потом.

— Ох, грехи тяжкие!

— Кто княгине-то скажет, милостивцы! — печалился ключник.

А княгиня лежала в горнице без сознания. Ее ум не выдержал такого напряжения, и бедная голова ее закружилась. Когда она очнулась, подле нее у постели сидел старец.

— Опамятовалась! — с тихой улыбкою ска-

зал он и взглянул на нее с нежным участием.

— Отче, — робко спросила она, — где су-
пруг мой?

Старец помолчал мгновение, а потом тихо
и торжественно сказал:

— Господь Бог уготовил тебе тяжкое испы-
тание...

— Где муж? — повторяла Анна.

— Там, — старец поднял глаза кверху, —
где нет ни печалей, ни вздыханий, но жизнь
бесконечная!..

— Он принял схиму?...

— Навечно...

— Так скоро? Сколько же я лежала?

— Он утоп, дочь моя! — тихо ответил ей
старец.

— Как?

Анна поднялась и села, бледная, как плат.

— Утоп по неразумию.

И старец рассказал про смерть ее мужа.

— И тела нет... вот весною лед вскроет, то-
гда предадим его честному погребению... Что
ты, дочушка!

— Божья кара! Божий суд! — вскрикнула
Анна и, упав на колени, прижалась лицом к

ногам старца.

— Что, доченька, что, милая?...

Она неясно бормотала:

— Грех! И его грех, и мой грех! Оба грешны.

Отче, выслушай!

— Ну, говори, доченька! Вот так! Я слушаю.

Шепчи мне потиху!

Он опустил рядом с нею на колени и прислонил ухо свое к ее помертвевшим губам.

Анна бессвязно начала свою исповедь, задыхаясь от глухих рыданий.

Х. Тяжкие времена

По Москве опять заходили странные люди. То тут, то там вдруг объявлялось подметное письмо. Голь кабацкая и гультяи толпами собирались и говорили меж собою.

— Ужо им, боярам! Идет молодец на них. С ними, слышь, везде расправу чинят!

— Верно! Слышь, братцы, Астрахань взял, Саратов, Царицын...

— На Казань идет!

— Цыц вы, крамольники! — орали пристава. — Расходитесь! Не то вас!

Толпа разбежалась, а в другом месте уже собиралась вновь и вела свои разговоры.

Слух о Стеньке Разине дошел до Москвы и взволновал ее сверху донизу.

Царь собирал думу и совещался. Вор вернулся после двухлетней пропажи снова в Астрахань и на этот раз взял ее, пролив море крови.

— Тогда выпустили! — с укором говорил Урусов. — Львов да Прозоровский большой беды тогда наделали!

— Тогда, тогда! — с раздражением сказал царь. — Надо думать, что теперь делать!

— Дозволь слово, государь, держать, — произнес боярин Нащокин.

Царь обернулся к нему.

— Допрежь всего всем воеводствам строгие наказы разослать, чтобы держали себя с великим бережением и друг другу помощь бы оказывали, а не супротивничали бы да не сварились бы.

— Так, боярин! — одобрил царь.

— А потом и сидеть себе в упокое, — продолжал боярин, — немислимо, чтобы вор этот до Москвы дошел.

— Вестимо, немислимо, — подтвердили все.

— Одно только, в людях смятение, государь, — вставил Троекуров.

— Государь, — сказал патриарх, — по моему разумению малому, надо проклясть этого самого Разина всенародно. Объявить на него анафему, и тогда, верь, народ отшатнется от него и будет он совсем один!

— Это так! — сказал повеселевший царь. — Проклясть его всенародно. Истинно он от дьявола.

— Проклясть! Отлучить! — подхватили бояре, и на думе решили отлучить Стеньку от церкви и наречь ему анафему.

Уже дума собиралась расходиться, когда встал Иоаким и заговорил:

— Милостивцы, прислушайте мое слово!

Царь воззрелся на него.

— В народе нонче опять непокойно, опять мятежные думы в головах и на языках сквернословие, а тут же у нас ко всему соблазн великий. Народу якобы на потеху и радость.

Терентий побледнел, и сердце его сжалось

предчувствием злого.

— Про что говоришь, отче? — спросил царь. — Не возьму в толк!

— Говорю, государь, про смутьянство, что вслух поносят нас, иереев, и тебя, царское величество, и царевен, и царевичей. Говорю про староверок упорствующих, Феодосью и сестру ее Евдокию. Всем соблазн!..

Царь нахмурился.

— Что же они делают? Али мало им, что в клетях по монастырям сидят?

— Всем, государь, — соблазн, — заговорил с жаром Иоаким, — теперь возьми эту Евдокию...

Князь Урусов опустил голову.

— Что она творит? Господи Владыко! Теперь ей наказали мы беспременно в церкви нашего чина службу стоять. Так что ж? Не идет! Ноги, слышь, не служат. Ну, ее на рожу и волоком тащут, а она-то ругается. А народ видит это и соблазняется.

Царь кивнул.

— Ну а та? Морозова?

— И того хуже! Теперь, слышишь, со старицей Меланьей что ни день видится, письма от

нее подметные. Где та старица, ищем и сыскать не можем. А она, боярыня, у себя в железах сидит и поет гласом велиим на всю обитель. А то сквернословит! Ей говорят: тихо! А она еще громче. Народ прямо под окнами толпой стоит. В пору палками гнать...

Царь гневно нахмурился.

— Ох, эти мне две супротивницы! Ну что с ними сделаю? Услать их надо куда от Москвы далее, в крепкие железа заковать, за запоры посадить.

Терентий не вытерпел и вдруг сказал:

— За что, государь?

Словно грянул гром, так все бояре всполошились в думе. Царь поднял голову и удивленно смотрел на Терентия, иные бояре встали со своих мест.

— Как за что? — переспросил царь.

Терентий был белее вешнего снега.

— Веруют так они и за то страждут, — твердо ответил он, — а в чем провинились пуще того? Сделали дело татевное? Воровством, знахарством промышляли? Убийством жили? Гляди, сколько убогих и скорбных приютила у себя боярыня. Не гнушалась в чумное время

ходить за больными. Нищих оделяла. Что свеча горела перед Господом! Смилуйся, царь, над нею!

И Терентий вдруг, к общему соблазну, упал в ноги царю.

Царь встал, пылая гневом.

— Что говоришь, безумный! — закричал он. — А супротив меня она не шла? Не поносила меня и святых отцов? Не сказывала, что я по-бесовски верую, а она истинно? Али это не в упрек ныне, своему царю перечить?

Патриарх подал едва заметный знак.

— Как веруешь? Как крестишься? — завопил вдруг Иоаким, бросаясь к Терентию.

Все замерли. Терентий медленно встал и вопросительно взглянул на царя.

Царь отвернулся и глухо повторил:

— Как?

— Так! — звонко и решительно ответил Терентий, подымая два пальца.

Тяжкий вздох пронесся по Грановитой палате.

— Опомнись, князь! — закричал испуганно Шереметев.

Царь махнул рукою.

— Не маленький он!

И, обратившись к Теряеву, грозно сказал:

— Род ваш немало оказал услуг мне и всегда прямил, не то бы огнем спалил я тебя за отступничество! Теперь же иди с глаз моих и жди дома моего решения. Иди!..

Терентий низко поклонился царю и пошел из палаты. Лицо его было светло и радостно.

— Сподобился! — шептал он, ликуя.

Старый князь сидел погруженный в размышления, собираясь идти ко сну, когда в горницу вошел любимец его Антон и остановился в дверях.

— Чего тебе? — спросил князь.

— Государь, Антропка приехал. До твоей милости!

— Какой такой Антропка?

— Запомятовал, государь! Антропка, это стремянный князя Павла!.. Приехал он...

— А-а! Ну что ж? От Аннушки весть какая! Что ж, зови!

Антон вышел и через минуту вошел со стремянным князя Тугаева. Антропка стал на колена и стукнулся лбом об пол.

Князь милостиво кивнул ему.

— Ну, вставай! Сказывай, с чем прислан, откелева? Что князь Павел? Что дочушка?

Антропка встал и нерешительно почесал затылок.

— Ну, чего ж ты?

Князь взглянул на него пристально и вздрогнул.

— Али беда какая? Что? Говори...

— Князь-то наш... — начал Антропка.

— Что с ним?

— Приказал долго жить...

Теряев откинулся и широко перекрестился.

— Царство ему небесное! Что с ним произошло?...

— Утоп! — тихо ответил Антропка.

Князь побледнел.

— А дочь? Едет?

— А княгиня до тебя послала меня. Скажи, гыт, что я постриг приняла и...

— Что? — не своим голосом закричал старый князь и бросился к теремной лесенке. — Ольга, подь сюда!..

— Ты врешь, холоп? — закричал он на перетрусившего стремянного.

— А вот и грамотка от нее, и волосы ее тут! — сказал он, протягивая вынутую из-за пазухи тряпицу.

Князь жадно схватил ее, развернул, отбросил толстую косу, что змеей упала на пол, и, сломав печать, стал разбирать грамоту.

— Пошел вон! — через минуту проговорил он Антропке.

Тот мигом скрылся.

Князь читал исповедь измученной души.

Грамота, видимо, была написана кем-то иным, монастырским четким почерком, и только подпись Анны свидетельствовала верность послания.

Она писала про свой грех, открывала страшную тайну мужа, его смерть и оканчивала послание: «И мне, грешной, ноне только молитвы и за свою, и за него душеньку. Господь милосерден и простит грешника, а я за его молеельщица навеки».

Грамотка была подписана: «Анна, в иночестве Измарагда».

Князь сжал голову руками и бессильно опустил ее на стол.

В это время в горницу вошел встревожен-

ный Петр.

— Али знаешь, батюшка? — спросил он, входя.

Князь поднял на него мутный взор.

— Чего?

— Терентия государь с глаз согнал. Он в думе старовером объявился!

Князь встал, вытянул руки и зашатался.

— За что, Господи! — пробормотал он.

Петр успел подхватить его и осторожно опустил на лавку.

— Лекаря зови! — крикнул он, выбежав в сени, холопам.

В сенях он увидел дворянского сына Никитина.

— От царя? — быстро спросил он.

— К князю Терентию! — ответил Никитин.

— С чем?

У Петра замерло сердце.

— В степи, в город Бирюч на воеводство приказано ехать!

Петр широко перекрестился и вздохнул. Слава Богу! Вестимо, воеводство этакое — та же ссылка, но хоть без порухи на честь...

XI. Исступленные

Железное здоровье князя Теряева не сломилось от тяжелых ударов судьбы, и он оправился на другой же день и тотчас послал за Петром.

— Мы-то в опале? — спросил он, лежа на лавке.

Петр покачал головою.

— Не должно быть. Государь меня жаловал все время, тебя уважает; быть не может, чтобы гнев свой и на нас обратил. Да и то! Другого бы, слышь, заточил, в приказ взяли бы, а тут ишь, всего в Бирюч послали, да и то без порухи на честь, ако бы воеводою. И опять, посланцем вчерась Никитин был, такто ли мне низенько поклонился! — И Петр даже улыбнулся.

Старый князь кивнул ему и сказал:

— Иди, а Терентия пошли до меня! Ты посиди тут же, — обратился он к жене, которая всю ночь не сомкнула очей, берегла покой мужа и теперь сидела подле него, как верная подруга. Она в ответ только всхлипнула.

В горницу на смену Петру вошел Терен-

тий. Он весь осунулся, но лицо его, раньше хмурое, теперь светилось тихой радостью.

Он покрестился на образа и земно поклонился отцу с матерью, потом поднялся и ясным взором взглянул на отца. Тот с укоризною покачал головою.

— Что сделал? А! Что натворил бед-то! А еще думный! Еще в бояре метил. Опозорил и меня, старика, и род наш! Ну, что молчишь?

Терентий ничего не отвечал и только смотрел на отца ясным взором.

Старый князь взгляделся в лицо его, и тысячи мыслей промелькнули в его голове.

Чем не молодец, чем не красавец? И умом взял, и дородством, и саном! И породнился с Голицыными. Кажись, все для счастья, и вот!.. Когда в поход ехали, царь ему, еще юноше, семью свою поручил; сорока лет нет еще парню, а уже в думе сидел, и вдруг все прахом! На тебе, в староверцы пошел! За Морозову заступиться вздумал! Ох, обошли его, малого! Опоили зельем каким-либо.

Он приподнялся на локте и ласково заговорил с сыном:

— Тереха, очнись! Очнись, милый! И я, и

мать тебя молим о том. Чего тебе? Скажи: лукавый попутал, ударь царю челом; я на верх съезжу, Петр просить станет, Катерину к царице пошлем... Милый, а? Брось гордыню эту.

Терентий покачал головою.

— Не проси, батюшка! Я проститься пришел, а не за тем вовсе. Не могу отступиться я...

— Это бы отчего? — с усмешкой спросил князь.

Терентий вздрогнул. Бледное лицо его покрылось румянцем, глаза вспыхнули.

— Потому, батюшка, что в том воля Божья и зарок мой. Коли бы тебе говорили: не прями царю, отложись! Ты бы на муку, может, за царя пошел... а мне говорят: отложись от своего Христа. Нешто можно? Твой царь земной и тленный, мой — вечный. Его ли покину? И теперь ли малодушествовать буду? Гляди, батюшка, боярыня и сестра ее венец мученический приемлют, Аввакум ради Христа страдает, многие старцы и старицы, веры своей ради, в тюрьмах гниют и всякое заушение приемлют, а я смалодушествую? Не гоже! Рад бы пострадать с воплем и стоном, а не просто в

ссылку идти!..

— Вот ты как! — воскликнул отец. — И против меня, и против царя! Так будь же ты...

— Милостивец мой, светик! — завопила, бросаясь к нему, жена. — Не договаривай! Не говори, сокол! Тереша, иди! Уходи! Господь с тобою! Подожди там. Я благословлю тебя!..

Терентий упал на колени. Князь опустил на лавку и тяжело переводил дух, видимо борясь с собою.

Наконец он осилил гнев свой и сказал:

— Поезжай с Богом! Жену-то берешь сейчас?

— Нет, — тихо ответил Терентий, — опосля. Как реки вскроются...

— Ну-ну! — И старик отвернулся к стене, а мать стала горячо и трепетно прощаться со своим сыном-первенцем. Он обнял ее и тихо плакал.

Терентий сказал правду. По всем городам и весям с жестокостью преследовались старове-ры, и число мнимых мучеников за веру возрастало с каждым днем.

В Москве взоры всего народа были обращены на Морозову и ее сестру. Странницы, знав-

шие их, инокини, покинувшие палаты Морозовой, теперь сновали по всей Москве и разглашали славу подвигов их во имя Христа.

— Не может быть так более, — говорил патриарх царю.

Царь соглашался с ним.

— Быть по-твоему, — отвечал он, — испытай и еще единожды, а там твори с нею по своему владычеству.

Суд! Новое испытание!

Морозова сидела в сырой, холодной каменной келье в подворье Печерского монастыря.

Скованная по рукам и ногам, прикованная к скамье цепью, надетой на шею, она сидела, устремив пламенный взор к узкому окошечку, из которого виден был край неба, усеянного звездами, и вполголоса на память перечитывала послание ей от Аввакума, которое недавно отняли у нее.

— «Не ведаю, как назвать тебя, ластовица сладкогласная! Ум мой не обымет подвига твоего и страдания»... Миленький, — с умилением шептала она, — сам-то великий страсто-терпец, и такие мне льстивые слова глаголет!.. «Подумаю, да лишь руками взмахну.

Как так, государыня, изволила с такие высокие степени вступить и в бесчестие вринуться?... Поистину подобно сыну Божию». Ну, уж это он негоже, не надо так. — И, пропустив мысленно несколько строк льстивых сравнений, она с одушевлением вспомнила: — «Мучься же за Христа хорошенько, не оглядывайся назад. Спаси тебя Бог! Не тужи о безделицах века сего. И того полно: побоярила, надобно попасть в небесное боярство...» Так, миленький, так! Довелось бы только истинное страдание принять!..

И словно в ответ на ее мысли, загремел застав, и в келью вошел дьяк с двумя прислужниками.

— А ну, Варвара, на расправу! Пошевеливайся! — сказал он, грубо смеясь.

— Недужна я!

— Знаем недуги твои! Эй, берите её да волоком!

Прислужники ухватили скамью с боярыней и потащили ее на двор. Была уже глухая ночь, все спали. Только несколько стрельцов стояло у широких пошевней.

— Вали ее со скамьей заедино! — приказал

дьяк, и ее бросили на сено в сани.

— В Чудов!

И, скрипя полозьями, сани быстро понеслись к Чудову монастырю. Морозова молча улыбалась и смотрела на темное небо. Звезды, казалось, ласково светили и благословляли пострадать. Она шептала хвалы Богу и давала страстные обеты не поступиться страха ради ничем из своих верований.

А в Чудовом монастыре снова заседал синклит, уже во главе с самим патриархом.

Присутствовали те же митрополиты Павел и Иоаким и, кроме того, несколько думных бояр и приказных воевод.

— Ныне вразумим! — говорил патриарх и громко приказал дьяку: — Веди!

Ее ввели в рубище, окованную, с цепью на шее. Она вошла, строптиво оглядела всех и, усмехнувшись, села на пол. Патриарх вспыхнул гневом, но сдержался.

— Дивлюсь тебе, — сказал он кротко, — как ты возлюбила цепь эту и не хочешь с нею расстаться!

Она радостно улыбнулась.

— Воистину возлюбила! И не только про-

сто люблю, но еще не довольно насладились вожделенного зренья сих оков. Как могу не возлюбить их! Такая я грешница — и для Божьей благодати сподобилась видеть на себе, а вместе и носить Павловы узы, да еще за любовь Единородного Сына Божьего!

— Безумные речи! — пробормотал Иоаким. Патриарх заговорил кротко и нежно.

— Ты есть овца заблудшая! Покайся, пока не поздно! Не выводи из последнего терпения царя твоего и владыку и меня, духовника твоего!

— Христос мой владыка, а духовником ты моим не был и не будешь, ибо никонианец ты и еретик!

— Опомнись, глупая! — закричал Павел.

— На дыбу бы ее, — проворчал дьяк Иванов.

— Ах, миленькие! Дайте пострадать Христа ради! — И Морозова протянула с мольбой скланенные руки.

— Оставь безумие! — увещевал ее патриарх. — В последний раз говорю тебе: исповедайся и приобщись у нас!

— Некому мне исповедоваться и не от кого

причаститься!

— Попов много на Москве!

— Много попов, да нет истинного!

— Я сам потружусь для тебя, — сказал патриарх.

Морозова засмеялась.

— Сам! Эко сказал. А чем ты других лучше? Еще когда ты был крутицким митрополитом, носил клобучок старенький, еще был ты мил. А ныне небесного царя своего презрел, надел римский клобук да и молвишь: сам! А сам хуже дьявола! Тьфу!

Все повскакали со своих мест в негодовании.

— Оставьте! — сказал патриарх. — Не в разуме она! Вот я ее елеем помажу!

И облачившись, он захотел сотворить помазание, но Морозова вдруг вскочила, стала в грозную оборонительную позу и, потрясая цепями, завопила:

— Не губи меня, грешницу, отступным своим маслом! Для чего я носила эти оковы, чего ради страдала? Год их ношу, а ты хочешь одним часом весь мой труд погубить! Отойди! Отступись!

— С нами крестная сила! — осенясь, сказал патриарх. — Сколько в ей ярости и упорства. Отступаюсь от нее.

И он гневно подал знак, чтобы увели прочь Морозову. Ее упорство раздражало всех и пуще всех, а самого царя. На другой день она была свезена в ямской двор и там пытана.

XII. Последнее прощание

Страшное, тесное и темное помещение для колодников было переполнено мужчинами и женщинами, приведенными сюда за приверженность к старой вере.

Морозова, едва оправилась от усталости после переезда, тотчас заговорила радостным, бодрящим голосом:

— Братцы и сестрицы возлюбленные, довелась нам ныне радость великая за своего Господа Христа пострадать, как некогда страдали святые апостолы...

— Сестрица! Федосьюшка! — раздался в темноте крик.

Морозова вздрогнула.

— Княгиня-свет! и ты тут? — отозвалась

она.

В тюрьме зашевелились, раздались голоса, соболезнующие возгласы, и скоро Морозова в полутьме, бряцая цепями, обнималась со своею сестрою.

— Сподобил Бог свидеться напоследях! — говорили они.

— Давно тебя взяли сюда?

— В ночь!

— И меня тоже...

— Ранее патриарх допытывал, да ишь не разжалобил.

— И меня соблазняли.

— Господь нам Свой венец уготовил. Ни в един же час пропасть с душою после года испытания.

— Морозова! — крикнул, входя, стрелецкий сотник.

— Я, миленький!..

— Иди!

— Не моготна.

— Ах, чтоб тебя... — выругался стрелец. — Эй, Ивашка, Петра, Ефрем, волоките послушницу!

Стрельцы вошли, подхватили Морозову

под руки и поволокли. Она волоклась и говорила, обращаясь к заключенным:

— Любезные мои сострадальники! Терпите, светые мои, мужески и обо мне молитесь!..

— Бог на помощь тебе, сестрица! — отвечали голоса.

В застенке, помимо попов и монахов, находились для увещевания, слежения и опроса присланные царем князя Одоевский с Воротынским и Василий Волынский.

— Что ухмыляешься? — закричал на нее Одоевский. — Ты в царской опале, скорбеть должна!

— Я пред царем не согрешила!

— Чего говорить с ней, ослушницей, — произнес Волынский, — висту ей!

Палачи бросились на нее, сорвали одежды по пояс и, закрутив назад руки, вздернули ее на дыбу.

— Это ли по-христиански? — сказала она.

Князь Воротынский смутился. «Почто терзаем?» — подумал он, вспоминая былую красоту Морозовой, и со слезами в голосе стал говорить боярыне:

— Милая, покайся! Повинись перед царем!

Ведь все это у тебя наговоренное. Аввакум этот треклятущий! да Киприан юродивый, да Федор. Опомнись, мать! Опустите ее!

Морозову опустили. Она очнулась от полубытья и заговорила голосом пророчицы:

— Не велико наше благородие телесное, и слава человеческая суетна на земле. Все тленно и мимоходяще! Слушайте, что я скажу вам: помыслите о Христе. Кто Он, что Он? Вон, Его жиды на кресте распяли! Что же наше мучение? Ничто! И вы покайтесь! Бросьте ересь Никон...

— Вздергай ее, бей! Замолчи, треклятущая! — закричал испуганный дьяк Иосиф.

И ее тотчас снова вздернули и, встряхивая, держали на виске более получаса, «так что руки ремнем до жил протерли», потом жгли огнем и все время увещевали смириться и в заблуждениях покаяться. Она же не смирялась и только корила своих палачей.

— Ну что? — спрашивал царь время от времени у нарочно посланных.

— Упорствует, государь!..

В девять часов, после вечерни, царь послал Петра. Петр прискакал в приказ, видел страш-

ную пытку и смутился духом.

Что это? Некогда вельможная, пышная боярыня, женщина красы неописанной, жития строгого, висит на дыбе, как колодница, с вывернутыми руками, обнаженными грудями, простоволосая; тело ее сожжено и дымится, из ран каплет кровь, а бояре еще пытаются ее... за что?...

У него помутилось в голове. Он вышел на двор, и следом за ним вышел старик Воротынский.

— Оох! — протяжно вздохнул он.

— Князь, — порывисто заговорил Петр, — прикажи ты снять ее Бога ддя! Для чего мучить так! Силушки глядеть нет...

Князь кивнул.

— Истинно! Наши монахи да попы злы больно и царя ожесточают. Не в своем уме она. Порченная! — тихо сказал он. — А какой я знал ее! Пышная, великолепная! Взглянешь — царь-баба, глаза разгораются, а ныне... истинно, последние времена пришли! В небе звезда хвостатая. К чему? в церквах звонны идут. Вон, бают, вор Стенька Разин города друг за дружкой берет. Близится час судный!

Ох, близится! Ну, я пойду! Скажи царю, что упорствует! А только я кончу пытатъ ее...

— Вестимо! Доброй ночи, князь!

— И тебе!

Петр погналъ коня и невольнo задумался.

«В чем-нибудь есть неправда. Вон Терентий возрадовался, когда в опалу попал; эта упорствует; сотнями их истязают и жгут... кто прав?...»

— Ну что? — спросил его царь.

— Упорствует! — тихо ответил Петр. Царь топнул ногою.

— Конец! Сжечь их всех! И ее, и Авдотью эту, и всех! Петр, скачи в приказ, вели срубы на болоте ставить! Жечь их!

Петр вздрогнул, но не посмел послушаться и тотчас поскакалъ назад.

Плотники немедля пошли на болото и начали складывать сруб для двух сестер, а тем временем царь собрал снова думу, не решаясь сам подтвердить приговора...

Терентий не мог уехать из Москвы, не по-видавшись в последний раз с Морозовой, но в то же время, как опальный, он и сам должен был скрываться днем.

Вечером он помчался в Печерский монастырь и тотчас подкупил стрелецкого голову, но тот, взяв деньги, развел руками и сказал:

— Только видеть ее нельзя, князь!

— Почему?

— Взята на увещевание в Чудовский монастырь. Слышь, там и сам патриарх будет.

— Давно?

— Да с полчаса времени!

Терентий вскочил на коня и погнал в Чудов монастырь. Монастырь был заперт, но князь назвал себя, и его впустили во двор.

— Чего тебе? — спросил привратник.

— Где боярыня Морозова?

Привратник перекрестился.

— С нами, Господи! Чего тебе до еретички этой?

— Не твое дело? Где она?

— Она-то? В трапезной! Там ее увещевают и отец патриарх, и митрополиты, и весь синклит.

Терентий поднял голову. Окна трапезной были освещены; в глубине мелькали длинные тени.

— Что за человек? Чего тебе? — услышал

он грубый оклик и оглянулся. Подле него стоял стрелец.

— Я князь Теряев, — гордо ответил Терентий, — ты сам зачем здесь?

Стрелец смутился и сдернул свою шапку с головы.

— Я-то? Я сюда из Печор Морозову привез, — и, переведя дух, тихо прибавил: — Ругаются над ней, страстотерпицей...

Князь быстро взглянул на него и тихо спросил:

— Как крестишься?

Стрелец испуганно посмотрел на него.

— Не бойсь, милый! Я крещусь так и уже мзду приял!

— И я так! — радостно ответил стрелец.

— Слушай! Так сделай мне, чтобы с ней повидаться. Она мне что мать родная, что сестра духовная! Свет мой! — голос Терентия дрогнул.

Стрелец покачал головою.

— Сейчас никак невозможно. Подожди тут, полковник сказывал, коли она не смирится, везти ее в ямскую. Надо думать, что не смирится она, страстотерпица, до конца крест по-

несет!..

Терентий задрожал.

— Пытать?...

— Беспременно, — ответил стрелец и прибавил: — Так вот там легче увидеть ее. В тюрьме! там народу всякого много. Я проведу тебя, а теперь укройся!..

Терентий отошел в глубь двора и всю ночь провел в ожидании страдальцы. Почти в шесть часов утра с шумом, бряцаньем цепей вынесли Морозову, уложили в сани и помчали на ямской двор. Князь поехал за нею следом.

Но уже забрезжил день, и ему, опальному, впору было самому укрыться. Мрачный, измученный, он вернулся к себе и стал молиться. За молитвой его сломил сон, и он уснул, стоя на коленях перед аналоем...

Только на следующую ночь он увиделся с Морозовой и успел проститься с нею, после чего поехал в ссылку на свое воеводство...

Царя успели отговорить от страшного решения. Сруб остался без употребления. Морозову сослали сперва в Новодевичий монастырь, потом перевели в Москву, в слободу

Домовники, потом увезли в Боровск и там заточили в острог, в земляную яму.

XIII. В поход

В думе опять было сидение.
Тревога охватывала всех.

Господи! за что такие напасти на государство валятся! Сначала мор, чума страшная, голод, бунты московские, ересь староверческая, пытки и казни, казни и пытки, а теперь еще беда нагрянула. Стенька Разин, вор и разбойник, по Руси кровь проливает!

Взял Астрахань, Царицын, Камышин, Саратов, идет по Волге вверх, у Симбирска стоит, возьмет Симбирск, Казань, а там уже чистый путь на Москву!

Слышь, города без боя сдаются. Пенза его, Тамбов евойный, Алатырь, Корсунь, Арзамас, Саранск, Цивильск, Чебоксары, Ядринск, Козьмодемьянск — все ему отдалось!

Идет с ним сила несметная: и чуваш, и мордвин, и калмык. Из-под самой Москвы холопы да посадские бегут...

Что делать?

— Намедни двух воров с письмами пойма-

ли на Красной площади, — сказал Одоевский.

— Сделали что?

— А как след быть: на пожаре казнили, а руки отрубили и выставили.

— Теперь он на Симбирск идет, а кто в Симбирске?

— Милославский, Иван Богданович, — ответил дьяк.

— Муж добрый! — сказал Нащокин. — Не своим родичам чета.

— И пишет он, — заговорил Воротынский, вставая, — что от Казани помощи ему не шлют и слать не хотят, а силы у него малые!

— А на Казани кто воеводствует?

— Урусов князь, Петр Семенович, — ответил снова дьяк.

— А кто ж князь Бярятинский?

— Воинский голова!

— А тот Бярятинский тож мне пишет, — заговорил опять Воротынский, — князь-де Урусов в большом унынии. Войско есть, а он не дает и одного стрельца на помогу иным городам.

— Спосылать туда надо с наказом кого. Да слосылать такого, чтобы в случае чего и сам

распорядок сделать мог, человека воинского!

— А где взять такого? — заговорили в Думе.

— А князь Петр? — сказал Куракин.

Царь закивал головою и, улыбаясь, сказал:

— Так, так, князь! Лучше и не придумать! Боярин, — сказал он Нащокину, — заготовь ему грамоты, а завтра он и поедет! Ну, на сегодня и довольно! Авось Господь грозу пронесет и царство успокоит наше! Помолимся!

Патриарх стал читать молитвы, и все набожно крестились, а потом, целуя царскую руку, начали расходиться. Царь пошел в свои покои и приказал позвать к себе Матвеева.

— Отличие тебе от государя, — сказал Куракин, увидев Петра, — позовут тебя ныне во дворец, и царь в Казань тебя пошлет, к князю Урусову, чтобы ты мятежников укрощал!

— Царский слуга! — ответил Петр, но невольно затуманился. Крепко любил он свою жену и деток, обжился в Москве, да и старики уже призора требуют, а тут на войну ехать. Ну, да на все царская воля.

Он пошел к себе на двор и увидел того же Никитина. Дворянский сын быстро спешился

и низко поклонился Петру.

— Государь-батюшка тебя к себе зовет. Наказал ехать не мешкая!

— Подожди немного. Испей меда с дороги. Мне только коня обрядят! Эй, Кряж!

Кряж выскочил и тотчас побежал по приказу Петра в конюшню, а старый Антон хлопотал подле Никитина, угощая его медом.

Петр, не заходя в терем, оделся и вышел снова к Никитину.

— Ну, едем!

Никитин вытер губы и встал.

— Что ж это не по обычаю, — улыбнулся Петр, — чару-то себе возьми! Чай, царский посол!

— Благодарствуй! — радостно ответил Никитин и тотчас спрятал серебряную с финифтью чашу в карман кафтана.

— Едем!

В сопровождении Кряжа они поскакали во дворец. Царь встретил Петра ласково и сказал ему:

— Вот, чтобы ты не думал, будто я на тебя за Терентия гневен! Дело тебе государское поручаем! Артамон Сергеевич, растолкуй ему!

Матвеев тотчас стал объяснять Петру, что надобно.

Князя Урусов и Барятинский не ладят друг с другом. Так мирить их надо, а коли что, и согнать с места, кого он вздумает. На то ему грамота. За мятежниками следить и беспрерывно рубить их с казанским войском. Там его много.

— На тебя все надеемся, — окончил Матвеев, — что дальше Казани вора непустишь!..

— Смотри, нам его самого привези! — улыбаясь, сказал царь.

Петр повалился царю в ноги и раз двадцать ударил лбом об пол.

— Милуешь и ласкаешь холопишку своего! — говорил он в волнении.

— Ну, ну, чего там! Ты нам порадей только, а мы тебя не оставим!..

Царь был к нему особо милостив и взял его с собою в терем. Там он сел с Матвеевым играть в шахматы, а Петр слушал ласковые речи царицы.

— Ты уедешь, князь Петр, — говорила она, — так накажи жене своей: пусть меня не забывает да чаще ездит, а то два дня как и

глаз ко мне не казала. Попрекни ее!..

Князь Петр вернулся домой, и в доме Катерина тотчас подняла вой.

— Голубчик, голубь мой сизый, на кого ж ты меня покинешь и деток малых, — начала причитать она, — убьют тебя воры, злые крамольники!

— Петруша, сокол мой ясный, осиротеем мы без тебя! — подтягивала старая княгиня.

Дети проснулись и заплакали тоже.

— Нишкни! — закричал наконец старый князь. — Довольно повыли! Глупые бабы, преглупые! Что он, на смерть едет, что ли? Царь-батюшка отличил его, радоваться надо, а они — на!

Петр незаметно от всех смахнул слезы с глаз и ласково сказал:

— Не вой, Катеринушка! Бог даст, вернусь, и еще порадуемся мы с тобою!

— Спать надо, а не выть в полночь-то, — заметил старый князь.

Все стихло. В доме заснули, вернее, притворились спящими, потому что ни старый князь с княгинею, ни Петр с Катериною не сомкнули глаз: одни думали свои думы, дру-

гие — миловались перед разлукой и утешали один другого. Не спал также и Кряж. Он знал, что ему не миновать ехать с Петром и, пробравшись в девичью, в темных сенцах прощался с Лушкою.

Старый князь и радовался, и печалился об отъезде сына. С одной стороны, это царское отличие, а с другой — вовсе опустеет дом их. Старший, Терентий, теперь словно и не сын ему, совсем откачнулся. Дочка любимая в монастырь ушла; Петр уедет — и, упаси Бог, вдруг убьют его, что тогда?...

При этой мысли он похолодел даже. Потом встал и начал молиться.

— А ну и я! — прошептала старая княгиня, осторожно спустилась с кровати и стала на колени рядом с мужем.

Она знала теперь все думы своего мужа и вместе с ним делила его грусть и опасения. Сироты они оба!..

XIV. Нежданная встреча

Петр приехал в Казань как раз накануне того дня, когда князь Урусов согласился наконец дать Барятинскому войско, чтобы идти на Разина.

Узнав, какой важный человек является в лице Петра в Казань, князь Урусов смутился и стал оправдываться.

— Я что ж? — говорил он, угощая Петра. — Я царю прямлю, на том и крест целовал! Ежели Милославский чего и наплел, так я тому не причинен. Очернить всякого можно. Суди сам!.. — И он начал жаловаться.

Самого Разина еще не видно, а воры уже вокруг всей Казани шмыгают. Что ни день с площади одного-двух в башню волокешь. Тот с подметным письмом, другой посадских мутит, третий татар подымает. Гляди в оба!.. Теперь взять Казань. Она только и чтит Москву да царя! Ежели возьмут Симбирск...

— К чему ж Симбирск-то отдавать? — перебил его Петр.

Урусов задвигал усами, как морж, и закашлялся, словно поперхнулся.

— Я к примеру говорю, — поправился он, и продолжал.

Если Симбирск возьмут, вся сила на Казань двинется, а у него и так войска мало, да и народ разбойники: так и глядят — к вору перекинуться. На казаков прямо надежды нет... И все-таки он теперь вот, видя великое утешение Милославского, шлет ему в помощь Барятинского с войском.

— Немало даю ему. Считаю: три стрелецких полка, да казаков триста, да две пушки с пушкарями, а у меня всего каких, может, десять тысяч!

И он жалобно начал просить Петра:

— Ты уж, князь, заступись за меня перед царем! Ведь я верой и правдой ему служу, батюшке; а оговорить завсегда можно! Уж порадей! Я тебя, видит Бог, не обижу!

Князь успокоил Урусова, а спустя какой-нибудь час говорил с князем Юрием Андреевичем Барятинским. Князь с усмешкой говорил ему:

— Чего уж тут! Дело прошлое! Теперь дал войско, хоть немного, да и то ладно. А ранее совсем извел меня. Гляди, пожалуйста, от Ми-

дославского поначалу один гонец, потом другой, а там третий, прямо через воров пробрался. В Симбирске уже есть нечего, зелье все вывелось, палить нечем, а он все свое. Тут я и закрутил. Не хочешь, так сам пойду! Ну, он и сдался.

Князь Барятинский улыбнулся.

— Это-то верно, что он царю прямит, да труслив больно. Какой уж он воевода. Ему бы на печи лежать только...

— Когда же идти?

— Завтра с полдня и двинусь!

— Ну, и я с тобою, князь!

— Милости просим! За честь сочтем! Хочешь, тебе казаков дам или стрельцов? Со мною брат идет, ну и ты. Вот и поделимся!

Князь с радостью согласился.

В нем сказалась боевая кровь. Вспомнил он свои походы в Польшу, и показалось ему совестным отступить от боя, если он впереди.

— Готовься, Кряж, воевать будем! — сказал он, вернувшись в свою горницу, которую отвели ему в воеводском доме.

Кряж только тряхнул головою.

— Что ж! Дело доброе! Косточки расправим, по крайности!..

В эту минуту в комнату ввалился князь Урусов.

— Не спишь еще, князь? — сказал он. — Не хочешь ли меду али снеди какой? Повели! Я твой слуга!

— Чарку выпью, пожалуй, — согласился князь. Урусов обрадовался и сам выбежал распорядиться. Петр усмехнулся. Человек обхаживает его, угодить хочет, а все-таки царю по чести отписать надо. Что ж, что он царю прямит? Прямить прями, да и разум нужен. Воевода в таком месте должен быть тверд и умом, и духом.

— Ты моего меда испробуй, — говорил воевода, — вот мед так мед! Такого у царя не сыщешь. Мне его одна бабка-шельмовка варит... Откушай во здравие!..

Петр выпил, и нега разлилась по его членам.

— Добрый мед!

— Да! — вздохнул воевода. — Вот жить бы да радоваться только, а тут одни хлопоты. Сейчас, ты ушел, ко мне двух скоморохов при-

вели. Песни играют самые супротивные, слова говорят такие вздорные и все с посадскими. Взял их на дыбу, а они, волчья сыть, мыгыт — слуги Степана Тимофеевича! Тьфу! Завтра вешать буду...

Он вздохнул и опять начал свои речи.

— Кругом что море кипит. Так и глядит каждый, как заяц, к ворам убежать. Придет вор, борони Господи, сейчас надо будет посады выжечь, потому от них вся крамола. Теперь уж и на правеж их, дьяволов, не ставлю. Думаю, пождите, придет еще времечко. Да ты спишь, князь? Ну Господь с тобою! Я пойду! Слышь, ты тоже в поход собираешься?...

— Беспременно! — ответил Петр через силу.

Глаза его уже слипались, и он, едва ушел воевода, успел только раздеться и лечь на лавку, как тотчас захрапел богатырским храпом...

На другой день он вместе с Барятинским выступил в поход.

Князь дал ему целый полк и полсотни казаков.

— Много дела будет, — сказал он, — до

Симбирска нам по людям ийти придется, и торопиться надо! Слышь, им последние часы идут!

И, правда, всю дорогу им приходилось прокладывать по людям. Со всех сторон к Симбирску двигались толпы возмущившихся крестьян и посадских. Шли чуваша, мордва, татары.

Эти скопища загорали дорогу, иногда решались на нападение, и их то и дело приходилось рассеивать.

— А ну, князь, ударим! — смеясь, говорил Барятинский Петру, и они скакали на мятежников с какой-нибудь сотней казаков и разбивали их одним натиском.

— Кого поймаешь — вешай! — отдавал суровый приказ Барятинский казакам, и то там, то сям на деревьях вздергивались глупые ослушники.

Войско шло по трупам и меж трупов. Петр смутился.

Война ли это?...

Наконец стали попадаться воровские казаки. С ними стычки были уже опаснее. Скоро добыли языка, и пленный сказал:

— Вся наша сила под Симбирском, там и батюшка Степан Тимофеевич!

— Значит, Симбирск еще не сдался?

— Завтра возьмем! — хвастливо ответил пленный. — Им там и жевать нечего.

— Завтра мы там будем!

Волнение охватило всех, начиная с начальников до последнего обозного.

«Поспеть бы!» — думал каждый, и войско почти бежала, поощряемое князем.

Они успели под Симбирск и успели разбить Разина наголову. Сам он бежал, оставив на произвол судьбы своих приверженцев, и они головами своими расплатились за свое слушание.

Бунт был прекращен с разбитием главных сил. Оставалось водворить порядок и добить остальных воров, рассеянных по взятым городам.

Войско Бярятинского разделилось.

Он предложил князю Петру с полком стрельцов и одной сотней казаков идти на Тамбов, а оттуда вернуться в Саратов, где его будет ждать Бярятинский.

— Ехать так ехать! — сказал Кряж, когда

узнал про решение своего господина. — Будем их ловить да стегать!..

Князь Петр двинулся.

Тяжелой кровавой работы оказалось много, и князь с радостью бы вернулся в Москву, если бы в этой грозной роли палача-укротителя он не видел бы службы царю.

В Тамбове он забрал Ивашну Хлопова, тамошнего атамана, и сотню-другую пьяных казаков. Главная сила разбежалась, и князь послал ловить ее по дорогам, казня в Тамбове ослушников и вводя прежние порядки.

Усталый от тягостной работы, поздно вечером сидел он в воеводской избе, когда вошел Кряж и с таинственным видом приблизился к нему.

— Государь, — сказал он, — наши тут трех казаков полонили и с ними девку.

— Ну так что ж? — равнодушно ответил Петр. — Девку хоть отпустить, а тех в темницу до завтра, да в колодки забить!..

— Не то, — ответил Кряж, — а девка-то...

Князь невольно вздрогнул и поднял голову.

— Что девка?

— Девка-то, не во гнев твоей милости, та самая полька, что в Витебске-то.

— Анеля? — вскрикнул князь, вскакивая.

Кряж кивнул.

— Она самая! — и прибавил: — Узнала меня! На коленки стала, руки целует... Худущая!.

— Веди ее! Сюда веди!

— Мигом!

Кряж бросился к двери, а Петр беспокойно заходил по горнице.

Анеля! — и вся его юность мелькнула перед ним. Его молодая, горячая, его первая любовь!.. Анеля! С ней вспоминалось все, что есть самого дорогого в жизни...

Дверь скрипнула, и Кряж втолкнул в горницу молодую женщину с бледным, исхудавшим лицом.

XV. Одна из историй XVII века

— А неля! Ты ли это? — воскликнул изумленный Петр, глядя на вошедшую.

Она порывисто рванулась к нему, упала на колени, протянула к нему руки и быстро заговорила:

— Князь, светлость моя! Не вели меня казнить. Ни в чем не виновна! Ради старого, помилуй меня?

Ее лицо выражало ужас. Губы побледнели, глаза расширились. Петр смутился и нагнулся поднять ее с пола.

— Что ты? Оставь! Никто не обидит тебя! Встань!

Она схватила его руку, прижалась к ней губами и облила слезами.

— Бог тебя мне послал! Пан Иезус! Благодарю тебя!

— Да встань! — повторил Петр, сильной рукой поднимая ее. — Лучше сядь тут да скажи мне, как это ты к ворам попала?... Может, голодна? Есть хочешь? Эй, кто там! Кряж!

Два холопа вбежали на его крик.

— Снеди какой подать сюда да вина! Ска-

жите Кряжу, пусть фряжского достанет! — сказал князь и снова обратился к смущенной и взволнованной Анеле.

— Сядь! Вот так! Да успокойся. Ишь как тебя напугали. Не бойсь! Ничего не будет с тобою.

Она села и, тяжело вздыхая, вытерла рукавом сорочки заплаканные глаза. Петр смотрел на нее с немою грустью. Что осталось от прежней веселой красавицы? Побледнели и ввалились щеки, поределели пышные волосы, потускнели горячие очи. А давно ли было все это? Кажется, вчера он спас ее и схоронил у жида в хибарке. Кажется, вчера он приходил к ней, и она ласкала его и пела ему свои родные песни!.. Вот как сейчас он помнит, что с ним сделалось, когда исчезла она... Он даже вздрогнул... Кряж да Тугаев думали, что он с ума сойдет. И все прошло!.. Да, минуло десять лет. Срок не маленький... А куда она делась тогда? Что с ней случилось потом...

Слуги внесли вареную курицу с рисом, пироги, лепешки, холодную рыбу и кувшин вина с двумя чарами.

Петр очнулся.

— Ну, ешь! — сказал он ласково Анеле. — Да и выпей малость, а я за твое здоровье и много выпью! — прибавил он, шуткою желая рассеять грустное настроение.

Она слабо улыбнулась, придвинула к себе еду и начала жадно есть, изредка отпивая из чарки. Князь пытливо глядел на нее и старался найти в ее чертах что-нибудь прежнее. Вот соболиные брови, и те поредели... Эх, время! Эх, жизнь!..

Она поела, вытерла рукавом губы и отодвинула еду. Князь долил вином ее чару и тихо произнес:

— Теперь скажи мне, Анеля, что с тобою тогда случилось... Тогда! Помнишь?..

Анеля потупилась и вздохнула. Прошло несколько мгновений тяжкого молчания, и она вдруг со стоном воскликнула:

— С того часа вся моя жизнь погибла! С того часа только и было, что мука мученическая, сплошное горе! О, зачем ты не взял тогда меня к себе, а поместил у этого Лейзера! Он продал меня... Да! — И она, словно припоминая, начала рассказывать. — Ты ушел тогда, чтобы прийти наутро, а в ночь вошли

пан Квинто со своим приятелем Довойно и взяли меня. Я билась, кричала; они связали меня, закрыли рукавом кунтуша рот и вывели. Положили на коня и ускакали, а ему, жиду, я видела, денег дали!..

— Он тоже скрылся! — сказал Петр.

— Известно! Он боялся... — Анеля продолжала:

— Ах, зачем я не убила тогда себя! Зачем не задушилась своими косами! Пан Квинто все время говорил, что любит меня. Я боронилась от него. Он служил под хоругвью у пана Вишневецкого в гусарах, и мы приехали в Самбор. Там он меня устроил в хате и все ходил ко мне... и взял силою!.. — Она замолчала, тяжело перевела дух и сказала: — Меня все брали силою!..

Петр замер и слушал не сводя глаз с ее изменяющегося лица. Оно то краснело, загораясь стыдом, то бледнело, и порою тусклые глаза вдруг вспыхивали...

— Они все пошли на казаков. На Хмельницкого. Мы очутились в Сбораже, потом пан Квинто сказал: тебя перевезти надо, здесь страшно! Он снарядил гайдуков и отправил

меня в Варшаву. Нас ехало несколько девиц и три женщины. И вдруг на нас напали. Гайдуки убежали. Казаки и татары бросились на нас, вытащили, взвалили на коней и помчали. Я очнулась в землянке. Подле меня был казак. Его звали Ивашка Богучар. Он стал ласкать меня, целовать. Я отбивалась... потом и он взял меня силою... — окончила она шепотом и опять смолкла.

Петр в волнении осушил полную чару вина и стал ходить по горнице.

Анеля тихо продолжала свой рассказ:

— Казаки бежали. Они, кажется, поссорились с крымцами. Богучар пришел ко мне, плакал и говорил, что меня хочет взять к себе какой-то татарин и ему калым дает, а ему меня жалко, но взять он меня не может, потому что в ночь они спешно едут. Я не знала даже, где я... Ну а потом он отдал меня татарину. Тот ему саблю и коня дал. Татарина Ясамом звали. Маленький, седой, борода желтая, глаза узенькие и злой-злой... Он не умел говорить со мною. Бормочет что-то и смеется, потом — я не понимаю его, боюсь, — он схватит нагайку и бьет меня. Потом... и он взял меня

силою...

Она говорила теперь, словно вспоминая вслух историю своей жизни, не замечая присутствия Петра, а он то ходил, то вставал, то брался руками за голову.

— Вдруг они снялись всем табором и пошли. Хозяина своего я и не видела больше. Меня вывели, и я увидела много наших. Нас окружили и погнали, как скотов. Вокруг ехали татары с плетями на маленьких лошадях и все время кричали на нас. Если кто отставал, они того били. Со мной шла женщина с ребеночком. Ее звали Ядвига Коноплянская, а мальчика Ясей. Он был больной и все плакал. Их взяли под Сборажем. Напали ночью, деревню зажгли и всех взяли, кого не убили. Вот она стала кормить дитя грудью и отстала. Татарин хлопнул нагайкой, да дите по головке. Он и помер, а Ядвига завывала так-то и бросилась на татарина. Тут ее все бить начали, она упала, ее топтали конями и бросили на дороге...

Нас привели в ханскую ставку. Все вокруг нас долго шумели, кричали, потом взяли меня, Стефу (тоже девушка была шляхетка) и Зо-

сю Бреславскую. Нас привели к хану, и отдали ему. Он похлопал нас по щекам и отдал евнухам, а те увели в гарем. Тут нас в гареме все девушки били и щипали. Мы плакали, а они смеялись, мы стали кричать, прибежали евнухи и начали бить тех длинными бичами. Нас одели в шаровары и кофты, дали нам отдельные горницы. Мне и Зосе вместе одну. Мы жили с ней. Иногда меня или ее звали к хану и он насильничал. Иногда нас заставляли раздеваться донага и вели к нему. Он лежал с кем-нибудь из своих наложниц, а мы подавали им еду, кальян, шербет или плясали... Там я по-ихнему выучилась и со всеми сдружилась. Только тоскливо было...

— Обо мне вспоминала? — вырвалось неволью у Петра.

Она взглянула на него, и лицо ее вспыхнуло заревом.

— Только и думы было, — ответила она и всхлипнула, как ребенок. Потом опять продолжала:

— Жила я так, день да ночь, словно птица в клетке. Только однажды вдруг кругом крик поднялся. Вскочили мы с Зосей (а дело ночью

было). Светло у нас, что днем. Глянули: кругом горит, и это от пожара светло. Мы выбежали и заметались. И все выбежали, кто в чем. Бегаем, кричим, и евнухи тоже мечутся.

XVI. Не судил Бог

— Это казаки-разбойники со своим Разиным к ним ворвались, — пояснила Анея. — Мы кричим, бегаем. Вдруг они как вбегут к нам! В красных жупанах, в крови, с саблями, и ну нас хватать. Меня сам Разин к себе взял, тешился мною, довез до Астрахани, а там, как Астрахань взяли, — говорит: уходи! Я убежала, а тут меня опять казаки перехватили, потом в Тамбов завезли. Тут от меня без ума Федор Прыток был. Как вы насели тут, он ухватил меня и ускакал, а тут твои люди нас перехватили...

Она окончила свой рассказ и замолчала.

Бледный рассвет уже светил в окошко, отчего взволнованные лица Петра и Анели казались бледными, как у мертвецов.

— Ну бедная ж ты! — сказал наконец Петр. — Истинно, горемычная!.. Что же делать теперь с тобою, и в ум не возьму.

Она положила голову на стол и горько заплакала.

— На родину, что ли? В Витебск?

Она подняла голову.

— Что мне там?... И тогда-то никого не было, а теперь...

— Не бросить же тебя так, — уныло сказал Петр, почесывая затылок.

— Успокойся бы мне, чтобы не мыкаться, чтобы знать, что за охраною я... — тихо проговорила Анеля.

Петр встряхнул головою.

— Вот! — сказал он. — В монастырь хочешь? А? Я вклад сделаю!

— Куда ты прикажешь!..

Петр оживился.

— И разлюбезнее дело! — заговорил он. — Теперь мне в Саратов нужно. Я тебя с собой возьму, а там и в монастырь устроим! Вот как любо будет!..

Анеля улыбнулась сквозь слезы. Петр повеселел.

— А теперь спать! Ты тут на лавку ложись, а я уйду!..

Она встала и порывисто поцеловала его в

плечо.

Он смутился.

— Ну что? Чего тут?... — и вышел в сени, а оттуда в приказную избу. На одной из лавок, задрав козлиную бороду кверху, спал дьяк, сухой и длинный, как щепка.

Петр с улыбкою взглянул на него и лег на другую лавку, но спать уже было некогда. На дворе зашумели, в избу вошел губной староста, как спугнутый заяц, соскочил дьяк с лавки. Петр поднялся тоже и заговорил:

— Вы ноне уж без меня и сыск, и расправы чините. Я в Саратов еду. Воеводой на время пусть Антропов, дворянский, сын, будет, и обо всем надо будет в Казань вам отписывать... Войска вам малую часть оставлю!

Он вышел на двор. Кряж подал ему умыться и позвал к нему начальников его войска.

Петр взял с собою полсотни казаков и часть стрельцов.

— А остальные, — сказал он полковнику, — под твоим началом здесь будут! А там, после, князь Юрий приказ уже пришлет. Ну, собирайся!..

Стрельцы выстроились. Казаки выехали

на своих лохматых лошаденках. Петр снаря-
дился в путь и послал Кряжа за Анелею.

— Прости, — сказал он, — тебе придется уж
верхом с нами ехать!

Анеля улыбнулась.

— С казаками жила, с татарами. Мне ли не
сидеть на коне!

Она с женским кокетством собрала юбку,
так что она обратилась как бы в шаровары, и
ловко вскочила на подведенного коня.

Они тронулись в путь и без всяких при-
ключений в три дня домчались до Саратова.

На пути во время привалов Петр звал Ане-
лю к своей трапезе. Кряж устраивал ей из по-
пон и седел постель, и Анеля оправлялась под
их внимательным уходом.

Петр говорил ей о своей жизни. Она слу-
шала его и потихоньку утирала слезы.

Князь Барятинский весело встретил Петра
и сказал ему:

— Кончено! Царь на место Урусова князя
Долгорукова прислал. Теперь мы живо весь
край замирим!

— Вестимо, — согласился с ним Петр, — те-
перь я вот сдам тебе твоих ратных людей да

назад на Москву поеду!

— Али к спеху?

— Что же, царь на срок послал, да и за домом соскучал больно. Теперь только одно дело сделать.

— Какое?

— Да вот! Сиротинку одну к монастырю пристроить... — И Петр рассказал историю Анели.

— Что ж, доброе дело! — сказал князь. — Ты это сегодня же и сделать можешь.

— А и то!

Женский монастырь был под самым городом. Он был в степи, и, может, поэтому казаки не тронули его, хотя все в городе приписали это чудо заступничеству Божьей Матери.

Петр подъехал к монастырю и постучал в калитку. Ему отперла красивая женщина. Он вошел в ворота и хотел назвать себя, но, взглянув на монахиню, вскрикнул:

— Анна?!

Монахиня наклонила голову.

Петр протянул к ней руки. Она дотронулась до них холодными пальцами и тотчас отняла их.

— Ты здесь? А матушка тебя везде искала.

— Я нарочно укрылась, — тихо ответила бывшая княгиня Тугаева, — чтобы матушку не терзать. Не сказывай и ты, что видел меня!

Петр был взволнован. Он остановился подле сестры и передал ей, зачем приехал.

— Это от нашей настоятельницы зависит Ее воля! Я скажу! Пойдем! — И она повела его длинными переходами к келье игуменьи.

Мать Серафима ласково приняла Петра и, выслушав историю Анели, согласилась взять ее к себе.

— Только пусть послушание спервоначала пройдет, сейчас мы ее в православие обратим, а там и пострижем. Что же, вези ее к нам!

Выйдя от игуменьи, Петр прошел к сестре в келью. Она ласково приняла его. Петр с жалостью смотрел на свою сестру-красавицу и с горечью сказал:

— Эх, загубил тебя этот Павел! Звездой бы ты у нас сияла!

Анна опустила голову.

— Не то, Петр, — ответила она, — на все Божья воля! Не судил мне Бог много счастья! Не

судил Бог!..

Петр поник головою и под впечатлением этих слов возвращался в Саратов.

Истинно, Господь ведет неисповедимыми путями, и никто, кроме Его, не знает: в счастье ли его горе, в горе ли счастье?

Вот он не привел и его, Петра, порадоваться первой любовью и провел его через тяжкие душевные муки. Так-то все!

В тот же вечер он отвез Анелю и поручил ее сестре.

— Обеим вам не судил Бог земного счастья, — сказал он.

Анна обняла свою будущую сестру и тихо сказала ей:

— Здесь мир и тишина! Нет грубых, нет насильников, и только благодать. Господня!..

— Что же, сказать батюшке с матушкой, где ты? — спросил Петр.

Анна покачала головою.

— Не тревожь их! Зачем? Им и то горя много, а я тут за них в тишине молельщица! Нет, не говори вовсе!..

Вытирая слезы, Петр выехал из монастыря. Тяжелые ворота закрылись за ним, и ему по-

казалось, что то крышка гроба, захлопнувшаяся над двумя могилами.

Он вернулся, собрался в дальний путь, распростился с князем Юрием и выехал из Саратова.

Когда они проехали надолбы и выехали в чистое поле, князь спросил Кряжа:

— Ну, что же, узнал дорогу на Бирюч?

— Немного узнал. Теперь нам надо все на закат держать. Река Медведица в пути будет, потом Хопер, потом Дон, а за ними и самый Бирюч!..

— Ну ну! Казна есть, кони добрые, сабли при нас, — сказал Петр, — едем брата Терентия повидать, а там и к дому!

— Домой-то давай Бог к зиме быть, — проворчал Кряж.

Петр засмеялся.

— Возьми то, что уж больше никуда не поедем! Только нам и погулять с тобою. Там ты, я слышал, на Лушке жениться хочешь. Только, значит, теперь тебе и свобода.

XVII. Два брата

Ну уж и путь, Господи Боже мой! Почитай, тысячу верст на конях; почти два месяца в пути и в жар, и в холод, и под дождем, и под градом. Ночевали и в лесу, и в поле, встречали и разбойных людей, и татар, и киргизов, а случилось, на четыре дня пути живой души не встретишь.

Кряж ворчал, а Петр только посмеивался над ним.

— Вот, вот, — говорил Кряж, — тебе смешки, а коли бы татарва заарканила, не то бы было!

— Да ведь ушли...

— Ушли, а тогда бы не натужились. Гляди, царский посол! Ему бы до царя ехать, а он во куда!

— Ниште, Кряж! Пожениться успеешь еще. Я тебе детей крестить сколько хошь буду!

Кряж широко улыбался, но продолжал ворчать.

Петр смеялся, а на душе его было сумрачно. Вот тебе воеводство! Такая даль, что, чай, никто и не знает, есть ли подлинно и место

такое.

Они переправились через Дон вместе с обозом чумаков и только тут впервые увидели людей, знавших город Бирюч.

— Прямо! Все прямо! Иди себе на закат. Там, в степи, и будет тот город.

Город тоже!

Когда Петр стал подъезжать к нему, он ему весь показался таким маленьким, что впору весь зажать в кулак.

Был он слажен на манер острожка.

Высокие деревянные стены с башенкой над воротами, под ними ров с частоколом, перед рвом небольшой посад, ничем не огороженный.

И кругом голая степь. Только ковыль колыхет своим белым султаном.

— Ну, сторона! — продолжал Кряж, а Петр только вздохнул, и его сердце сжалось от жалости.

В посаде, оказалось, жили служивые казаки и стрельцы. Иного народа не было и в городе. Был он выстроен более для охраны государства от вторжения киргизов да казаков.

— Эй, добрые люди, — закричал Кряж двум

казакам, которые, сидя на земле, потрошили убитую дрофу, — как к воеводе проехать?

— Как? — сказал один. — Известно, через ворота, а там улочкой и на воеводский двор!

Кряж только отмахнулся от такого совета. Они въехали в раскрытые настежь ворота, проехали мимо виселицы, на которой качался какой-то татарин, и увидели широкую, коренастую избу.

— Надо думать, это и есть воеводская! — сказал Кряж, сходя с коня. Петр тоже спешился.

Оставив коней Кряжу, он вошел в избу, перекрестился и огляделся. Из-за стола испуганно вскочил толстенький человек с чупрыной и толстыми синими губами.

— Чего тебе? — закричал он.

— Воеводу!

— На что тебе? — закричал он снова.

Петр вспыхнул и, ловко ухватив толстяка за чупрыну, встряхнул его и крикнул:

— Кажи, где воевода, дурацкая твоя башка! А то сейчас дух из тебя вытрясу! Ты кто?

— Ой-ой-ой! — захныкал толстяк, сразу падая на колени. — Не погуби, ясновельможный

пан! Я воеводский писарь! Сижу, дела вершу, а воевода молится.

— А где его хоромы?

— Туточки, по лесенке!

Петр отбросил толстяка в угол и пошел по лесенке вверх. Мрачные, низкие горницы были ветхи и убоги.

Половицы скрипели под ногами; черные балки под потолком подгнили и обнажили взрыхленные, прогнившие бока.

Петр остановился и стал кашлять, потом закричал:

— Терентий, где ты?

— Кто тут? — послышался суровый голос.

— Я, Петр, брат твой!

— Брат!

Дверка из соседней горницы распахнулась, и к Петру бросился и обнял его Терентий. Они стали целоваться и плакать.

— Брат, брат! — повторял Терентий. — А я думал, что уже отрешен от мира! Как попал ты сюда?

Петр торопливо отвечал на его вопросы и не сводил с него взгляда. Как изменился он за какие-нибудь полгода! Лицо его почернело,

глаза ввалились и горели сдержанным внутренним огнем. Как опальный, он отпустил волосы, и они покрывали его лицо, плечи, спускавшись в густую черную гриву, в которой серебряными нитями вилась седина.

Терентий искренно обрадовался брату и стал хлопотать около него.

— Угощенье у меня невеликое, — говорил он, — что людишки поймают, да хлебушка, да квас на запивку! Ну, мне и будет! Дьяк-то мой, говорят, пиво варит и медом балуется, ну да на то он и дьяк!

Петр увидел на столе дрофу, вероятно, ту самую, что потрошили в посаде.

— Как живешь, брат? — с участием спросил его Петр.

— Живу ничего. Слава Господу! Молюсь, пощусь, о грехах ваших скорблю, с протопопом посланьями меняюсь! Да! — он замотал головою. — Скажи, чтобы жена сюда не ехала. Ее здесь смерть ждет!.. Я и один... а она как знает. Я, брат, — прибавил он тихо, — отрешился от мира! Мне тут что монастырь! Дела дьяк правит и на!..

И Петр увидел, что Терентий действитель-

но отрекся от мира. Все дела правил тот толстяк, выходец из Польши, которого встретил Петр. Он и судил, и жалованье выдавал, и казнил, и рядные записи вел. Все он, а Терентий только молился.

И в городе говорили:

— У нас не воевода, а монах!

Царский поп при крошечной церкви с ужасом шептал Петру:

— Живу и каждый день за свою душу трепещу. Совращает меня: восходи в старую веру! Велит петь по-старому и не служить на пяти просфорах. А я разве могу? Он же мне смертью грозит!.. Беды!.. Бает, сюда протопоп Аввакум будет. Тогда и вовсе беда! Посохом заколотит!

Петр вздыхал и качал головою. Что сделали с братом? Был он могуч, был он светел умом, а теперь и хил стал, весь сторбился, и умом затемнился словно.

— Брат, — сказал он ему однажды, — неужели тебе в радость заточение сие? Я у царя силу имею. Скажи слово, что каешься, и тебя мы на Москву вернем!

— Меня? К царю? — Глаза Терентия загоре-

лись злым огнем. — К самому антихристу! Избави Господи! И не говори мне этого! Здесь, в тишине обретаясь, я скорблю и о нем, и о вас всех. Там распалился бы тигром и разметал бы капища ваши. И не говори мне этого!..

Петр поник головою.

Однажды Терентий со светлой улыбкой говорил ему:

— Было мне в ночи видение. Приходила ко мне Божья страстотерпица, лампада неугасимая, Федосья Прокофьевна. Приходила вся в белом и манила меня за собою вверх, туда! — Терентий показал на небо. — А там ангелов хоры и сам Христос, и так сладкогласно поют, и аромат от них сладкий...

— Ты помнишь ее? — спросил Петр.

Терентий даже вскочил на ноги.

— Ее ли забыть мне? — вскричал он. — Помню ее светлым видением, когда она знатной боярыней была, помню, когда она, как некий ангел, чумных подбирала с дороги. Помню поучения ее и последнее прощание. Ох, великомученица! — Он закрыл лицо руками, потом отнял их и продолжал: — Я не хотел ехать, не принявши благословения ее, и

сподобился!.. Я ждал две ночи. Ждал в Чудовом монастыре, когда ее еретики улещали, да не улестилась она. Ждал на ямском дворе, когда мучили ее палачи и жгли ее белое тело, власяницею изодранное! Ах, страстотерпица! Я вошел к ней в темницу, а она лежит на рогожах, вся в крови, железами скована, а лик ее светится, яко звезда вечерняя. Ты ли, Терентий? Я, мати моя! И она дала мне: лобызать свою руку и говорила мне: не бойся за меня, миленький; Он, Христос, голубчик наш, и того более страждал... А я плакал, у ее рогожи валяясь... Ее ли забуду!..

По лицу его текли слезы. Он весь преобразился, и Петр невольно проникся умилением и удивлением к этим людям.

«Крепка в них правда, — думал он, — а я только за царя держусь!..»

Через две недели он простился с братом.

— Прощай уже навеки! — сказал Терентий. — Здесь я свой покой приму!

— Ну вот! — стараясь казаться веселым, ответил Петр. — Еще свидимся...

— Там! — Терентий указал на небо, а потом прибавил: — Если покаешься...

— Жене-то накажи, чтобы сюда не ехала, — сказал он еще раз.

Петр поехал. Отъехав немного, он оглянулся. За посадом на голом месте стоял Терентий, подняв благословляющую руку. Солнце закатывалось и озаряло его багровым светом.

«Словно кровью облитый», — подумал Петр и вздрогнул от тяжкого предчувствия.

Три месяца спустя напали на острожек киргизы и всех в нем перерезали.

XVIII. Новое ломит старое

Был ранний утренний час. Боярыня Катерина Ивановна сидела в своем терему за пяльцами и то и дело взглядывала в окно, где кружил крупными хлопьями белый снег, и тяжело вздыхала.

Княгиня Дарья Васильевна с усмешкою говорила:

— Все своего ждешь? Пожди, скоро будет! Теперь и вора казнить успели, недолго и ему приехать. Надо быть, к моему соколу заехал.

— Долго уж очень! — вздыхала Катерина.

И вдруг в терем ворвалась Лушка и диким голосом закричала:

— Приехали!

Катерина вскочила, бросилась к двери, и в ту же минуту ее обняли и подняли сильные руки Петра.

— Голубка моя!..

— Сокол ясный!..

— Тосковала?

— Дай наглажусь на тебя...

— А деточки?...

— Тут они.

— Тьфу! — не выдержала жена Терентия. — На людях не зазорно! — И она вышла из горницы.

Петр и Катерина не знали, как и обласкать друг друга, и к их радости присоединились и дети, а внизу в сенях так же миловались Кряж с Лушкой и Кряж говорил:

— Поженимся! Князь обещал и всех детей крестить!..

В горницу вошли старики.

— Ишь, заспесивился! К старикам и не заглянул. Плеткой бы тебя! — ласково сказал старый князь. Петр повалился им в ноги, а потом встал и начал обниматься с ними.

И все дружной семьей сошли в трапезную.

Петр жадно ел и пил и озабоченно приговаривал:

— К царю бы поспеть!

— Успеешь, соколик! Кушай! — говорили женщины и передавали ему все новости. А их было немало.

Милославские совсем в силе упали. Матвеева, Артамона Сергеевича, в думные бояре произвели. При дворе веселие да игры. Приехал немец Иоганн Готфрид Грегори и во дворце комедии ломает. Царь ему палату выстроил. Таково-то занятно!

— Вот и нонче будет! Царь тебя непременно позовет, — сказала Катерина. — Я с царицею буду!

Петр слушал и стыдился рассказывать свои новости. Не хотел омрачить общей радости. Что рассказать ему? Видел он кровь, реками льющуюся, и разбой, и убийство, и мучительные казни. Видел Анну в заточении, Терентия, чуть не безумного. Анелю... Там скорбь безысходная, а тут светлая радость. И он молчал...

Царь принял его ласково, а Матвеев расцеловался с ним.

— Ведомо, ведомо твое старание, — сказал ему царь, — после я о награде твоей удумаюсь. Теперь иди домой, чай, жена заскучала, а ввечеру ко мне приезжай. У нас тут немец комедь с пляскою показывает. Как зовется-то?

— Балет, — сказал Матвеев.

— Балет! Вот на балет и приезжай! Прощай покудова что...

И вечером Петр увидел балет. В большой палате были устроены помост для актеров и места. Сбоку, в отдельной горенке, сидели царица и боярыня, смотря на помост через решетку. Царь сидел на стуле, а вокруг его стали бояре, и ближе всех Петр с Матвеевым.

Вот заиграла музыка и раздвинулся на обе стороны занавес, Петр смутился.

— И музыка? — тихо сказал он. Царь услышал и засмеялся.

— Они хоть и немцы, а без музыки, слышь, что без ног. Совсем плясать не могут. Ты смотри! — И царь весь отдался зрелищу.

Выскочил мужчина (его Орфеем назвали) с цимбалами и стал так-то ловко ногами выкручивать, что твой скоморох!.. Потом упал на колени и стал царя славить.

После этого действие началось. Играли Эсфирь. Все как по Писанию.

Цезарь, Ассуир с длинною черною бородою, и Эдисса, и Мордохей, и Аман — и все они играют и пляшут, и не знаешь, что чего лучше...

Петр смотрел, затаив дыхание, а царь приговаривал:

— Чудно! Дивно! Назидательная история и зело потешна!..

А в это же время в далеком Боровске кончалась Морозова [31].

Ее держали в великом утеснении, в земляной яме, над которой бессменно ходил стрелец, разлучая ее со всем миром.

Тело ее покрылось язвами, во рту образовалась цинга; с нее сняли оковы, но не облегчили ничем ее участи.

В эту ночь она почувствовала близость смерти.

— Милый! — сказала она стрельцу. — Господь зовет меня к себе, а у меня зело грязна сорочка моя. Не подобает мне, чтобы тело мое в нечистых одеждах легло в мать сыру землю.

Вымой для Господа Бога!

И стрелец умилился ее просьбою и вымыл ее сорочку.

Она облачилась в нее и тихо скончалась в ночь с первого на второе число ноября.

Тело ее завернули в рогожу и схоронили рядом с ранее умершей сестрою ее.

П. М. Строев, посетивший Боровск в 1820 году, видел на городище у острога камень, к которому боровские жители имеют особое почитание и даже кланяются ему до земли. Они рассказывают, что под камнем погребены две княжны, сожженные татарами.

Строев же разобрал на камне следующую полустертую надпись:

«Лета... погребены на сем месте сентября в 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена Евдокия Прокофьевна, да ноября 2 дня боярина... жена... Морозова боярыня Феодосья Прокофьевна, а в иноках инока-схимница Феодора; а дочери окольного Прокопия Сидоровича Соковнина. А сию цку положили на сестрах своих родных боярин Федор Прокопьевич да окольный»

Алексей Прокопьевич Соковнины».

Такова была кончина одной из ярких представительниц старого строя.

Выступила она на борьбу с новым течением и была сломлена.

Наступало новое время. Родился Петр, будущий реформатор, а его предтечею был царь Алексей со своею женою Нарышкиной и боярином Матвеевым.

Комментарии

Об авторе

ЗАРИН АНДРЕЙ ЕФИМОВИЧ (1862–1929), прозаик, журналист. Вырос в литературной семье, печатался с 1881 г. В 1883 г. исключен из 6-го класса Виленского реального училища в связи с арестом по обвинению в контактах с народовольцами. Содержался один месяц под стражей в Виленской тюрьме, затем в течение десяти лет находился под негласным надзором полиции. В 1886–1888 годах служил в Государственном банке в Петербурге, в Управлении государственных имуществ Петербургской и Псковской губерний. С 1888 г. полностью посвятил себя литературной деятельности. В 1890-е гг. публиковал «бытовые» повести и романы («Тотализатор», «Дочь пожарного», «Серые герои» и др.), посвященные жизни городских низов и получившие благожелательные отзывы критики. В 1900-е годы. Зариным были изданы многочисленные мелодрамы («Увлечение», «За чужое удовольствие» и

др.), исторические («Кровавый пир», «На изломе», «Власть земли», «Двоевластие» и др.) и уголовные романы. Позднее, в 1908–1909 годах отбывал одиночное заключение в петербургских «Крестах» за статьи, «возбуждающие к учинению бунтовщических деяний». До ареста редактировал журналы «Живописное Обозрение» (1902–1903), «Воскресенье» (1903–1905) и газеты «Обновленная Россия», «Современная Жизнь» (1905–1906), неофициально редактировал журналы «Звезда». «Природа и Люди». К 300-летию дома Романовых им было опубликовано тринадцать книг, посвященных жизни русских царей. После 1917 года Зарин сотрудничал в журналах «Смена», «Красный пролетарий», «Вокруг света», газетах, опубликовал несколько повестей, писал киносценарии.

Роман «На изломе» печатается по изданию титолитографии В. В. Комарова, С.-Петербург, 1901 г.

Хронологическая таблица

1645^{год}

14 июля — Алексей Михайлович вступает на царский престол.

1646 год

16 января — установлена новая пошлина на соль. Соляная пошлина стала причиной волнений и беспорядков во многих русских городах.

1647 год

несостоявшаяся женитьба Алексея Михайловича на дочери Рафа Всеволодского.

1648 год

16 января — венчание царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской.

5 апреля — Богдан Хмельницкий в сраже-

нии при Желтых Водах одерживает победу над армией Стефана Батория.

10 мая — кончина польского короля Владислава IV.

25 мая — бунт в Москве. Во время беспорядков убиты окольные Плещеев и Траханиотов и думный дьяк Чистой.

16 июля — особой комиссии поручается составление проекта нового Уложения.

1 сентября — начало работы Собора, созванного для принятия нового Уложения.

октябрь — родился царевич Димитрий.

10 ноября — королем Польши избран Ян II Казимир (брат Владислава III).

В 1648 г. отменена соляная пошлина, установленная в 1646 г. и вызвавшая массовые беспорядки в стране.

1649 год

5–6 августа — Богдан Хмельницкий с союзными войсками крымского хана Ислам-Гирея наносит тяжелое поражение шляхетскому ополчению у местечка Зборов в восточной Галиции.

9 августа — заключение Зборовского договора между Богданом Хмельницким и Яном II Казимиром. По условиям соглашения число реестровых казаков увеличивается до 40 000; Уния уничтожается, и киевский митрополит должен быть допущен в Сенат; евреи и иезуиты теряют право на жительство на Украине.

ноябрь — Зборовский договор утверждается польским Сеймом, однако условия соглашения не выполняются, и договор фактически не вступает в силу.

1650 год

февраль — в царской семье родилась дочь Евдокия. (Умерла в марте 1712 г.).

март — усмирение Новгородского бунта.

24 декабря — польский Сейм принимает решение об объявлении новой войны казачкам.

1651 год

17 сентября — под Берестечком король Ян II Казимир одерживает победу над Богда-

ном Хмельницким.

28 сентября — заключение Белоцерковского договора между казаками и Польшей. По условиям этого соглашения казаки оказываются почти в том же положении, в каком они находились до 1648 года. Новая война становится неизбежной.

октябрь — кончина царевича Димитрия.

1652 год

25 июля — возведение новгородского митрополита Никона на патриарший престол.

август — в царской семье родилась дочь Марфа. (Умерла в 1707 г.).

1653 год

1 октября — на Соборе, созванном в Москве, принимается решение «принять казаков в подданство». Польше объявляется война.

сентябрь — первый арест и ссылка в Тобольск протопопа Аввакума.

1654 год

8 января — на Переяславской раде принимается решение о переходе Малороссии под покровительство московского царя.

февраль — в царской семье родился сын Алексей. (Умер в январе 1670 г.).

27 февраля — из Москвы в Вязьму выходят первые войска — ополчение под командованием князя Щетинина и воеводы Долматова.

26 апреля — семидесятитысячное войско под командованием князя Трубецкого, составляющее вторую русскую армию, выступает на Брянск, (сорокатысячная первая армия под командованием Шереметева вышла из Великих Лук на Двину, третья — тридцатитысячная — под командованием Бутурлина отправлена в Путивль).

10 мая — на Девичьем поле проводится смотр войск, которыми будет командовать царь Алексей Михайлович.

18 мая — царь Алексей Михайлович выступает в Смоленский поход.

28 мая — королем Швеции становится Карл X Густав.

4 июня — у дер. Федоровское получено известие о том, что Дорогобуж сдался без боя. В этот же день Алексей Михайлович вступает в Вязьму, где остается до 10 июня.

13 июня — Алексей Михайлович вступает в Дорогобуж.

14 июня — получено известие о добровольной сдаче г. Белого войскам Темкина-Ростовского.

20 июня — Алексей Михайлович выходит из Дорогобужа к Смоленску.

26 июня — передовой полк Никиты Одоевского участвует в первой стычке с поляками на р. Колодня.

28 июня — царь Алексей Михайлович останавливается у Смоленска.

29 июня — получено известие о сдаче Полоцка В. Шереметеву.

2 июля — получено известие о взятии Трубецким Рославля.

9 июля — под Оршу против гетмана Януша Радзивилла выходят Я. Черкасский, Никита Одоевский и Темкин-Ростовский с сорокатысячной армией. Царь Алексей Михайлович с тридцатитысячной армией продолжает осаду

Смоленска.

20 июля — в русской ставке празднуется взятие Ник. Трубецким Мстиславля.

2 августа — получено известие о взятии Орши.

20 августа — получено известие о разгроме у г. Борисов гетмана Радзивилла. В этот же день получено известие о взятии Гомеля.

26 августа — общий штурм Смоленска.

28 августа — получено известие о взятии Могилева.

29 августа — получено известие о взятии Черска, Быхова и Пропойска.

4 сентября — получено известие о взятии Шклова.

10 сентября — начало переговоров о сдаче Смоленска.

23 сентября — защитники Смоленска сдаются московским войскам. Царь Алексей Михайлович входит в город.

10 октября — Алексей Михайлович отправляется из Смоленска в Вязьму.

21 октября — Алексей Михайлович прибывает в Вязьму, где остается, спасаясь от вспыхнувшей в Москве чумы, до февраля

1655 года. В Вязьме в это же время находится и царская семья.

1655 год

январь — в царской семье родилась дочь Анна.

10 февраля — Алексей Михайлович с семьей возвращается в Москву.

11 марта — начало нового похода царя Алексея Михайловича против Польши.

30 июля — торжественный въезд царя Алексея Михайловича в Вильну.

ноябрь — возвращение царя Алексея Михайловича в Москву.

В 1655 г. началась шведско-датско-польско-бранденбургская война. Шведская армия через Померанию вошла в Великопольшу и, соединясь с войсками, шедшими из Ливонии, захватила Варшаву. В Малопольше шведский король Карл X Густав занял Краков. Польский король Ян II Казимир был вынужден бежать в Силезию.

1656 год

15 июля — царь Алексей Михайлович выступает в Ливонский поход.

20 августа — начало осады Риги.

24 октября — подписание перемирия с Польшей. За признание царя Алексей Михайловича наследником польского престола с Польшей заключается союз против Швеции.

В 1656 году в Московском государстве начался выпуск медных монет вместо серебряных.

1657 год

27 июля — кончина Богдана Хмельницкого.

27 августа — на раде в Чигирине малороссийским гетманом объявляется Иван Выговский.

5 сентября — в царской семье родилась дочь Софья. (Умерла 3 июля 1704 г.).

1658 год

10 июля — патриарх Никон публично объ-

являет о сложении с себя патриаршей власти.

6 сентября — заключение гетманом Выговским Гадячского договора с Польшей. По условиям соглашения. Малороссия объявляется вольной страной, соединяющейся с Польским и Литовским государством под именем Великого Княжества Русского. Польша, Литва и Русь должны образовать равноправный союз трех государств под властью одного короля, избираемого всеми народами. Заключение Гадячского договора становится причиной начала новой войны Московского государства против Польши.

ноябрь — в царской семье родилась дочь Екатерина. (Умерла в мае 1718 г.).

1659 год

май — кончина царевны Анны.

июнь — войска князя Трубецкого разбиты гетманом Выговским у Конотопа.

17 октября — на Переяславской раде подтверждены статьи прежнего договора Хмельницкого с Москвой.

1660 год

январь — в царской семье родилась дочь Мария. (Умерла в марте 1723 г.).

февраль — созванный в Москве Собор решает лишить Никона чести, архиерейства и священства, а также избрать нового патриарха. Царь Алексей Михайлович не утверждает решение собора.

3 февраля — неожиданная смерть шведского короля Карла X Густава.

3 мая — заключение Оливского мира. Ян II Казимир отказывается от притязаний на шведский престол и уступает Швеции Северную Лифляндию, Эстляндию и о. Эзель. Швеция отказывается от Курляндии. Обе стороны подтверждают независимость Пруссии. Заключением Оливского мира заканчивается шведско-польско-датско-бранденбургская война.

1661 год

30 мая — родился царевич Федор. (Умер 27 апреля 1682 г.).

21 июня — заключение Кардисского мира между Россией и Швецией. Россия возвращает Швеции все завоеванные в Ливонии города: Кокенгаузен, Дерпт, Мариенбург, Анзль, Нейгаузен, Сыренск.

1662 год

май — в царской семье родилась дочь Феодосия. (Умерла в 1713 г.).

25 июля — московский бунт, вызванный падением стоимости медного рубля и ростом цен.

1663 год

17 июня — на «черной раде» под Нежином гетманом левобережной Украины провозглашен Иван Брюховецкий.

В 1663 году отменены медные деньги. Восстанавливается серебряное обращение. Протопоп Аввакум возвращен из ссылки.

1665 год

апрель — в царской семье родился сын Симеон.

1666 год

февраль — созванный в Москве Собор признает восточных патриархов и восточную церковь православными, книги, употребляемые ими при богослужении — правильными. Правильными признаются и решения Собора 1654 г. об исправлении богослужебных книг.

13 мая — протопопа Аввакума проклинают и расстригают в Успенском соборе. В ответ Аввакум возглашает анафему архиереям.

27 августа — родился царевич Иоанн. (Умер 29 января 1696 г.).

13 декабря — Никон, лишенный Собором патриаршего сана, сослан в Белозерский Ферапонтов монастырь.

1667 год

13 января — заключение Андрусовского договора между Россией и Польшей (на тринадцать с половиной лет). Россия получает ле-

вобережную Украину, Смоленск и Северские земли, а также Киев во временное владение (на два года). Таким образом, Украина оказывается разделенной между Россией и Польшей, что вызывает возмущение и казацкие бунты.

1—12 декабря — в Москве проходит Собор с участием константинопольского и иерусалимского патриархов. Собор подтверждает установления прежних соборов относительно исправления церковных обрядов и книг. Возглашена анафема тем, кто противится этим установлениям. С этого времени раскол можно считать окончательно оформившимся. Протопоп Аввакум в этом году сослан в Пустозерск.

В 1667 г. на юге страны начался бунт донских казаков под предводительством Степана Разина.

1668 год

январь — гетман Брюховецкий порывает с Москвой: на Чигиринской раде принято решение об отделении Малороссии от Москвы и

объединении левобережной и правобережной Украины в единое государство.

8 февраля — начало бунтов в Малороссии. Изгнание московских воевод.

7 июня — на Сербинском поле близ Диканьки казаками убит левобережный гетман Брюховецкий. Дорошенко объявляет себя гетманом правобережной и левобережной Украины.

1669 год

февраль — в царской семье родилась дочь Евдокия. (Умерла в младенчестве).

3 марта — кончина Марии Ильиничны Милославской, жены царя Алексея Михайловича.

март — на раде в Глухове гетманом левобережной Украины провозглашен Демьян Игнатьевич Многогрешный. Закончилось недолгое политическое единство левобережной и правобережной Украины под гетманством Дорошенко.

июнь — кончина царевича Симеона.

1670 год

17 января — кончина царевича Алексея.

24 июня — Разин захватывает Астрахань.

4 октября — Разин терпит поражение у Симбирска.

1671 год

22 января — царь Алексей Михайлович женится на Наталье Кирилловне Нарышкиной.

14 апреля — Степан Разин схвачен и пленен казаками.

6 июня — публичная казнь Степана Разина в Москве.

1672 год

30 мая — родился царевич Петр. (Умер 28 января 1725 г.).

17 июня — на раде в Конотопе гетманом левобережной Украины избран Иван Самойлович.

В 1672 г. заключен Бучацкий договор между Польшей и Оттоманской империей. По

условиям соглашения Польша признает Украину собственностью казаков. Бучацкий договор освобождает Россию от обязательств, налагавшихся на нее Андрусовским трактатом.

1673 год

август — в царской семье родилась дочь Наталья. (Умерла в 1716 г.).

1674 год

март — гетман Самойлович и воевода Ромодановский выступают против правобережного гетмана Дорошенко. Поставленный Польшей гетман Ханенко слагает с себя гетманское достоинство, а правобережные старшины, отпавшие от Дорошенко, провозглашают гетманам Самойловича. Таким образом, восстанавливается политическое единство левобережной и правобережной Украины под гетманством Самойловича.

21 мая — королем Польши избран Ян III Собеский.

1 сентября — царь Алексей Михайлович

объявляет царевича Федора наследником престола.

1676 год

22 января — взятие Соловецкого монастыря.

30 января — кончина царя Алексей Михайловича.

Примечания

1

Гречишником — в виде усеченного конуса.

[^^^]

Алексей Михайлович — русский царь, прозванный Тишайшим. Было бы неверно считать это его личным именем (что, к сожалению, случается довольно часто). «Тишайший» — это один из возможных вариантов перевода на русский язык традиционного титула западноевропейских государей «dementissimus» (милостивейший). Этот титул принадлежал не только царю Алексею Михайловичу, но и царям Федору и Ивану Алексеевичам, царевне Софье Алексеевне, Петру I.

[^^^]

После неудачной осады Смоленска армия воеводы Шеина вынуждена была капитулировать 12 марта 1634 года. Шеин был обвинен в измене и казнен, а с поляками заключен мирный договор, по которому смоленские и черниговские города навечно отходили к Польше.

[^^^]

4

Саадаки — чехлы для луков.

[^^^]

5

Повалуши — летние спальни, устраивавшиеся обычно во дворе.

[^^^]

6

Шестопер — боевое оружие, род булавы с головкой из шести металлических ребер.

[^^^]

Тулумбас — большой турецкий барабан, использовавшийся как сигнальный инструмент.

[^^^]

Аманат — правитель покоренного народа, взятый заложником в обеспечение верности его народа царю.

[^^^]

В сентябре 1653 года протопоп Аввакум был брошен в тюрьму, после чего последовала шестилетняя тобольская ссылка.

[^^^]

Шелеп — плеть, кнут. Неронов бит шелепами... — Протопоп Иван Неронов — активный противник реформ патриарха Никона, один из вождей раскола. В 1666 году (и вторично в 1667) отрекся от прежних убеждений и покался.

[^^^]

Красуля (красоуля) — большая монастырская чаша.

[^^^]

Схизматики — здесь: неправославные.

[^^^]

Подкоморий — судья, назначавшийся королем и ведавший вопросами размежевания владений. Чисто подкомориев соответствовало числу земских судов.

[^^^]

Одно из нововведений патриарха Никона заключалось в изменении привычного написания «Исус» на «Иисус». В старообрядческих изданиях написание имени Иисус с одним «и» сохраняется до сих пор.

[^^^]

Листовица — кожаные четки с кистью кожаных лепестков.

[^^^]

Заушать — бить по щекам.

[^^^]

И пан не шутит? (польск.).

[^^^]

Хороший (польск.).

[^^^]

Имение, имущество (польск.).

[^^^]

Солдатом (польск.).

[^^^]

Побывчился — умер.

[^^^]

Полеванье — охота с ружьем и собаками.

[^^^]

Коты — женские полусапожки.

[^^^]

Шабер — сосед.

[^^^]

Бирюч — глашатай.

[^^^]

Тавлеи — шашки.

[^^^]

Чекан — боевой топор с узким лезвием и молотовидным обухом.

[^^^]

Т. е. в виде букв «Г» и «П».

[^^^]

Повапленный (церковнославянск.) — окрашенный снаружи. «Горе вам, книжницы и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты». (Евангелие от Матфея, 23.27).

[^^^]

Достоинно внимания, что князь Урусов при всей своей силе не оказал никакой заступы жене своей, а напротив, как бы даже поощрял ее в упорстве. Не хотел ли он попросту избавиться от нее?... (Примеч. автора). Князь П. С. Урусов вскоре после ареста своей жены Евдокии и еще при ее жизни женился вторично на С. Д. Строгановой.

[^^^]

В действительности она умерла двумя годами позднее. (Примеч. автора).

[^^^]